

ДОСЬЕ

АЛЕКСАНДР БУШКОВ

ДОСЬЕ

КОТОРОЙ
ОУЧЬ ЕН 4

Россия

КОТОРОЙ
ОУЧЬ ЕН 4

АЛЕКСАНДР
БУШКОВ

Россия

БЛЕСК И КРОВЬ ГВАРДЕЙСКОГО СТОЛЕТИЯ

ОЛМА
МЕДИАГРУПП

АЛЕКСАНДР БУШКОВ

Россия

**КОТОРОЙ
ОНЕ БЫЛО 4**

БЛЕСК И КРОВЬ ГВАРДЕЙСКОГО СТОЛЕТИЯ

МОСКВА
ОЛМА-ПРЕСС
ОАО ПФ «Красный Пролетарий»
2005

УДК 93/94
ББК 63.3
Б90

Исключительное право публикации книги Александра Бушкова «Россия, которой не было-4. Блеск и кровь гвардейского столетия» принадлежит издательству «ОЛМА-ПРЕСС». Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону.

Оформление переплета

О. Петров

Бушков А.

Б90 Россия, которой не было-4. Блеск и кровь гвардейского столетия. — М.: «ОЛМА-ПРЕСС»; ОАО ПФ «Красный пролетарий», 2005. — 410 с.

ISBN 5-224-04891-5

ISBN 5-85197-211-4

История для Александра Бушкова не есть нечто застывшее, окостеневшее. Автор с присущей ему дерзкой фантазией продолжает разгадывать исторические загадки.

Есть период в истории России — 1725—1825 годы, который с полным правом можно назвать Гвардейское Столетие. Потому что от гвардии в те годы зависело очень многое — в том числе, остаться очередному самодержцу на троне или пасть, быть ему живым, или...

Государи и государыни восседали на тронах, думая, что они правят. Но совсем рядом все эти сто лет была *другая* сила, не имевшая прав и полномочий вмешиваться в государственные дела. Однако эта сила по имени Гвардия решала судьбу трона.

УДК 93/94

ББК 63.3

ISBN 5-224-04891-5
ISBN 5-85197-211-4

© Издательство «ОЛМА-ПРЕСС»,
2005

© ОАО ПФ «Красный пролетарий»,
оригинал-макет, 2005

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ: «НОВОЕ ВОЙСКО»

Этот период в истории России — 1725—1825 годы — с полным на то правом заслуживает наименования Гвардейское Столетие. Потому что как раз от гвардии в те годы зависело многое, очень многое — в том числе, остаться очередному самодержцу на троне или пасть, быть ему живым, или... Государи и государыни, разумеется, правили, восседая на тронах, прикладывая к указам большие печати, объявляя войны и заключая мир, осыпая золотом любимчиков и люто расправляясь с врагами. Но совсем рядом — штык достать может! — все эти сто лет помещалась *другая* сила, не имевшая никаких писанных прав и полномочий вмешиваться в государственные дела и судьбы государей; сплошь и рядом эта немаленькая сила по имени Господа Гвардия решала судьбу трона, свято веря, что имеет на это полное право. Неписаное. Право это висело на офицерском поясе и называлось «шпага». Впрочем, в ход чаще всего шли не шпаги, а совершенно мирные, на первый взгляд, предметы вроде тяжелых золотых табакерок и шарфов...

Этот период можно датировать предельно точно: с 28 января 1725 года, когда умер Петр I, до 14 декабря 1825 года, когда картечь Николая I положила конец Гвардейскому Столетию — блистающему и кровавому, веселому и жуткому, романтичному и насквозь обыденному.

Русскую гвардию этого столетия не раз и не два сравнивали с янычарами. Первым это слово употребил Петр III, с тех пор и повелось...

А кто такие янычары? Думается мне, небольшой экскурс в историю будет нелишним...

В середине XIV века никакой Османской империи еще не было, равно как и султанов. Поэтому глубоко ошибочны утверждения вроде «турецкий султан разбил сербов на Косовом поле». Разбить-то сербов на упомянутом поле Мурад разбил, но султаном он не был, время султанов еще не пришло...

В середине XIV века на территории нынешней Турции, кое-как меж собой уживаясь, помещалось около двадцати княжеств, звавшихся бейлик — больших и маленьких, сильных и слабых. Один из них по имени Османский (от его владетеля Османа, сына Эртогула) и стал тем центром, вокруг которого постепенно возникала Османская империя. Франция формировалась вокруг Парижа, Россия — вокруг Москвы, Османская империя выросла из Османского бейлика со столицей в крепости Бруса (Константинополь еще оставался в руках византийцев, а Анкара была

небольшим городком на пути торговых караванов).

У Османа был сын Орхан — именно он и начал завоевания на Балканах. Причем по весьма примечательной причине: расширять свой бейлик на восток за счет единоверных соседей у него не хватало сил, соседи, вульгарно выражаясь, смотрелись гораздо круче. А на Балканах, как частенько у славян водится, междоусобицы и раздробленности оказалось не в пример больше...

Именно Осман-бей и положил начало просуществовавшему чуть менее пятисот лет янычарскому корпусу. По его инициативе вместо старой пехоты «яя» был создан отряд в тысячу человек, так и названный без особых затей: «новое войско». По-турецки — «ени чери». В русском языке это со временем превратилось в «янычары»...

Первая янычарская тысяча состояла из пленных, главным образом христиан, и специально купленных для этой цели невольников помоложе, посильнее и поспортивнее.

Удивляться этому не стоит. Для невольников, думается, было гораздо предпочтительнее махать саблех в рядах Орхановой армии, чем до скончания века гнуть спину с мотыгой на поле какого-нибудь мелкопоместного урода. С одной стороны, солдат постоянно ходит под смертью, с другой же — войско в те времена без всяких оглядок на гуманизм и писанные конвенции (не существовало пока что никаких

конвенций) грабило захваченные города, сколько душе угодно. Извечная коллизия: на одной чаше весов — проблематичная смерть, на другой — гораздо более реальные золото, вино и бабы. Ход мыслей тех, кто с охотой в эти игры играл, предугадать нетрудно — всякий надеется, что убьют не его, а соседа...

Пленные тоже без особого сопротивления становились в ряды своих пленителей. Таковы уж были установления эпохи. Никто и слыхом не слыхивал об идее «национального государства», которую только через триста лет внятно сформулирует кардинал Ришелье и начнет претворять в жизнь. На дворе стоял самый обычный феодализм, и совершенно житейским делом считалось перейти от одного владельца к другому — причем религиозные различия никакой роли сплошь и рядом не играли. Религиозное противостояние и вызванные этим войны тоже были придумкой далекого будущего...

Время шло. Сын Орхана Мурад, сын Мурада Баязид потихоньку-полегоньку присоединяли к своим владениям другие бейлики — где дипломатией, где военной силой, где покупкой земель, где династическим браком. Вот их потомки уже звались султанами. Султаны расширяли государство, выхватывая куски везде, где только могли оторвать — взяли Константинополь и наречен Стамбулом, захвачены колонии венецианцев и генуэзцев в Крыму, продолжаются завоевания на Балканах...

И повсюду в первых рядах — янычары. Их уже не тысяча — гораздо больше. Мурад вводит систему под названием «девширме». В христианских провинциях Османского султаната, главным образом на Балканах, раз в три года (или в семь, по-разному) принудительно набирали мальчиков и юношей, которых обращали в ислам...

«Ага! — воскликнет иной нетерпеливый читатель, краем уха что-то такое слышавший. — И, конечно, тут же пинками загоняли в казарму, навешивали мушкет на спину и гоняли до седьмого пота!»

Не спешите. Тогдашние турки были гораздо умнее и практичнее.

Всех набранных зачисляли в специальный корпус, который так и назывался: «аджеми-огланы», то есть «чужеземные мальчишки». И вот там-то специальные чиновники, отнюдь не заинтересованные халтурить и судить поверхностно, к ним долго и тщательно присматривались. Говоря современными терминами, определяли профессиональную ориентацию — в зависимости от задатков и способностей. Что греха таить, иные «волонтеры» попадали в гребцы на судах, в садовники или простые крестьяне. Но хватало и таких, что оказывались в специальной школе при султанском дворце, и эти «ич-огланы», как их называли, получали лучшее образование, какое только могли дать в то время. И уходили на государственную службу. Иные делали прямо-таки

феерические карьеры. История Турции пестрит именами таких вот «ич-огланов» — дипломатов, министров, высоких чиновников, финансистов...

А значительная часть уходила в янычары. Тогда, в первые столетия существования оджака (так назывался Янычарский корпус), янычар был фанатичным и жестоким профессионалом. Все свободное время должно быть отдано военным тренировкам. Жить разрешается исключительно в казармах. Жениться запрещено. Заниматься каким бы то ни было ремеслом — запрещено. Спецназ. Элита. Все военные новинки — в первую очередь, янычарскому оджаку. И самые горячие дела — опять-таки янычарскому оджаку...

Некоторые считают тогдашних янычар лучшими солдатами в мире. Быть может, это правда. Ничего подобного янычарам не знал тогда ни христианский мир, ни единоверцы-соперники Турции. Аналогов этой «бешеной рати» просто не существовало:

Численность корпуса растет. При первых султанах — две-три тысячи, к концу пятнадцатого столетия — уже двенадцать. Во времена одного из самых славных султанов, Сулеймана II (1520—1566) янычар уже двадцать тысяч, при общей численности армии в сорок восемь тысяч.

Сулейман, которого европейцы звали Великолепный, а турки — Кануни, то есть Законодатель, за сорок шесть лет своего правления

провел тринадцать военных кампаний, из них десять — в Европе. При нем Османская империя достигла наивысшего расцвета могущества и славы — на суше и на море. И практически всем победам Великолепный обязан янычарам.

Ага янычар, то есть командующий оджака, играет в государстве огромное значение. Янычар уважают и боятся. Их значение растет, растет, растет...

Причина не только в их бешеной храбрости, но еще и в том, что они становятся едва ли не единственной силой, на которой держится султанат. Раньше, при первых султанах, главную военную силу составляли спахии, или сипахи — кавалеристы, получавшие на время службы земельный надел (кстати, среди них тоже хватало обращенных в ислам христианских мальчиков). Какое-то время сипахи дрались отлично, но с бегом лет, как известно, всякая достаточно сложная система стремится к самоорганизации, и при этом те процессы, что она считает необходимыми для собственного блага, далеко не всегда совпадают с интересами окружающих, да и самого государства...

Случилось то, чего следовало ожидать: сипахи всеми правдами и неправдами стремились сделать свои наделы наследственными. Вместо военных профессионалов понемногу зарождалась каста обыкновенных помещиков, желание воевать пропало, вместо себя сипахи стали в массовом порядке выставлять наемников. Их части

уже не воюют, а охраняют на поле боя султана и высших командиров, от бывшего «стального корпуса» остались одни воспоминания...

И янычары выдвигаются на первый план. Их число растет, растет... В 1680 году их уже более пятидесяти тысяч, во второй половине XVIII века — сто тринадцать тысяч четыреста (при общей численности армии в двести семь тысяч четыреста), к концу восемнадцатого столетия число янычар зашкаливает за двести тысяч...

Но это уже другие янычары! Не прежние. С ними происходит примерно то же, что стряслось с сипахи. Системы «девширме» больше нет. В оджак массово принимают коренных турок — выходцев из деревни, мелких торговцев, ремесленников. И главное — детей янычар.

Вот именно, детей. Прежних строгих правил больше нет. Давно уже янычар женат, живет в собственном доме, а не в казарме, в любой момент без особого труда может уйти в отставку и заняться любым ремеслом...

Впрочем, этого-то как раз многие не хотят. Гораздо более привлекательным выглядит оставаться в рядах — благо прежней системы многочасовой учебы уже нет, военной подготовке не уделяется почти никакого внимания. А жалованье, естественно, приличное. Вот и разбухают ряды — и каждый стремится пристроить в первую очередь собственных детушек на столь легкую и безопасную службу.

Ага, безопасную. Янычары пользуются любой возможностью увильнуть от войны...

Прежних элитных вояк давно уже нет. Незаметно сформировалась очередная каста — многочисленная, ленивая, горластая, готовая зубами грызть любого, кто посягнет на ее немаленькие привилегии. В середине XVIII века наш знаменитый некогда соотечественник Василий Бараншиков волею судьбы угодил в янычары и оставил интереснейшие воспоминания. Сабля в самоцветах, пистолеты в золоте, по стамбульской улице шествует расфранченный павлин, свысока глядящий на всех остальных...

Кстати, это именно янычары широко ввели в обиход в середине XVIII века ятаган — оружие длиннее кинжала, но покороче сабли. Дело в том, что, согласно правилам, янычар должен был оставлять в арсенале серьезное оружие: ружье и саблю. И выходить в город, на люди, чуть ли не голым — с жалким пистолетом и убогим кинжалом. А подражаться янычары любили, в том числе и меж собой, поединков меж ними случалось не меньше, чем среди мушкетеров. Вот и придумали способ и правила не нарушать, и иметь за поясом что-то посолиднее кинжала...

С некоторого момента янычарские мятежи расцветают пышным цветом...

Это жуткая штука — янычарский мятеж. Остались свидетельства очевидцев.

Во дворе казарм громоздятся перевернутые котлы — огромные, чуть ли не на роту. Господа янычары грохочут по ним палками, как по барабанам. Символика нехитрая: султан издавна считался «кормильцем» янычар, вот ему и дают понять: не нужно нам твоего хлеба-соли, собака! Визжат и кружатся дервиши из особо буйных сект вроде бекташей, издавна приятельствовавших с янычарами. Страсти накаляются, и, в конце концов, немаленькая орава, размахивая оружием, вываливается на стамбульские улицы. И тут уж — кто не спрятался, сам виноват, что не так смотрел, не так свистел...

Дело не ограничивается мирными обывателями, попавшими под горячую руку. Янычары свергают министров, везиров (некто вроде премьер-министра), а там и султанов. Причем, если свергнутый янычарами султан остается всего-навсего с выколотыми глазами и в темнице, то может считать, что ему несказанно повезло...

За шесть лет, в 1617—1623 годах, в результате янычарских бунтов на троне сменилось четыре султана! Естественно, это сплошь и рядом не самодеятельность оджака — янычарами управляют из-за сцены противоборствующие группировки знати. Но янычары не в обиде, такое положение им страшно нравится: можно продать свои услуги подороже...

Понемногу наиболее умные султанские министры стали понимать, что нужны реформы,

многое, в том числе и армию, нужно переделывать на европейский лад, потому что с тем, во что превратилась янычарская орда, уже невозможно не только воевать с внешним врагом, но и подавлять мятежи в собственной стране. Это уже не воины, а шайтан ведаёт что...

Султан Селим III в начале XIX века пытается ввести «новую систему». Речь в первую очередь идет о том, чтобы создать регулярную армию на европейский манер. Своими указами султан вводит обязательное военное обучение и строгую дисциплину, открывает школы для подготовки офицеров и военных инженеров, приглашает европейских инструкторов...

Благородное янычарское сообщество, как легко догадаться, разъярено до крайности. Господа янычары слишком хорошо понимают, чем все это может кончиться для их привилегий. Ну, а уж требование учиться воинскому делу и соблюдать дисциплину ни в какие ворота не лезет...

И вновь грохочут палки по днищам котлов, и дервиши орут: «Гу!»* и пора срочно спасать Святую Туретчину от еретических реформ Селима...

В 1807 году Селим был свергнут янычарами и убит.

Но потом янычары здорово промахнулись...

* «Гу» — «Он», одно из имен Аллаха.

В 1808 году знатный вельможа Мустафа-паша Байрактар, хотя и не был янычаром, поднял мятеж, со своими сторонниками захватил Стамбул, низложил «межеумочного» султана Мустафу IV, не успевшего толком и посидеть на престоле, и возвел на трон молодого Махмуда II.

Янычары встретили такие перемены с некоторым неодобрением. По их глубокому убеждению, свергать султанов было их собственной, давней и неотъемлемой привилегией, так что их глубоко оскорбило вмешательство какого-то паши в их исконную сферу деятельности. Но они поворчали и успокоились, в конце концов убивать султанов — дело житейское, каждый может попробовать...

И все бы ничего, но Байрактар, как стало доподлинно известно, собрался всерьез продолжать реформы Селима, а это было уже непростительно. «Не жилец», — мрачно подумали янычары, приглядываясь к котлам.

Короче, через три месяца Байрактара они убили — как водится, вдоволь погремев в котлы и побуянив на немощеных стамбульских улицах... А вот султана не тронули. С их стороны это было непростительной ошибкой — прадеды в былые времена с султанов только начинали, а уж потом переходили к мелочи вроде пашей... Что поделать, разленившиеся янычары потеряли былую сноровку.

Удержавшийся на троне Махмуд II правил себе и правил потихоньку, не особенно и ув-

лекаясь богомерзкими реформами своих незадачливых предшественников... И янычары по-немногу успокоились, бунтовать перестали.

Началась русско-турецкая война, как известно, для турок крайне неудачная — в первую очередь из-за того, что их армия была невероятно отсталой во всех смыслах и для боев с европейскими армиями уже не годилась. Вспыхнули мятежи по национальным окраинам. На подавление по старой памяти бросили янычаров, но они позорнейшим образом оскандалились в Греции, где их противником была даже не армия, а вооруженный чем попало восставший народ...

Великолепно использовав это поражение как предлог, воспрянувший Махмуд II, человек коварный, тихой сапой приступил все же к реформам. Для начала он добился от высшего духовенства согласия на создание «новоманерных полков», как сказали бы при Петре I в России. И успел сформировать восьмитысячное регулярное войско «эшкенджи» под руководством египетских офицеров (в Египте и обстановка была не такая затхлая, и офицеры толковее, и войска боеспособнее).

Вот тут до янычаров, наконец, дошло... 15-го июня 1826 года они по всем правилам подняли мятеж. Разгромили даже дворец великого везира — правда, его хозяин успел сбежать. После чего они всем гамузом собрались на пустыре под Стамбулом и устроили митинг, громогласно понося реформы и высказывая

друг другу свои обиды, и было их там — двадцать тысяч!

По сравнению с бунтами былых времен, когда султаны вмиг лишались голов, а весь Стамбул неделю прятался на всякий случай по погребам, это уже получалась какая-то дурная пародия: разнести дворец везира — всего-то! — а потом отправиться митинговать... Положительно, янычары были уже не те. Никакого сравнения с грозными прадедами, даже смешно...

Неизвестно, руководствовался ли в тот день султан Махмуд опытом Николая II на Сенатской площади. Но действовал он решительно: вместо того, чтобы скрыться в какое-нибудь безопасное местечко, вызвал топчу-баши, начальника артиллерии, генерал-фельдцейхмейстера, если по-русски...

По митингующим шарахнули картечью пушечные батареи. На пустыре полегло то ли шесть, то ли семь тысяч янычар, а остальные разбежались. Их разогнали по отдаленным гарнизонам и ссылкам. И не стало с того времени в Османской Порте янычар...

Их история далеко не во всем похожа на историю русской гвардии, но в ином столько схожего, что оторопь пробирает...

НАСЛЕДИЕ ПЕТРА ВЕЛИКОГО, НЕВЕЛИКОЕ СОБОЮ

Сходство главнейшее — то, что гвардия российская, как и янычары, со временем превратилась из удальцов, буквально не вылезавших со всех и всяческих полей сражений, в столичных дармоедов, вальяжно стоявших на страже у дворца монарха да блиставших на парадах усами и самоцветами. Причем сравнение в данном случае, как это ни унинительно для нашей национальной гордости, будет не в пользу наших предков. Если «сугубо фронтовой» период для янычар составил примерно двести пятьдесят лет, то российской гвардии было отведено в десять раз меньше, всего четверть века. При Петре немыслимым показалось бы, чтобы какой-то из гвардейских полков во время войны отсиживался в столице. Но после его смерти...

Вот исчерпывающий реестр боевых действий российской гвардии согласно авторитетнейшему в сем вопросе изданию: «Военной энциклопедии» 1912 года.

XVIII век. В 1737—1739 годах гвардейцы участвуют в Крымском походе Миниха — но незначительная часть, сведенная в отряд. При

Екатерине II в летние кампании Русско-шведской войны (1778, 1789, 1790) отметились опять-таки далеко не все гвардейцы: один батальон от каждого полка. Да и была эта кампания, честно говоря, войнушкой — мелкие масштабы, незначительные сражения. По-настоящему крупные и кровопролитные кампании XVIII столетия — Семилетняя война, турецкие походы — обошлись без малейшего участия гвардии.

XIX век. Гвардия (на сей раз, отдадим ей должное, практически вся) участвует в войнах с Наполеоном.

И на этом — все. В русско-японскую войну немало гвардейских офицеров уехали на Дальний Восток добровольцами — да еще во-евал в полном составе Гвардейский флотский экипаж. Но моряки и до того стояли как-то в стороне от разгульной и сытой, бездельной жизни сухопутных...

И только в Первую мировую гвардия в полном составе отправилась на фронт...

В XVIII столетии господа гвардейцы размещались не в казармах, а в своих собственных «слободах», своеобразных военных городках, не более четырех человек в просторной избе — это что касается холостых. Семейные обитали со своими чадами и домочадцами здесь же, в слободе, уже в отдельных домах, с обширными огородами... А впрочем, тот, кто хотел, мог жить не в слободе — в собственных апартаментах, у родственников, на съемной квартире.

Достаточно было написать рапорт. В 1762 году молодого Гавриилу Державина, прибывшего на службу в Преображенский полк, поселили в казарме исключительно потому, что у него не было ни единого знакомого в Петербурге.

Из приказа по Семеновскому полку от 6-го сентября 1748 года:

«...капрал Александр Суворов просит, чтобы позволено было ему жить в лейб-гвардии Преображенском полку, в 10-й роте, в офицерском доме, с дядею его родным реченного полку с господином капитаном-поручиком Александром Суворовым же, того ради вышеописанному капралу Суворову с оным дядей его родным жить позволяется».

«Вышеописанный капрал Суворов» — это и есть будущий генералиссимус. Выданное ему разрешение — не какая-то исключительная полагка, такова обычная практика.

В середине XVIII века Семеновский полк наполовину состоял из дворян. И практически каждый из них прихватывал с собой «в расположение части» собственных крепостных. Смотря по зажиточности, конечно. Молодой капрал Александр Суворов к магнатам не принадлежал, и при нем во время его службы находилось всего два дворовых. Но хватало и богатеньких, державших при себе десять—пятнадцать «душ». Сплошь и рядом именно эти «души» вместо своих хозяев отправлялись на хозяйственные и строительные работы. Еще один приказ по Семеновскому полку:

«Нижеописанных рот солдат, а именно: 2 роты князь Антона Стокасомова, Иева Казимерова... как на караулы, так и на работы до приказу не посылать, понеже оные, вместо себя, дали людей своих в полковую работу для зженья уголья; того ради оных людей прислать сего числа пополудни во 2 часу на полковой двор...»

Вот такие порядки в гвардии. Антон Стокасомов, конечно, рядовой солдат, но он еще и князь и не обязан пачкать благородные ручки «зженьем уголья»...

Что до строевых занятий, то и здесь господ гвардейцев особенно не утруждали.

«Ежели на сей неделе будет благополучная погода, то господам обер-офицерам, командующим, начать роты свои обучать военной экзерциции...»

А если погода будет скверная, то, следовательно, не беспокоить шагистикой...

Вообще усердствовать с обучением было опасно. Сержант Осип Шестаковский, преподаватель полковой школы, должно быть, оказался излишне придиричив. И вот результат: «...Петр Кожин разбил ему бутылкою лоб до кости, Иван Лихачев драл за волосы, отчего оный Шестаковский находится в болезни».

Последствия? Обоих продержали сутки на полковом дворе «под ружьем» (то есть заставили стоять в полной боевой выкладке), да взыскали пятьдесят рублей в пользу побитого и предписали, говоря современным языком, оп-

латить больничный. В качестве предостережения на будущее отечески наставлялось: «...прочим приказать, дабы такие молодые люди от таких непорядков себя весьма хранили, а ежели кто впредь так непорядочно в компании чинить будет и таковые без упущения имеют быть штрафованы и написаны в солдаты».

Надо понимать, переведены в обычные полки. Кстати, и Кожин, и Лихачев как были капиталами, так ими и остались. А унтер-офицеры-гвардейцы из дворян приглашались наравне с офицерами и на обычные балы-маскарады, и на балы в императорском дворце.

Жизнь, одним словом, вольготная и служба — необременительная. Тем более что и караульная служба — не бремя. Приказ Елизаветы от 5-го июля 1748 года с детским прямо-таки простодушием гласит:

«Ее Императорское Величество соизволила усмотреть, что на пикетах в Петербурге стоящие обер- и унтер-офицеры отлучаются от своих постов... наикрепчайше подтверждается, чтобы г-да обер-офицеры, также унтер-офицеры и прочие чины были на своих местах безотлучно...»

Дальше ехать некуда: императрица (!) вынуждена особым приказом напоминать унтерам (!), что в их служебные обязанности, если кто запомнил, входит безотлучное пребывание на посту...

Но и от этой «службы» гвардейцы увиливали, как могли. Например, добывали себе сви-

детельства о болезни и годами жили вдали от столицы, в Москве или в своих имениях. По воспоминаниям современников, прекрасно знавших эту систему, сложилась своеобразная твердая такса: чтобы получить свидетельство о болезни, следовало подарить лицу, от которого это зависело, две-три семьи крепостных...

Исторической точности ради следует упомянуть, что среди приказов по Семеновскому полку значится и такой:

«Хотя приказано и отдано было, чтоб унтер-офицеры пред караулами больными не сказывались, а ныне были наряжены сержанты князь Алексей Гагарин — на караул, Александр Суворов — на ординарцию к Его Высокопревосходительству господину подполковнику к Степану Федоровичу Апраксину и, как пришли с нарядов, то сказались больными; а которые скажутся при наряде больными, таковых велено было приказом привозить на полковой двор; токмо видно, что господа командующие обер-офицеры по тому не выполняют; и впредь таковых по силе отданного приказу привозить без всяких оговорок на полковой двор, а впредь в неисполнении полковых приказов командующие господа обер-офицеры имеют ответствовать; того ради прислать от роты для показания оных сержантов дворов к господину Келлеру солдат; а ему, господину лекарю Келлеру, осмотра, рапортовать Его Превосходительства господина премьер-майора» (30-е января 1753 года).

История умалчивает, как выпутались молодые унтера из этой ситуации. Разумеется, подобные проделки молодости ничуть не наносят урона славе великого полководца — по юности лет он наверняка следовал общераспространенным нравам вольготного гвардейского бытия...

Помимо этого, множество светских бездельников лишь числилось в гвардии, номинально имея чины (вплоть до полковничьих и генеральских). На деле эти «почетные полковники» в жизни не появлялись в полку, не умели извлечь из ножен шпагу и вряд ли знали, где следует дернуть у ружья, чтобы оно выпалило. Какая уж там строевая служба... Кстати, и полсотни лет спустя после Елизаветы Павел I будет снимать с постов вдрызг пьяных гвардейцев — в Петербурге, среди бела дня...

В штатном обозе гвардейского полка сержанту для его пожитков совершенно официально, согласно уставу, отводилось шестнадцать повозок, для сравнения: армейский полковник имел право только на пять...

Княгиня Дашкова простодушно вспоминала: «Гвардейские полки играли значительную роль при дворе, так как составляли как бы часть дворцового штата. Они не ходили на войну; князь Трубецкой (генерал-фельдмаршал русской армии! — А. Б.) не исполнял своих обязанностей командира.

Из записок знаменитого Андрея Болотова: «К числу многих беспорядков, господствовав-

ших в гвардии, принадлежало и то, что все гвардейские полки набиты были множеством офицеров; но из них и половина не находилась при полках, а жили они отчасти в Москве и в других губернских городах и вместо несения службы только лытали, вертопрашили, мотали, играли в карты и утопали в роскоши; и за все сие ежегодно производились, и с такой поспешностью, в высшие чины, что меньше нежели в 10 лет из прапорщиков дослуживались до бригадирских* чинов и по самому тому никогда и ни в которое время не было у нас так много бригадиров... нужно было только попасть в гвардейские офицеры, как уже всякий и начинает, так сказать, лететь, и, получая с каждым годом новый чин, в немногие годы, нередко, лежа на боку, дослуживался до капитанов; а тогда тотчас выходил либо в армейские полковники** и получал полк с доходом, в несколько десятков тысяч состоящим, либо отставлялся бригадиром...»

Помните пушкинского Петрушу Гринева, которого батюшка сразу при его рождении записал в полк сержантом? К совершеннолетию

* Бригадир — воинский чин, занимавший место меж полковником и генералом.

** При переводе в армию (если речь не шла о наказании) гвардейские офицеры не просто получали автоматически следующий чин — «прыгали» через чин: подпоручик — в капитаны, капитан — в полковники...

означенный недоросль Петруша, в жизни не видевши ни мундира, ни казармы, стал уже офицером... И это было обычной практикой: новорожденных, пользуясь связями, записывали рядовыми или сержантами в гвардию. Иные нетерпеливцы проделывали это, когда младенец находился еще в материнской утробе — и это порой влекло некоторую конфузию, когда на свет появлялась девочка...

Вот для примера блестящая воинская карьера одного из князей Оболенских. 25-го июня Василию Петровичу Оболенскому высочайше пожалован чин прапорщика. Через девять дней — подпоручика. 12-го августа того же года — он уже капитан...

А знаете, сколько лет его высокопревосходительству, господину капитану?

Пять!

Правда, стаж воинской службы для столь юных годов немалый. Почти полжизни. На службу князинька поступил в три года, сразу в сержанты. А в двенадцать лет, в звании майора, уже вышел в отставку. К тридцати трем годам Василий свет Петрович получил чин генерал-майора и орден за выслугу лет...

И подобных «майоров» — десятки, сотни! Ени чери, господа, ени чери...

Вы никогда не видели лейб-кампанца в парадной форме? Я тоже, но сохранилось описание. Напоминаю, лейб-компания — это своего рода гвардия гвардии. Те триста преображенных солдат, что под предводительством

Елизаветы Петровны возвели ее на трон в 1741 году, по приказу благодарной государыни были выделены в особую гвардейскую роту — Лейб-Кампанию.

Это было что-то! Даже на фоне тогдашнего гвардейского блеска. Все из трехсот, кто не из дворян, возводятся в потомственное дворянство. Каждый лейб-кампанец получает чин армейского поручика. Сержанты — подполковников. Прапорщик — полковника. Ротный адъютант — бригадира. Поручики — генерал-лейтенантов...

Рейтузы с золотыми галунами, поверх красных камзолов — зеленые кафтаны, а поверх кафтанов еще и супервест, ярко-красная накидка с Андреевской звездой на груди и двуглавым орлом на спине. Шляпа с плюмажем из страусиных перьев, торчащим вертикально...

За двадцать лет своего существования лейб-кампанцы ничем полезным себя не проявили. Зато гулять любили с размахом, так, что долго потом ежился стольный град Санкт-Петербург...

19-го августа 1755 года, вечер. Как издавна заведено, улицы на ночь перегораживают особыми шлагбаумами, рогатками, и возле них дежурят полицейские сторожа с трещотками. Один из таких сторожей вдруг видит, как к его будке что есть духу летит неизвестный штатского вида, оглашая ночную тишь истошным криком: «Караул! Спасайте!» За ним — лейб-кампанец с переломанным бильярдным кием

(а они тогда были массивнее нынешних), догоняет бедолагу и, не обращая внимания на стража порядка, принимается лупить несчастного своим «орудием».

Караульный, как ему обязанностями и предписано, крутит трещотку, вызывая подмогу. Отвлечшись на минутку от своего предосудительного занятия, гвардеец с неудовольствием спрашивает, отчего это посторонний вмешивается не в свое дело.

Караульный, по фамилии Ефимов, обстоятельно отвечает: мол, никакой он не посторонний, а сторож при рогатке, и в его служебные обязанности как раз и входит поддержание порядка.

Тогда бравый гвардеец и ему в зубы — тресь! Сбивает наземь и принимается охаживать кием так, что Ефимову ясно: его намереваются истребить до смерти. Кое-как вырвавшись, страж порядка бежит за помощью.

Прибывает воинская команда из армейских солдат с капралом. У побитого сломана нога, выбиты зубы, раны на голове и по всему телу. По горячим следам буяна задерживают. Он, точно, гренадер лейб-кампании и армии поручик Петр Коровин. Выясняется, что избитый — тоже персона немаленькая, главный переводчик питерской полиции Карл Болсен. Оказалось, у Коровина была с ним мелкая бытовая стычка, вот лейб-кампанец и не сдержался, случайно встретив в трактире «шпака»...

Второй случай. 25-го ноября 1755 года. В Санкт-Петербурге праздник. Мало того, государственный праздник номер один — очередная годовщина восшествия Ее Императорского Величества на престол. И в Зимнем дворце (старом, деревянном, на Мойке) государыня Елизавета Петровна, как обычно, собрала Лейб-Компанию на грандиозный банкет.

Пили долго, пили хорошо. Уже в первом часу ночи шествует по улице, выписывая зигзаги, лейб-компания гренадер (и армейский поручик, а как же!) Василий Поливанов. Узрев открытый трактир, он в компании двух приятелей-гвардейцев сворачивает туда и грозно требует в момент очистить бильярдную для него одного.

Видя его состояние, гости решают улетучиться подальше от греха. Пьяный гвардеец качается на стуле — и падает на пол, вызвав смех не успевших выйти.

Сие для бравого гвардейца крайне оскорбительно. И он, выхватив шпагу, кидается за насмешниками, громогласно обещая всех тут же изрубить в капусту. Однако они на трезвых ногах зайцами порскнули кто куда. А Поливанов с досады начинает разносить трактир: все бутылки — вдребезги, пара окон выбита, а напоследок и бильярдный стол изрублен...

Обоих «героев» взяли в оборот, конечно. Оба около года просидели под замком, а потом благополучно вышли по объявленной им-

ператрицей амнистии — Елизавета не раз и не два объявляла такие амнистии исключительно для лейб-кампанцев. Но оказались они за решеткой не благодаря неумолимой строгости закона, а исключительно потому, что генерал-полицмейстер столицы терпеть не мог лейб-кампанцев и пользовался любым предлогом, чтобы упечь их на нары.

Между прочим, трагикомическая подробность. Когда Поливанов сидел под стражей, дежурный офицер Артемий Русаков явился на службу пьяным вдребадан и, движимый, должно быть, воспитательным порывом, измордовал гренадера, как бог черепахи (за что, в свою очередь, угодил под арест).

Таковы были военные нравы. Приведенные случаи — не курьезы, а, можно сказать, будни. Караульные уходят с постов, дежурные офицеры являются на службу на четвереньках, буянят все — не только гвардия, не только по пьяной лавочке. Вот пара случаев из повседневной служебной деятельности Корчемной конторы — учреждения, надзиравшего за тем, чтобы торговля спиртным производилась в «специально отведенных для этого местах», говоря языком нынешних кодексов.

При Санкт-Петербургском почтамте издавна торговали спиртным распивочно и навывнос — на законном основании. Еще при Петре I тогдашний директор получил на это привилегию от казны. Однако кто-то об этом, должно быть, запомнил...

И вот в особняк на Миллионной улице врываются два десятка солдат под командой сержанта Астраханского полка Саввы Соколова и титулярного советника Балка. Ругательски ругая почт-директора Аша «шинкарем и прочими тому подобными бранными словами», запечатывают казенной печатью подвал с запасами вина и водки.

И все бы ничего, но воинская команда расходилась не на шутку. В служебном кабинете директора они залезли в шкаф с французскими винами, часть опробовали тут же, часть порывались взять с собой. И это еще не все — переворачивая все в здании вверх дном, сержант взломал двери в «тайную экспедицию»...

«Тайная экспедиция», размещавшаяся на почтамте, — святая святых тогдашней российской контрразведки. Там вскрывают письма, снимают копии с особо интересных, там лежат шифры, инструменты для распечатывания конвертов и приведения их потом в первоначальный вид, там всякая бумажка секретна, а бумаг — груды. А в толпе любопытных, по российской привычке набившихся в здание, — лакеи сразу двух иностранных послов!

Одним словом, ситуация неопишуемая, да вдобавок «прибитой на почтовом дворе герб поруганию ж отдан». И все это, повторяю, устроили сержант с титулярным советником...

Что интересно, их не наказали вовсе. Елизавета Петровна, находясь в добром расположении духа, попросту погрозила в адрес шалу-

нов пальчиком. И brave ребята из Корчемной конторы через несколько лет устроили заварушку почище...

Дворник шведского посольства злонамеренно продал кому-то на сторону «две бутылки полпива», что согласно букве закона было злостным нарушением всех предписаний. И вот по приказу управляющего Корчемной конторы подполковника Позднякова полсотни солдат с примкнутыми штыками врываются в посольство, защищенное дипломатическим иммунитетом (эти правила уже тогда соблюдались в полной мере).

Дворника обнаружили и заарестовали моментально, но решили покуражиться как следует. Солдаты гоняются по всему зданию за всеми, кто кажется им подозрительным. Одни караулят посла в его кабинете, чтобы не отправил кому-нибудь донесение о безобразиях; другие с гиканьем гоняют по дому чем-то им не понравившегося шведа-слугу, он прячется на кухне и запирает дверь, дверь выламывают, бедолагу связывают и вместе с дворником торжественно гонят через весь город в тюрьму. Шведский посол, оказавшись на свободе, мчится к канцлеру Бестужеву-Рюмину, дипломатический скандал, шокинг, пассаж!

Вы будете смеяться, но дело опять кончилось пшиком. Успокоив расходившихся шведов, императрица велела разжаловать подполковника Позднякова на полгода в солдаты, а его помощника, секретаря конторы, на тот же срок пере-

вести в простые переписки бумаг. Но уже через месяц оба проштрафившихся без особого шума «возвращены» к прежним чинам...

Это вовсе не благодушие. Это — опять-таки янычарство. Так уж было заведено Петром I: армия (да и любые военизированные структуры, располагавшие солдатскими командами) вела себя в России, как в завоеванной стране. Человек в мундире стоял над всеми законами и творил, что хотел. Его просто не принято было наказывать серьезно, что бы он ни выкинул в административном раже. Янычарство...

Собственно говоря, все население Российской империи разделилось на две категории — военные и штатские. Первые, соответственно, секущие, вторые — секомые. Оказаться среди «секомых» мог и мужик подлого звания, и родовитый дворянин, имевший несчастье не принадлежать к обмундированным вершителям судеб.

В книге «Русская история с древнейших времен» М. Н. Покровского, вышедшей в 1911 году, есть репродукция примечательной картины — к сожалению, здесь ее невозможно привести, масштаб не тот, все будет выглядеть мелким, неразличимым. Но, думается мне, из сопровождавшего ее текста читатель и так многое поймет...

«Оригинал картины А. П. Рябушкина «Потешные Петра I в кружале» (1892 г.) находится в Третьяковской галерее в Москве. На картине мало воздуха и света, давит потолок, взор

зрителя главным образом притягивается к длинной трубке, из которой затягивается наиболее характерный, с бритым подбородком петровский потешный, сидящий в новеньком головном уборе... Люди с бородами и в длинных мужицких армяках с удивлением вглядываются в этих своих «православных», опоганенных табачищем и подобием антихристового образа. Атмосфера, в которой, с одной стороны, будет подготавливаться протест против насильственных эксцессов Петровской реформы, а с другой — образование известной пропасти между армией и народом — вся налицо».

Действительно, картина впечатляет — два мира смотрят друг на друга, два образа жизни. Эта «известная пропасть меж армией и народом» будет углубляться и углубляться. Жизнь станет все более милитаризованной, янычарство проникнет повсюду..

Стоит ли удивляться, что в романтическом XVIII столетии воевали меж собой... и помещики?

1742 год, Вязьма. Помещик Грибоедов вооружает чем попало свою дворню и под покровом ночи нападает на соседнюю усадьбу помещицы Бехтеевой. Выгоняет хозяйку и преспокойно селится в имении.

1754 год, Орловщина. Три брата Львовы выступили в поход на своего соседа, поручика Сафонова. Двое братьев — штатские, а третий — корнет, он и командует. На супостата выступает настоящая армия — шестьсот чело-

век, впереди, верхами — помещики и приказчики. И это не шутки. Итог весьма серьезный. С обеих сторон — одиннадцать убитых, сорок пять тяжелораненых, двое пропали без вести.

1755 год. Помещица Побединская, провинциальная амазонка, лично ведет свою дворню в бой на соседей-помещиков Фрязина и Леонтьева. Опять-таки все всерьез — оба помещика убиты. Известна и битва вооруженных крепостных генеральши Стрешневой с людьми князя Голицына.

1774 год. Майор Меллин, командир одного из полков, отправленных на войну с Пугачевым, получает донесения, от которых поначалу приходит в ужас и отказывается верить. Но все подтверждается: пользуясь всеобщим хаосом, иные дворяне, вооружив холопов, сражаются друг с другом, сводя старые счета, крушат усадьбы врагов, а самих их вешают, благо все можно свалить на пугачевцев...

Но не будем забегать вперед. Более-менее подробно изучим выбранный нами век, начиная с первого момента появления на сцене господ гвардейцев, исполнивших уверенность, что им дано право решать судьбу трона российского.

Итак, занавес поднят, чтобы не опускаться, еще трещат барабаны, топорчатся кружева, сверкают шпаги...

Начинается Гвардейское Столетие!

ЗИМА! РЕЙХСМАРШАЛ, ТОРЖЕСТВУЯ...

28-е января 1725 года. Где-то в задних комнатах еще хрипел Петр I, но жить ему оставались считанные часы, и пора было позаботиться о преемнике... или преемнице.

Стояла ночь. Во дворце собрались «верхние люди», сановники — сенат, генералитет, синод. Вот только в углу огромной залы зачем-то толпились гвардейские офицеры, которым по незначительности чинов, в общем, делать здесь в столь серьезный момент было нечего. Те из знатных особ, что не знали, какого рожна тут делает гвардия, спросить то ли стеснялись, то ли боялись, а другие и так прекрасно знали, что к чему.

Как мы помним, Петр коченеющей рукой нацарапал на грифельной доске «Отдайте все...» и более не смог вывести ни буквы. А впрочем, некоторые историки считают, что рассказ о незаконченном распоряжении — не более чем красивая легенда. Ну, какая разница...

Одни предлагали возвести на трон внука Петра и его тезку, Петра Алексеевича, сына убитого Алексея Петровича, поскольку маль-

чишка, как ни крути, был самого что ни на есть благородного происхождения, не в пример отпрыскам от второго брака с чухонкой непонятного рода-племени.

Однако против выступила крепко сколоченная тройца — князь Меншиков, Петр Толстой и генерал-адмирал Апраксин. Мотивы Толстого лежали на поверхности — в деле царевича Алексея он сыграл самую зловещую роль, одну из главных, и опасался возмездия (которое его через пару лет и настигло). Мотивы Меншикова тоже не представляли собой особой загадки: он, всем известно, пользовал Катьку Скавронскую в период меж драгунами и государем Петром Алексеевичем, и мог вертеть ею, как хотел...

И, едва вслух было озвучено предложение насчет юного Петра, началась заваруха. С улицы послышался сухой треск военных барабанов — и обнаружилось, что на дворе в полном составе выстроились оба гвардейских полка, Преображенский и Семеновский. Князь Репнин простодушно начал возмущаться: «Кто осмелился привести их сюда без моего ведома? Разве я не фельдмаршал?»

На что генерал Иван Бутурлин — лицо, подчиненное Репнину по службе! — невозмутимо ответил, что гвардии велел сюда прийти именно он, по воле императрицы, которой обязан повиноваться всякий, в том числе и фельдмаршал.

Дальше было совсем просто. Меншиков (по некоторым воспоминаниям, со шпагой наголо)

объявил, что, выражаясь современным языком, есть предложение избрать на царство государыню императрицу Екатерину. А если кто против, пусть смело выскажется в полный голос — интересно будет послушать и Меншикову, и господам офицерам вон там, в уголочке, и всей наличной гвардии, трещащей на дворе ба-рабанами...

Упомянутые господа офицеры довольно громко, словно хор в греческой трагедии, загомонили, на хорошем и смачном русском языке объясняя, что они сделают с тем врагом народа, который станет противиться избранию матушки Екатерины. Впрочем, особого садизма они не проявляли, обещая лишь поразбивать головы и ноги повыдергать. Зато Меншиков, по свидетельствам очевидцев, браво добавил что-то вроде: «Насмерть пришибем, к чертовой матери!»

В этих условиях сопротивляться внесенному Меншиковым предложению мог разве что самоубийца — а среди собравшихся таковых не нашлось. И кандидатура Меншикова была принята единогласно: все «за», ни единого против, а также воздержавшегося. Так что все обстояло весьма демократично: в конце концов, никому ноги так и не повыдергали и ни одной головы не расшибли...

Дело получилось неслыханное: пожалуй, впервые за всю историю европейских монархий на троне (к тому же — огромной империи, не какого-нибудь Монако!) оказалась особа,

мягко выражаясь, специфическая. Пьющая, вздорная, туповатая бабенка так до сих пор и не установленной точно национальности, но самого что ни на есть простонародного происхождения. Взятая при штурме города пленница, которую сначала раскладывали в обозе драгуны, потом пользовали господа сановники... Наконец, она попала на глаза государю императору Петру Алексеевичу, да как-то незаметно вспорхнула в законные супруги и полноправные императрицы... Что ей, впрочем, не помешало потом наставлять грозному «херу Питеру» развесистые рога, такие, что любой олень позавидует.

Пожалуй, это был наивысший успех, какого только добился в своей причудливой и противоречивой жизни рейхсмаршал Александр Данилович Меншиков...

Этот титул — не ошибка и не ирония. Меншиков официально именовался в свое время «господин рейхсмаршал», поскольку был главой сухопутной армии и главноначальствующим русского флота. Вот и ввели специально для него очередной позаимствованный из немецкого языка титул.

Мне не удалось установить, несмотря на долгие и тщательные поиски, бывали ли еще в европейской истории рейхсмаршалы, кроме Александра Меншикова и Германа Геринга. В любом случае, если сравнить обоих рейхсмаршалов, петровского и адольфовского, без малейшей натяжки обозначается череда очень

уж зловещих, полумистических совпадений. И Александр, и Герман происходили из низов. Оба в молодости храбро воевали. Оба потом, заматерев в высших сановниках своих государств, печально прославились прямо-таки фантастическим казнокрадством и стяжательством. Оба, как барбоска блохами, были увешаны орденами, должностями, почетными званиями (разве что в титулах Александр обскакал Германа). Оба кончили скверно — один умер в ссылке, в стоящей на вечной мерзлоте убогой избушке, другой отравился в тюремной камере в ожидании виселицы. Положительно, что-то есть в титуле рейхсмаршала, приносящее несчастье!

И началось «бабье царство»... Нужно упомянуть, что высокие сановники все же приняли некоторые меры против гвардейского самовольства — они создали высший орган управления государством, Верховный тайный совет. Совершенно непонятно, что в нем было тайного, если его членов все прекрасно знали, и собирались они на заседания не в конспиративном подвале, а в роскошных палатах, но так уж он именовался согласно очередным заимствованиям от немцев. Нельзя сказать, что орган этот очень уж ограничивал власть монарха, но кое-какую роль в управлении государством все же играл.

Двухлетнее царствование Екатерины, если приглядеться к нему пристально, особого интереса не представляет. По инерции, ни шат-

ко ни валко, государственные дела кое-как тащились через пень-колоду, сопровождаемые мелкими реформами, касавшимися третьестепенных деталей государственного аппарата. Из мало-мальски заметных событий следует отметить лишь отправку во Францию русского торгового корабля, да и то курьеза ради: судно послали в плавание не столько ради обучения навигацкому делу мореплавателей, сколько «для слуху народного, что русские корабли ходят во французские гавани».

Что еще? В народе ходили упорные слухи, что помер не настоящий царь Петр, а как раз тот подменыш, которого прислали из «града Стекольны» зловредные шведы, ввергнув в узилище настоящего. И вот теперь настоящему удалось освободиться из плена, он вот-вот доберется до России и сделает всему православному народу неслыханное облегчение. Что любопытно, в дополнение к этим слухам так и не появилось ни одного самозванца, хотя момент был самый подходящий...

Но это, конечно, были только слухи. Царь Петр был один, настоящий, и он, когда гвардия решала судьбу трона, еще корчился где-то в задних комнатах, умирая то ли от жесточайшей простуды, то ли от нелеченного сифилиса — и мебель издавала странные скрипы, а по темным углам осиротело таились мохнатые тени...

Ну, и царствование Екатерины, разумеется, было ознаменовано прежним, непрерывным и

лишенным особой фантазии казнокрадством Меншикова. Александр Данилыч как-то незаметно ухитрился отложить про черный день в лондонских и амстердамских банках девять миллионов рублей, бриллиантов и прочих драгоценностей еще на миллион (для сравнения: весь государственный бюджет Российской империи в 1724 году составил шесть миллионов двести сорок три тысячи сто девяносто семь рублей).

Размах, с которым лихоимствовали Меншиков и прочие тогдашние «верховные господа», пожалуй, даже не превзойден во времена достопамятной нашей приватизации, что бы про нее ни говорили...

Вот вам для примера два славных орла, родные братья Дмитрий и Осип Соловьевы. Митенька — обер-комиссар в Архангельске, заведующий всей тамошней внешней торговлей. Осипушка — комиссар в Голландии по приему и продаже российских товаров. Ну, и развернулись! Митенька через подставных лиц скупал в Архангельске зерно и, минуя таможду, отправлял его в Амстердам, где на бирже сидел Осипушка. Прибыль шла опять-таки в лондонские и амстердамские банки (причем Осип, в добавление к русскому, оформил еще и голландское гражданство). Ясно даже ежу, что без «крышевания» Меншиковым тут просто не могло обойтись: не таков был Александр Данилыч, чтобы упустить из виду столь привлекательные переговоры...

Да, еще ее величество Екатерина I издала именной указ об ужесточении правил кулачных боев: настрого запрещалось закладывать в рукавицы какие бы то ни было посторонние предметы вроде подков и булыжников, а также, войдя в раж, гоняться с ножами друг за другом. Шутки шутками, но Екатерина, похоже, была первым в истории лидером России, оставившим писанные распоряжения насчет спортивных мероприятий. В июле 2006 года этому указу исполнится двести восемьдесят лет — чем не праздник для Федерации бокса?

Через два с лишним года Екатерина умерла — как деликатно тогда объявлялось, от «горячки». На деле бабенку сгубило запойнейшее, без малейшего перерыва пьянство: Екатерина изволила вкушать любимое венгерское вино годами, без перерыва даже на денек. Человеческий организм таких забав не в состоянии выдерживать бесконечно — он и не выдержал однажды...

«ЗАПРЯГАЙТЕ САНИ, ХОЧУ ЕХАТЬ К СЕСТРЕ...»

После смерти Екатерины не последовало ни беспорядков, ни телодвижений со стороны гвардии. Императрица успела составить завещание, которым, в частности, отказывала престол российский малолетнему Петру Алексеевичу. Правда, моментально возникли слухи, что этот testament (как тогда говорили на польский манер) — поддельный. Но это, вне сомнения, были только слухи, вызванные нерасположением к Меншикову: по завещанию, следовало «супружество учинить» между юным государем и одной из дочерей князя Меншикова. Отсюда и злопыхательство тех, кто был недоволен во все уж феерическим возвышением Алексашки — не только в герцоги Ижорские и князья Римские, но еще и в царские зятья... Вряд ли тут имела место подделка — Данилыч и без того вертел пьяненькой императрицей как хотел, во всякое время суток и в любых смыслах.

Но довольно быстро Меншиков рухнул. Как хрустальный графин с девятого этажа — моментально и вдребезги...

В завещании Екатерины самому Меншикову не отводилось какой бы то ни было роли в

управлении государством Российским, но он поначалу распоряжался так, словно ничего особенного не произошло, и он по-прежнему вертит империей. Корни тут, думается мне, кроются в коротком и простом слове «привычка». Господин рейхсмаршал, герцог Ижорский и князь Римский, академик Лондонской королевской академии, похоже, просто привык, что он похож на птицу Феникс, и думал, что всегда, словно кошка, приземляется на лапы и все ему сходит с рук...

Определенно по привычке он ухитрился обокрасть и малолетнего императора. Купеческая депутация преподнесла юному государю презрительное количество золотых монет, но тут появился Меншиков и велел отнести денежку к нему в покои, где она будет сохраннее...

Императору доложили. Император разобиделся, как любой бы на его месте. А если учесть, что в фаворитах у Петра II ходили ненавидевшие Меншикова люди — и хитрый обрусевший немец, вице-канцлер Андрей Иванович Остерман, и, что гораздо опаснее, Иван Долгорукий, обер-камергер и тайный советник, любимец самодержца...

Выражаясь современным языком, с некоторых пор многочисленное семейство Долгоруких — целых шестеро, и все при высоких постах! — самым откровенным образом приватизировало юного императора, которого разве что не водило за собой на веревочке.

Впрочем, тут сыграли роль чисто житейские мотивы. Меншиков, Остерман и прочие пожилые государственные мужи только и делали, что лезли со скучными бумагами, а девятнадцатилетний князь Иван Долгорукий сопровождал тринадцатилетнего императора на охоту, подливал винца да вдобавок просветил, какие проказы можно вытворять с юными фрейлинами, не обремененными особым целомудрием. Вот и стал лучшим другом, имевшим на самодержца несказанное влияние.

И Меншикова свалили. В его падении сыграли немаленькую роль опять-таки гвардейские полки — не какими-то своими поступками, а как раз бездействием. Без всякого сомнения, Меншиков, будь к тому хоть малейший шанс, попытался бы использовать гвардию так, как два года назад, чтобы удержаться. Но гвардии он уже осточертел. Гвардия устранилась. И Меншиков полетел. Его заставили перевезти в Россию все прихорошенные за границей наворованные миллионы, отобрали ордена и отправили к черту на кулички в ссылку. А невестой императора вместо Марьюшки Меншиковой семья Долгоруких назначила Екатерину, сестру Ивана.

И надо же было такому случиться! Император подхватил где-то оспу — тогда это была страшная болезнь, которую лечить не умели совершенно...

И он умер. Последними его словами стали:
— Запрягайте сани, хочу ехать к сестре...

Его сестра Наталия Алексеевна умерла годом и двумя месяцами ранее.

Недолгое царствование Петра Алексеевича II ровным счетом ничем не примечательно. Единственно, пожалуй, тем, что в 1729 году сын астраханского священника Василий Кириллыч Третьяковский, не ставший еще академиком и придворным поэтом, но успевший проучиться три года в Сорбонне, перевел на русский галантный роман французского аббата Талемана «Езда на остров любви», имевший в России невероятный успех.

И вот тут, когда император едва успел остыть, вновь замаячила нешуточная виртуальность!

На юном императоре пресеклась мужская линия дома Романовых, но дело даже не в этом. Главное — не осталось никакого завещания, а это придавало законность любым неожиданностям!

В самом деле, как мы помним, Петр Великий ввел особым указом порядок, согласно которому царствующий монарх вправе сам назначить своим преемником любого, кому ему только взбредет в голову. И создалась занятная коллизия...

Действия гвардейцев под предводительством Меншикова, силком возведших на престол Екатерину, можно назвать произволом — но вот беззаконием, строго говоря, никак нельзя именовать. Беззаконием было бы нарушение

посмертной воли Петра — но он-то завещания не оставил!

Сейчас ситуация поменялась решительно. Екатерина, правда, в своем тестamente отменила установление покойного мужа и пунктом восьмым установила строгий порядок: «Ежели великий князь без наследников представится (т. е. малолетний Петр — А. Б.), то имеет по нем цесаревна Анна с своими десцендентами (потомками — А. Б.), по ней цесаревна Елизавета и десценденты, а потом великая княжна (Наталия Алексеевна — А. Б.) и ее десценденты наследовать, однако ж мужеска пола наследники пред женским предпочтены быть имеют. Однако ж никогда российским престолом владеть не может, который не греческого закона или кто уже другую корону имеет».

Все вроде бы расписано точно? Не спешите! «Цесаревна Анна», то есть дочь Петра и Екатерины Анна, выданная за герцога Голштинского Фридриха Вильгельма, уже два года как умерла, успев перед тем родить Карла Ульриха (будущего Петра III). А это изрядно запутывало ситуацию. С одной стороны, из трех наследников жива одна-единственная Елизавета, с другой — ясно сказано, что потомки мужского пола имеют преимущество перед женской линией, а это вроде бы свидетельствует в пользу двухлетнего Карла Ульриха, хотя он и лютеранин, а не «греческого закона». Путаница откровенная, и ее можно

повернуть в любую сторону, если у тебя под рукой гвардия!

Забегая вперед, скажем, что «верховники» отыскиали третье решение, но это было чуточку позже...

А пока что собралась вся «фамилия» Долгоруких и принялась обсуждать, не устроить ли авантюру. Была выдвинута идея возвести на престол Екатерину Долгорукую, полноправную, законную невесту покойного императора! Завещания, правда, не имелось, но фельдмаршал Василий Лукич Долгорукий был в Преображенском полку подполковником, а девятнадцатилетний Иван — майором. Пример Меншикова еще не успел выветриться из памяти. Высказывалась идея уговорить сановников вроде Голицына и Головина поддержать эту идею, «а буде заспорят, можно и прибить». Вспоминали не только Меншикова, но еще и то, как правительница Софья в свое время подняла стрельцов, а Петр Великий, в свою очередь — два «потешных» полка. Вспоминали, что Долгорукие, конечно, не Рюриковичи, но и Романовых к Рюриковичам можно отнести лишь с превеликой натяжкой... Одним словом, замаячил план вполне реального переворота, в российских условиях имевшего немало шансов на успех...

Они не решились!

Фельдмаршал Василий Лукич категорически отказался в это дело впутываться. Отнюдь не по благородству души — попросту побоялся,

что гвардейцы не только за ним не пойдут, но еще, чего доброго, и пристукнут сгоряча. Должно быть, трезво оценивал свой, говоря по-современному, имидж, и знал, что особой любви к нему гвардия не питает.

К тому же отношения в обширной семейке были, безусловно, далеки от братских. Они друг друга терпеть не могли! Вплоть до того, что князь Алексей ненавидел собственного сына Ивана, а Екатерина в последнее время открыто заявляла, что, едва став императрицей, навечно законопатит брата Ваньку в самое глухое сибирское местечко, какое только сыщут...

Ну, а хитрющий фельдмаршал Василий Лукич попросту боялся, что, идя по стопам Меншикова, клан Долгоруких разделит его участь (и, между прочим, как в воду глядел!).

Решено было ограничиться тем, что на скорую руку сочинили «завещание императора», по которому покойный назначал правительницей свою нареченную невесту. Князь Иван, мастер подделывать почерки, вмиг состряпал сразу два экземпляра — один с поддельной подписью Петра, а второй неподписанный: авось умирающий еще придет в сознание настолько, что ему хватит сил расписаться...

Петр в сознание так и не пришел, а шестеро членов Верховного тайного совета попросту проигнорировали предъявленное двумя Долгорукими «завещание» (есть подозрение, что,

будь оно сто раз подлинным, его все равно определили бы для более прозаического употребления — ведь «верховники» уже нашли третий вариант, свой!).

Этот «вариант» именовался — Анна Иоанновна, племянница Петра Великого, прозябавшая в пошлой бедности после кончины супруга, вдова герцога Курляндского...

«ВИВАТ, АННА ВЕЛИКАЯ!»

Именно такая надпись десять лет красовалась потом на клинках офицерских шпаг — я сам держал в руках такую.

Следует сразу оговориться: Верховный тайный совет из восьми персон, пригласивший курляндскую вдовушку на царство, твердо рассчитывал править сам. А потому вместе с приглашением отправил Анне Иоанновне «кондиции», сиречь особые договорные условия, по которым она не вольна была управлять решительно ничем. Войны самостоятельно не объявлять, мира не заключать, новых налогов не вводить, в военные (сухопутные и морские) и штатские чины выше полковника не производить, вотчины и деревни не жаловать, из государственных доходов ни одной копейкой не распорядиться. В придворные чины без ведома Совета не производить, к «знатным» делам никого самостоятельно не определять, а гвардия вкупе с армией остаются под командой Верховного тайного совета...

Это был черновик! Вошедшие во вкус «верховники» добавили еще несколько пунктов, еще более «ущемительных» — будущая импе-

ратрица не имеет права судить дворян, вступать в брак, назначать наследников. За нарушение одного-единственного пункта — автоматическое лишение короны российской.

Одним словом, будущей государыне оставался почет без власти — прямо-таки на тогдашний аглицкий манер. И тем не менее Анна эти условия скрепила своей подписью, определенно полагая, что лучше быть куклой на троне российском, чем прозябать в своей крохотной Курляндии, которая не на всяких картах обозначена...

С «кондициями» и согласием на них Анны ознакомили «общественность» — то есть высших военных и гражданских чиновников. Общественность встретила новости с огромным неудовольствием. Все прекрасно понимали, что на их глазах меняют шило на мыло: вместо одного самодержца будут восемь, только-то и всего... «Восьмибоярщина», по аналогии с печальной памяти «семибоярщиной». А по-современному — правление олигархов.

Прекрасно это понимавший в свое время Пушкин отзывался о затее «верховников» с явным неудовольствием: «Владельцы душ, сильные своими правами, всеми силами затруднили б или даже вовсе уничтожили способы освобождения людей крепостного состояния, ограничили б число дворян и заградили б для прочих сословий путь к достижению должностей и почестей государственных».

Россию ждала хунта из восьми магнатов, что ничем не лучше тирана-одиночки на троне. Хрен редьки не слаще. Что пнем по сове, что сову об пень...

Кстати, наша хитрющая восьмерка и не заикнулась, что это именно они навязали кандидке столь обременительные условия. Дело они представили так, будто Анна в кротости своей сама предложила Верховному тайному совету снять с нее тяжкое бремя государственных дел. Знаменитый церковный иерарх Феофан Прокопович, вошедший в число «представителей общественности», вспоминал: «Некто из кучи тихим голоском, с великою трудно-стью промолвил: «Не ведаю, де, и весьма чуж-дую, из чего на мысль пришло государыне тако писать?» — то на его слова ни от кого ответа не было».

«Общественность», конечно же, прекрасно смекнула, что к чему. Но повсюду снова стояла гвардия! Феофан Прокопович: «...которые вчера великой от его собрания ползы надеялись, опустили уши, как бедные ослики, шептания во множестве оном пошумливали, а с негодованием откликнуться никто не посмел, и нельзя было не бояться, поне-же в палате оной, по переходам, в сенях и избах многочинно стояло вооруженного во-инства...» Кем же еще могло быть это воин-ство, как не гвардией? Не сиволапую же ар-мейскую пехоту привлекли к столь важному делу...

Вот только совсем скоро оказалось, что вышванная для устрашения «общественности» гвардия придерживается другого мнения по поводу истории с «кондициями»!

Умонастроения дворянства (а значит, и гвардии) саксонский посланник Лефорт в донесении охарактеризовал так: «Боятся аристократической олигархии более, чем деспотической монархии.

Когда Анна прибыла в Москву, среди дворянства началось глухое брожение. Что произошло в течение десяти последующих дней, историки так и не смогли установить во всех деталях. Кто именно зажигал, тоже неизвестно, но всерьез полагают, что «основным пропагандистом среди гвардейцев стал ее (т. е. Анны — А. Б.) родственник Семен Салтыков, майор гвардии» (Е. Анисимов). А, в общем, конкретные имена не так уж и важны. Главное, гвардия была против кондиций. В России того времени это означало: все, считай, и решено...

Три февральские недели 1730 года дали невиданный ранее в Отечестве нашем выплеск — все кинулись писать конституции так охотно и сноровисто, словно всю сознательную жизнь этим и занимались.

Вдруг замечают друзья: вместо того, чтобы присоединиться к столу, на коем имеет место быть вдоволь венгерского, их друг и сослуживец, поручик Феденька, долго и старательно царапает гусиным перышком по бумаге, не забывая, что характерно, вовремя обмакивать его

в чернила, и этим странным занятием всецело поглощен.

— Что там балуешь, Феденька? — вопрошают сослуживцы в некоторой оторопи. — Амурное послание, поди, согласно Талеману?

А Феденька, не отрываясь от своего занятия, высунув от крайней умственной сосредоточенности кончик языка, отвечает степенно:

— Конституцию пишу!

Честное слово, я не особенно и преувеличиваю. Эти февральские недели знамениты тем, что по рукам стала кружить масса конституций, частенько написанных людьми, которых в подобных намерениях никто ранее и подозревать не мог — вроде нашего преображенского поручика Феденьки. Это массовое творчество отмечали и отечественные мемуаристы, и иностранные посланники. Вот, для примера, отрывки из донесений дипломатов, прусского Мардефельда и французского Маньяна: «Все русские вообще желают свободы, но они не могут согласиться относительно меры и качества ее и до какой степени следует ограничить самодержавие... Одни хотят ограничить право короны властью парламента, как в Англии, другие — как в Швеции; иные полагают учредить избирательную форму правления по образцу Польши...»

Историк Песков комментирует: «Отыскались знатоки иностранных образцов правления; стали писать прожекты об устройении парламента: чтоб учредить высшее и низшее пра-

вительство, чтоб и правительства, и Сенат были выборными, чтобы в выборах участвовало все шляхетство...»

Конечно, слово «конституция» тогда имело не современное содержание — основной закон государства, а, скорее, размышления на вечную, до сих пор не решенную тему «Как нам обустроить Россию». Да и выборы, в которых участвует одно лишь дворянство — прямо скажем, не венец демократии. Но ведь это гигантский шаг вперед по сравнению с тиранией Петра Великого, когда и право, и закон заключались в одной его дубине... Вот она, обратная сторона грамотности и поездок в Европу, которая Петру наверняка не пришлось бы по вкусу!

Даже старый проныра и ворюга Ягужинский, ветеран петровского сатрапского правления, развратился настолько, что начал вслух высказывать крамольнейшие мысли: нехорошо, мол, что дворянству головы секут, и вообще пора подумать об устранении самовластия... Задрав штаны, бежал за гвардейской молодежью, чтобы соответствовать духу времени — чутье у него всегда было преотличнейшее.

В общем, началось — «республика», «выборы», «парламент». Хотя один из циничных иностранных посланников тогда же отписал домой: «Если императрица сумеет хорошо войти в свое новое положение и послушается известных умных людей, то она возвратит себе в короткое время полное самодержавие, ибо рус-

ская нация хотя много говорит о свободе, но не знает ее и не сумеет воспользоваться ею».

И ведь напророчил, циник... 25-го февраля около Кремля собралось до восьмисот человек — генералитет, гвардия, в большом количестве — «шляхетство», как долго именовало себя, опять-таки на польский образец, российское дворянство. Анне торжественно поднесли и челобитную с просьбой не исполнять «кондиций», и охапку свежееиспеченных «конституций».

Для начала Анна собственноручно разодрала кондиции. И тут из гвардейских рядов раздался голоса:

— Не хотим, чтобы государыня жила по законам! Пусть учиняет, что хочет, как ее отцы и деды дельвали. Мы за нее головы сложим, а скажет она — головы ее утеснителям оторвем!

Таков был глас народа, то есть гвардии, пусть на сей раз и не сверкавшей багинетами. Все конституционные прожекты государыня Анна Иоанновна изволила всемилостивейше похерить следом за кондициями. Шляхетство, правда, подало еще одну челобитную, чтобы в Сенат, и в президенты коллегий (тогдашних министерств — А. Б.), и в губернаторы «персоны не назначались, а баллотировались от шляхетства. Но ощутившая поддержку гвардии императрица и эту челобитную — туда же! Только клочки запорхали...

И тут же Анна, как писал домой саксонский посланник Лефорт, объявила себя шефом Пре-

ображенского полка, а потом «призвала в свои покои отряд кавалергардов, объявила себя начальником этого эскадрона и каждому собственноручно поднесла стакан вина». Тут уж всякому стало ясно, что о прожектах насчет парламента и прочих импортных благоглупостей следует побыстрее забыть... а то себе дорожке выйдет.

В 1802 году будущий декабрист Штейнгель, а тогда молодой морской офицер, встретил на Камчатке ссыльного Ивашкина, прожившего в тех краях, куда его загнала Елизавета, шестьдесят лет. Ивашкин рассказал моряку случай из времен своей молодости: «Во время коронации Анны Иоанновны, когда государыня из Успенского собора пришла в Грановитую палату... вдруг встала и с важностию сошла со ступеней трона. Все изумились, в церемониале этого сказано не было. Она прямо подошла к князю Василию Лукичу Долгорукову, взяла его за нос и повела его около среднего столба, которым поддерживаются своды. Обведя кругом и остановившись у портрета Грозного, она спросила:

— Князь Василий Лукич, ты знаешь, чей это портрет?

— Знаю, матушка государыня.

— Чей он?

— Царя Ивана Васильевича, матушка.

— Ну так знай же и то, что хотя я баба, то такая же буду, как он: вас семеро дураков собралось водить меня за нос, я тебя прежде

провела, убирайся сейчас же в свою деревню, и чтоб духом твоим не пахло!»

Очень может оказаться, что это не анекдот, а реальный случай. Ивашкин — персона не из простых: крестник Петра Великого, гвардейский офицер, входящий во дворец, был в милости у Анны, которая благословляла его на брак...

И действительно, правление настало суровое...

Правда, пресловутая «бироновщина», судя по всему — очередной легковесный исторический миф. Звонкие фразы о «немецком засилье», которыми баловались историки, начиная с Ключевского, истине не вполне соответствуют. Прежде всего потому, что единой Германии тогда не существовало, и жители разных германских государств (число коих достигало нескольких сот), иногда даже не понимавшие наречий друг друга, никак не могли составить какую-то «немецкую мафию». Во-вторых, среди этих иностранцев (которых обобщенно именовали тогда «немцами») хватало людей, которые приехали не «тянуть соки из России», а честно работать. Именно при Анне в России впервые появился и французский балет, и итальянская опера, и первая серьезная статья о музыке в газете (написанная Штелином). При Анне в России появились академики Бернулли, Байер, Крафт и Гмелин, музыканты и композиторы Ристоли, Арайя и Ланде... Равно как и Витус Беринг.

При Анне военная комиссия, возглавлявшаяся немцем Минихом, назначила русским офицерам то же жалованье, что и «иностранным специалистам»: до того согласно петровским правилам офицер иноземного происхождения получал в два раза больше. Если в 1729 году из семидесяти одного генерала полевой армии иностранцами были сорок один, то в 1738 году — тридцать один иностранец и тридцать русских. Если в 1725 году из пятнадцати капитанов военно-морского флота русским был только один, то при «бироновщине» из двадцати капитанов русских стало уже тринадцать... Да и чистокровных русских вельмож при дворе и на службе было немало. И промышленность развивалась неплохими темпами, и торговля росла, и горное дело процветало.

А что до репрессий, то нынче мне самому чуточку стыдно за некритически переписанную лет десять назад у кого-то строчку о том, что двадцать одна тысяча русских дворян при Анне была казнена и сослана. Историки сейчас называют несколько иные цифры: две тысячи политических дел за все время царствования Анны, и тысяча сосланных в Сибирь... Одним словом, безусловно, не стоит мазать Анну Иоанновну одной лишь черной краской, ну, а после Петра I все разговоры о «немецком засилье» выглядят смешно...

Одна примечательная деталь: императорский двор при Анне сохранял стопроцентную

трезвость. Императрица не то чтобы не любила пьяных — она их прямо-таки патологически боялась (вероятно, какая-то фобия).

Что любопытно, Анна предприняла кое-какие шаги, чтобы обезопасить себя от, скажем так, излишней политической активности гвардии. В дополнение к двум существующим гвардейским полкам она создала третий, Измайловский. Кое-какие детали его формирования позволяют с уверенностью судить, что это была личная охрана императрицы, никак не связанная с прежними янычарами: рядовые — исключительно из дворян-однородцев южных окраин, не имевших ни родственных, ни иных связей в Москве и Петербурге, офицеры — либо из иностранцев, либо из русских, но не состоявших прежде в гвардии. Полковник — сама императрица. А что до преображенцев и семеновцев, то и насчет них Анна кое-что придумала. В первую, самую привилегированную роту преображенцев стали набирать не из одних дворян, как прежде, а из «податных» сословий, то есть крестьян государственных и крепостных, посадских людей, поповских детей. Когда при следующей самодержице взялись за Бирона, то ему, помимо прочего, ставили в вину и реорганизацию старой гвардии: «Для лучшего произведения злого своего умысла намеренно взял из полков лейб-гвардии наших Преображенского и Семеновского, в которых по древним учреждениям большая часть из знатного шляхетства... состоит, оное

вовсе вывести и выключить и их места простыми людьми наполнить».

В самом деле, нешуточное покушение на гвардейские нравы. Но Анна Иоанновна все же, не увеличивая численного состава доставшейся ей в наследство Тайной канцелярии, просидела на троне десять лет и умерла своей смертью. Быть может, не в последнюю очередь благодаря вышеописанным предосторожностям — реформам гвардии...

А незадолго до ее смерти во дворце приключилась чертовщина, какой со времен Петра долго не бывало...

Дежурный офицер увидел ночью в тронном зале фигуру в белом, чрезвычайно похожую на императрицу, — она бродила по залу, не отзываясь на почтительные обращения.

Вызвали Бирона, подняли тревогу, в конце концов появилась сама Анна. Посмотрела на белую фигуру, по-прежнему ходившую в зале, и с каким-то странным спокойствием обронила:

— Это смерть моя...

Вскоре она умерла от застарелой болезни почек. Ее последние слова в передаче многих свидетелей известны достоверно.

— Прощай, фельдмаршал! — сказала она Миниху. Перевела взгляд на Бирона и произнесла: — Не бойсь!

И это было — все. Закончилось не самое лучшее царствование в истории России, но и никак не самое скверное или неудачное. На-

следником был объявлен младенец, государь император Иоанн Антонович, сын герцога Брауншвейг-Люнебургского Антона-Ульриха и Анны Леопольдовны (которая, в свою очередь, была дочерью Екатерины Ивановны, племянницы Петра I). В жилах младенца текла лишь четвертая часть русской крови, но в этом не было ничего особенно удивительного — мало ли сиживало на тронах «инородцев», что в России, что в других странах. До совершеннолетия императора, не умевшего пока что ни ходить, ни говорить, регентом назначался сердечный друг Анны Бирон. Между прочим (к вопросу о «немецком засилье»), когда он, явно для видимости, заявил, что недостойн такой чести и засобирался в отставку, уговаривали его не уходить русские сановники, владельческие баре, возглавляемые Алексеем Бестужевым-Рюминым...

Хорошо же было Анне на смертном ложе одобрять Бирона: «Не бойсь!» Получилось определено не по ее воле.

На сцене в полном соответствии с традициями Гвардейского Столетия, не медля, появился Железный Дровосек!

ЖЕЛЕЗНЫЙ ДРОВОСЕК И ДРУГИЕ

Каюсь, это одна из самых любимых мною и уважаемых фигур российской истории XVIII столетия. Зовут его длинно: граф и генерал-фельдмаршал российской службы Бурхард-Христофор фон Миних. Титул и приставка «фон» — скороспелые. Дворянское достоинство первым в роду получил лишь отец Миниха Антон-Гюнтер, а происхождением фельдмаршал из самых что ни на есть мужиков Ольденбурга.

Правда, это не землепашцы от сохи — в течение многих поколений род Минихов занимался постройкой каналов и присмотром за таковыми. Миних-старший даже получил в купе с дворянством от датского короля звание «главного надзирателя над плотинами и водяными работами графств Ольденбургского и Дельментгорстского». Юный Бурхард поначалу пошел по его стопам — уже в шестнадцать лет был неплохим математиком и принят инженером на французскую службу. В девятнадцать (!) стал главным инженером Остфрисландского княжества, но ненадолго — случилась любовь с фрейлиной гессендармштадтского

двора, на которой Миних и женился. И ушел на войну с гессендармштадтским полком.

За храбрость произведен в подполковники, потом стал полковником, занялся сооружением канала, соединяющего реки Фульду и Везер. Но продолжать фамильные традиции, очевидно, не особенно уже и тянуло. Миних в 1716 году поступает на службу к Августу II, королю польскому и курфюрсту саксонскому, и вскоре за труды по реорганизации коронной гвардии становится генералом. Новоиспеченному генералу тридцать три — неплохо...

Августа в Польше не любят — и его генералов тоже. В Варшаве Миних звенит шпагой на дуэлях не хуже д'Артаньяна, то сам бывает ранен, то кого-нибудь удачно проткнет. Заимев серьезного недоброжелателя в лице королевского фаворита графа Флеминга, молодой генерал уходит на русскую службу. С 1720 года он до своей смерти проживет в России — срок семь лет.

Я просмотрел множество портретов Миниха, но все это, с первого взгляда ясно, были парадные парсуны, облагородившие облик до неузнаваемости. Таким этот человек просто не мог быть. И вот, наконец, в «Истории Екатерины Великой» Брикнера — портрет Миниха без указания автора...

Вот это настоящий Миних, никаких сомнений. Это — рожа! Словно вытесанная долотом из твердого чурбана. Железный Дровосек. Но не тот, из детской книжки, что лил слезы и

оттого ржавел. Наш Железный Дровосек слёз не лил отроду — не тот типаж. Перефразируя Стругацких, можно сказать: если б в XVIII столетии умели делать боевых роботов, делали бы вот таких Минихов...

Сначала он все же и в России инженерствовал. Устраивал шлюзы на реке Тосне, прокладывал мелкие каналы и дороги. Потом заканчивал Ладожский канал, управлял прибалтийскими провинциями. По сути, один тянул на себе работу Военной коллегии: распределение провианта, рекрутские наборы, формирование новых полков, разработка новых уставов, постройка крепостей. Учреждение школ при полках, госпиталей для инвалидов... Именно Миних в 1731 году основал знаменитый впоследствии Кадетский корпус на Васильевском острове (его еще называют Сухопутный шляхетский кадетский корпус) — первое в России высшее учебное военное заведение, где не просто готовили офицеров, а еще и старались дать им разностороннее образование — от иностранных языков и танцев до стихосложения и театра. Между прочим, театр Корпуса прославился далеко за его пределами благодаря одному из его выпускников, знаменитому Сумарокову.

Посчитав, что Миних слишком много на себя взял и чересчур высоко залетел, Бирон выпихнул его из Санкт-Петербурга в действующую армию. Однако у Миниха заладилось и там. Он лупит в Польше войска французского ставленника Станислава Лещинского, берет

укрепленный Данциг. В июне 1735 года войска Миниха впервые за несколько сот лет российской истории врываются в Крым. Но для присоединения Крыма к империи еще не настало время, и приходится уйти. Потом его посылают «на турка». 1737 год — Миних разбивает турок под Очаковом и после долгой осады берет город-крепость. 1738 год — учиняет очередной разгром турок под Ставучанами, берет Хотин и переходит реку Прут...

Он всерьез собирался перейти Дунай и идти прямо на Стамбул. У него это могло и получиться... Своих солдат Миних не особенно, надо признать, и жалел, но они его на свой манер любили и звали «соколом».

Марша на Стамбул не получилось, был заключен Белградский мир, и Миних вернулся в Петербург. Орден Андрея Первозванного, золотая шпага с алмазами, звание подполковника преображенцев — и все по заслугам, господа мои, все по заслугам...

Он не боялся ни чужой крови, ни собственной смерти. Первое прекрасно иллюстрирует нашумевшая в свое время история со шведским дипкурьером Синклером. Означенный Синклер (судя по фамилии, не швед, а чистокровный шотландец) был бароном, майором и сновал меж Стокгольмом и Стамбулом с важнейшими и секретнейшими документами, которые русский кабинет интересовали чрезвычайно. Русский посол в Стокгольме М. П. Бестужев-Рюмин дважды просил Петербург

«анвелировать» (говоря простым языком, замочить) этого прыткого Кентавра, а «потом пустить слух, что на него напали гайдамаки или кто другой». Но дело топталось на месте, пока за него не взялся наш Железный Дровосек...

Сохранилась собственноручно написанная инструкция Миниха драгунскому поручику Левицкому, где в полном соответствии с незатейливыми нравами текущего столетия говорится: «Понеже из Швеции послан в турецкую сторону с некоторою важною комиссиею и с писмами маеор Инклер, который едет не своим, но под именем называемого Гагберха, которого ради высочайших Ея императорского величества интересов всемерно потребно зело тайным образом в Польше перенять и со всеми имеющимися при нем письмами. Ежели по вопросам о нем где уведаете, то тотчас ехать в то место и искать с ним случая компанию свести или иным каким образом его видеть, а потом наблюдать, не можно ль его или на пути, или в каком другом скрытном месте, где б поляков не было, постичь. Ежели такой случай найдется, то старатца его умертвить или в воде утопить, а писма прежде без остатка отобрать».

Между прочим, дипкурьер, путешествующий по чужому паспорту и под чужой фамилией, — уже не дипкурьер, а разведчик. Несколько иная категория и несколько иные правила добровольно принятой на себя игры...

Тогда, осенью 1738 года, не получилось. Но на следующий год к поручику Левицкому при-

соединились капитан Кутлер и поручик Веселовский. Прочитав инструкцию, они цинично ухмыльнулись, сели на коней и поскакали в Европу (хотя какая из Польши, если присмотреться, Европа? Смех один...).

Что там у них произошло, в точности неизвестно. Однако Синклер с тех самых пор числится безвестно пропавшим, а его бумаги каким-то образом оказались в Петербурге... Швеция устроила истерику, но улики не было...

При воцарении Елизаветы недоброжелатели Миниха убедили императрицу отдать фельдмаршала под суд, но он и там не дрогнул. Когда следователи надоели ему долгими и нудными вопросами, Железный Дровосек им бросил презрительно:

— Да пишите вы сами, что хотите...

Ну, они и понаписали, от всей своей гнилой фантазии! И Елизавету-то Миних собирался арестовать заодно с Бироном, и со взятием Данцига протянул за взятку... Светлейший князь Никита Трубецкой, нынешний прокурор, а некогда подчиненный Миниха (уличенный фельдмаршалом в лютом казнокрадстве), настырно зудел:

— Признаешь ли себя виновным?

Миниху это надоело, и он рявкнул:

— Признаю! Виновен, что тебя, вора, не повесил еще в крымскую кампанию!

Это было! Трубецкой заткнулся, а многочисленные свидетели невольно прыснули в чернильницы...

Миниха приговорили к четвертованию. Тогда еще никто не знал, что Елизавета намеревается отменить смертную казнь, но все — и судьи, и осужденные, и зрители — привыкли накрепко, что живыми с плахи не возвращаются...

И вот их ведут — Остермана, графа Левенвольде, прочих. Все до одного заросли дикой бородой, одеты неряшливо, Остерман бухнулся в обморок при виде палача...

А вот он — Миних. Единственный из всех чисто выбрит, в парадном мундире. Идет строевым шагом. Раздает солдатам и палачам кольца с пальцев, а драгоценные табакерки швыряет в толпу. Кладет голову на плаху. Услышав помилование, правда, разрыдался — нервы не выдержали. Но потом, в тюремной камере, перед отправкой в ссылку, становится прежним. Сохранились воспоминания советника полиции князя Шаховского, пришедшего объявить приговор и рассадить ссыльных по кибиткам.

Граф Остерман и Головкин «громко стенают», жалуясь на недуги. Граф Левенвольде, бывший обер-гофмаршал, известный раньше спесивец, расклеился совершенно: «...увидел человека, обнимающего мои колени весьма в робком виде». Все трое — заросшие, в грязной одежде, сломленные. А вот и Миних: «Как только в оную казарму двери передо мной отворены были, то он, стоя у другой стены возле окна, ко входу спиною, в тот миг повернется в смелом виде с такими быстро растворенными глазами, с какими я его имел случай

неоднократно в опасных с неприятелем сражениях порохом окуриваемого видеть, шел ко мне навстречу и, приближаясь, смело смотрел на меня, ожидая, что я начну...»

По злой иронии судьбы, в Пелыме за Полярным кругом Миних оказался в том самом доме, который спроектировал для Бирона. В ссылке он трудился не покладая рук: огородничал, косил, ловил рыбу, разводил кур, открыл для местных детей школу, где учил их математике, геометрии, инженерному делу, древней истории и даже латыни. Сочинял «проекты о переустройстве России» — в Петербурге их не читали...

Как водилось в ту пору, Елизавета соизволила сослать фельдмаршала «навечно». А всей «вечности» получилось — двадцать лет. Петр III вернул из ссылок всех, в том числе и Миниха. Встречать собрались многочисленные потомки, внуки-правнуки и прочая разросшаяся родня. Ожидали увидеть дряхлую развалину, но из кибитки выпрыгнул бодрый крепкий мужик. И с ходу занялся придворными юными красотками — отнюдь не платонически. Сохранились амурные письма Миниха некоей замужней даме: «Нет на вашем божественном теле даже пятнышка, которое я не покрыл бы, любуясь ими, самыми горячими вожденными поцелуями»...

Это написано в восемьдесят лет! По отзывам знающих людей, другие письма по соображениям приличий и вовсе цитировать нельзя...

Бурхард-Христофор фон Миних

Миних до последней минуты был верен Петру III. И если тот следовал бы его советам, еще неизвестно, в какую сторону круто поворотилось бы дышло истории российской (о сем — погодя).

— Вы хотели против меня сражаться? — спросила потом Екатерина.

— Точно так, — ответил старик. — Я хотел жизнь свою пожертвовать за государя, который возвратил мне свободу.

Екатерина его не тронула. При ней Миних еще пять лет заведовал портами на Балтике и Ладожским каналом. И умер в восемьдесят пять, полное впечатление — посреди бега. Военная энциклопедия 1912 года, не склонная хвалить зря и пустословить, отводит ему две страницы большого формата.

Всмотритесь в это лицо. Это — потомок двужилых немецких мужиков, русский генерал и русский инженер, дуэлянт и вояка, ценитель женщин и смельчак. Суть эпохи определяет еще и оружие — так вот, характеру Миниха наиболее полно соответствует та самая офицерская шпага аннинского времени: широкая и тяжелая, больше похожая на палаш, с литым бронзовым эфесом и рукоятью в тяжелой проволоке. Боевые шпаги последующих царствований красивее, но ими можно только пырять. Зато аннинской — уж приложишь, так приложишь, любая башка пополам.

Именно такую шпагу приличествует поднять «подвысь», эфесом у лица, отдавая последние почести человеку, взломавшему Крым и многочисленные крепости, чтобы на широком жутком лезвии явилась миру глубокая гравировка: **ВИВАТЬ АННА ВЕЛИКАЯ.**

Прощай, фельдмаршал!

Но мы определенно забежали вперед...

ВЕСЕЛАЯ ЦАРИЦА БЫЛА ЕЛИСАВЕТ...

Правительница Анна Леопольдовна и ее муж по своей полной незначительности, даже ничтожности, попросту не заслуживают отдельной главы. О них совершенно нечего сказать — разве что упомянуть мимоходом, что означенная Анна обрела сомнительную славу первой документально отмеченной в российской истории лесбиянки, при вскоре последовавшем перевороте прилапанной, как говорят поляки, в постели с фавориткой Юлианой Менгден. И все. Брауншвейгская фамилия — скопище бесцветных личностей. Но по порядку, по порядку...

Приехав во дворец, Миних со свойственной ему прямотой в суровых делах ставит вопрос ребром: не станет ли Анна Леопольдовна возражать, если ее сделают правительницей вместо Бирона?

Лесбиюшка, конечно, не возражает, еще бы! Она только лепечет: вы мол, майн герр, поскорее все это делайте, а я, женщина слабая и беззащитная, и знать ничего не знаю, что вы там агитируете...

Учить ученого — только портить! Миних, глазом не моргнув, едет ужинать к означенно-

му Бирону и уплетает герцогские вкусности, не поперхнувшись. Курляндский временщик, очевидно, что-то такое читает в этих глазах, потому что ни с того ни с сего интересуется:

— Не случилось ли вам, фельдмаршал, предпринимать во время баталий ваших ночные штурмы?

Быть может, он что-то такое задумал и зондировал? Миних отвечает безмятежно:

— Всегда действовал по обстоятельствам, любезный герцог, по обстоятельствам... Благодарствуйте за угощение, час уже поздний, поеду домой почивать...

Но едет он не домой, а в Зимний дворец, где стоят на карауле преображенцы. Берет восемьдесят гвардейцев и направляется с ними ко дворцу регента. Входит в спальню, как к себе домой. Бирон и его жена, узрев эту такую неожиданность, начинают орать благим матом:

— Караул!

Что в ту эпоху означало не крик испуга, а конкретный призыв к караулу. Миних безмятежно отвечает:

— Не беспокойтесь, любезный герцог, караульных я много привел... Вам хватит.

Бирон — прятаться под кровать! Адъютант фельдмаршала Манштейн (между прочим, предок того фельдмаршала Манштейна) — ему в рыло! А гвардейцы — добавки! За все хорошее!

И готово дело. Братца регента, Густава Бирона, столь же энергично и в два счета арестовал тот же Манштейн. Другой адъютант

Миниха, капитан Кёнигсфельс, столь же не-принужденно берет за шкуру кабинет-министра Бестужева-Рюмина, наиболее близкого к Бирону человека, повязанного общими делами. Все совершилось столь молниеносно, что Бестужев понятия не имеет об аресте регента и, полагая в наивности своей, что это Бирон прислал за ним гвардейцев, смиренно вопрошает: господа мои, чем же это я регента прогневил? Ему вежливо отвечают:

— На гауптвахте твой регент. И ты марш туда же... Рюмин!

И никакого сопротивления — одно всеобщее ликование. Потому что гвардия — за, а в этом случае совершенно неважно, кто против...

Миних получает должность первого министра и сто тысяч рублей премиальных. А через короткое время, поскольку ни одно доброе дело не остается безнаказанным, Анна Леопольдовна по наущению Остермана вышибает Миниха в отставку, снимает со всех постов.

А дальше начинается форменная комедия. Правительница и ее муженек, как о том охотно рассказывали мемуаристы, настолько боятся отставного Миниха, что каждую ночь меняют спальню. Они его так страшились, что боялись арестовать и оттяпать голову!

И не подумали, что бояться-то следует в первую очередь царевны Елизаветы Петровны. Шведский посланник Нолькен и французский его коллега Шетарди уже подбросили ей денег для раздачи гвардейцам. К Елизавете прямо-

таки с ножом к горлу подступает целая орава. Тут и французский эскулап Лесток, и молодые придворные-русаки: Петруша Шувалов, Алеша Разумовский, Михайло Воронцов. Страшают наперебой: мол, им достоверно известно, что зловредная Анна со своей постельной подружкой Юлианкой надумали запереть Елизавету в монастырь, и больше столь удобного случая не представится...

Елизавета, в конце концов, решается. Триста преображенцев идут за ее санями ко дворцу. Сопrotивления — никакого. Все беспрепятственно входят в спальню, где в обнимочку дрыхнут Анна с Юлианой... Приехали!

Брауншвейгскую фамилию — в Архангельскую губернию. Там Анна вскоре умрет, а ее муж еще тридцать лет будет прозябать под строгим караулом. Начинается двадцатилетнее царствование Елизаветы.

Что касается экономики, казнокрадства и набивания карманов, то фавориты Елизаветы, надо сказать честно, оставили далеко позади пресловутую «немецкую клику» Бирона. Сам «ночной император» России, многолетний любовник императрицы Иван Шувалов был царедворцем для своего времени уникальным: не только от любых почестей отказывался, но и копейки в карман не положил. Добрый малый, дружил с Ломоносовым, застолья любил...

Но у него были два братца, и уж эти свой интерес понимали четко. А еще — два брата Воронцовы, Чернышев и Ягужинский. Эта теп-

лая компания, по сути, приватизировала все в государстве, что приносило хоть какой-то доход. Оттяпали у немца Шемберга уральские заводы и вообще подгребли все, что давало денежку. «Инвестиции в производство» они получали из казны, сколько в мешок влезло, как и всевозможные льготы за счет государства, а с конкурентами, сдуру перешедшими дорогу, расправлялись моментально и круто.

Двор в правление Елизаветы жил весело. Честно признаться, лично мне хотелось бы годик покуролесить в столь развеселом обществе. Маскарады, на которых дамам велено было одеваться кавалерами, а кавалерам, напротив, дамами, меня особенно не прельщают, как наверняка и тогдашних господ кавалеров. Правда, сама Елизавета в мужском костюме на полотне Луи Каравака — это, знаете ли, шарман... Хороша была цесаревна!

А как они гулеванили — зависть берет! Вот подлинный исторический документ: «Реестр, коликое число отпускается в день виноградных напитков к столам и в порцию и в протчие места»:

Кабинет-секретарю Морсошникову, виноградного вина — 1 бутылка, вотки подделной — 1 графин.

Господину Кондодию (это грек Кондоиди, лейб-медик Елизаветы — А. Б.) — бургонского — 1 бутылка, красного — 1 бутылка.

Господину Фузантию: ренвейну — 1 бутылка, красного — 1 бутылка. При нем аптекарю:

белого — 1 бутылка, вотки гданской здешнего сидения — 1 графин.

Это — каждый день и за счет казны! Но более всего меня умиляет и вызывает нешуточное восхищение некий неназванный по имени отец-духовник императрицы, коему в день от щедрот государевых полагалось:

Ренвейну — 1 бутылка, мушкателю — 1 бутылка, красного — 1 бутылка, вотки гданской здешнего сидения — 1/2 графина.

Прониклись? Могуч же был организмом отец-духовник, ежели каждодневно истреблял этакую благодать. Богатырь! И есть у меня сильные подозрения, что он к вечеру по русской привычке еще и добавки искал... И ведь наверняка находил!

Весело жили при Елизавете — и шумно. Вот в тихий вечер 26-го сентября 1742 года садовник при Академии наук, немецкий человек Иоганн Штурм чинно принимает гостей у себя в доме. И тут на пороге возникает заплаканная немцева служанка со свежеподбитым глазом и в порванной рубахе. А следом без всяких церемоний вваливается автор фингала, которого, собственно, сюда и не звали, хотя он и живет по соседству.

Сосед, славный своим буянством, с ходу заявляет, что пирующие здесь немцы злодейски украли у него плащ-епанчу. Один из гостей, лекарь Ингерманландского полка Брашке, степенно отвечает, что люди здесь собрались честные и подобные беспочвенные обвинения им очень даже странны и позорны.

Гость — между прочим, адъюнкт славной Петербургской академии наук — ему, недолго думая, — в зубы! Хватает увесистую деревянную болванку, на которой тогда принято было держать парики, и начинает сим орудием охаживать прочих. Громогласно обзывая супругу хозяина «курвою», и ей — по сусалам! И ее батюшке, переводчику «немецкой камер-конторы» герру Грове — по уху! И бухгалтеру книжной лавки при упомянутой Академии Прейсеру — по репе!

Гости — за шпаги. Господин адъюнкт — свою из ножен! И пошли дуэлировать... Смертоубийств не было, но поцарапанных хватало, в том числе и адъюнкту досталось. Но он не сдавался — шпагой порубил дверь, зеркало разнес в осколочки...

Когда прибежали караульные солдаты, баталия всю продолжалась на улице, на вольном воздухе, и добрая половина гостей уже лежала, стенаючи. Караульный приказал буяну сдать шпагу, но адъюнкт и его — в зубы! После чего был подавлен численным превосходством, скручен, связан и торжественно доставлен в помещение, по прихоти архитектора снабженное на окнах крепкими решетками.

А через день его выпустили без всяких последствий. И пошел наш адъюнкт, Михайла Васильевич Ломоносов, как следует похмелиться...

Ага, вот именно. Ломоносов Михайла Васильич, прошу любить и жаловать, любил вели-

кий ученый муж по обычаям того веселого времени побуянить всласть. Инцидент с садовником — еще цветочки. Случалось Михайле Васильичу, забредя в родную академию в подпитии, и господ академиков брать в кулаки, так, что они до-олго пятый угол искали. И максимум, что ему за эти художества бывало — то два месяца под арестом, то лишение жалованья наполовину. Глава академической канцелярии, герр Иван Данилович Шумахер, ломоносовские проказы прикрывал аккуратно, будучи благосклонен к светилу науки, и зная, что столь же благосклонен к нему сам Иван Иванович Шувалов, ночной император.

Не подумайте, я не в укор Ломоносову. Просто-напросто таковы уж были нравы XVIII столетия: академики шпагами рубали чужие зеркала, министры и канцлеры казнокрадствовали самым фантастическим образом, монаршие особы... Начни я рассказывать про тогдашнюю Францию и прочие Гишпани, у иного читателя волосья дыбом встанут...

При Елизавете также открылся первый легальный публичный дом во славном граде Санкт-Петербурге и вообще в России. До этого в столице труженицы постельного фронта существовали подпольно, и генерал-полицмейстерам предписывалось подобную индивидуальную трудовую деятельность строго пресекать. «Дабы все таковые мерзости, от чего всякое зло и лихо происходит, были ниспровергнуты» — это 1718 год. «Где явятся подозрительные дома, а

именно: корчемные, блядские и другие похабства...» — это десятилетием позже. При Анне «непотребных женок и девок» следовало бить плетками-девятихвостками.

Первый легальный бордель с «нумерами» и профессиональными проститутками завелся на Вознесенской улице. Следует уточнить, что профессионалки были выписаны из Германии (у нас любят во всем отдавать предпочтение иностранным спецам, хотя доморощенные вряд ли хуже), из Дрездена, почему содержательница веселого дома и была известна под кличкой Дрезденша. Заведение, чего уж там, было популярным, хотя дураку ясно, что его устроили для развращения русского народа-богоносца злокозненные масоны, а допрежь русский человек, чистый душою, и ведать не ведал, что такое есть проституция и разврат. Немцы совратили, ясно...

С проституцией, как водится, из Европы проскользнул и сифилис. И пришлось заводить другие песни. Указ императорской канцелярии от 1-го августа 1750 года уже выдержан в суровой тональности прежних царствований: «Понеже по следствиям и показаниям пойманных сводниц и блядей, некоторые показываемые ими непотребства кроются, и, как известно, около С.-Петербурга по разным островам и местам, а иные в Кронштадт ретировались, того ради Ее Императорское Величество указала: тех кроющихся непотребных жен и девок, как инозенок, так и русских, сыскивать,

ловить и приводить их в главную полицию, а оттуда с запискою присылать в Калининский дом».

Означенный Калининский дом — это одна из первых в России больниц для гражданского населения. Однако медики справлялись плохо, и при Екатерине II всех заразившихся сифилисом уже не лечили, а попросту ссылали в Нерчинский острог...

Битый Ломоносовым бухгалтер Прейсер, кстати, всего через неделю был уличен в воровстве казенных сумм.

Поговорим о более серьезных вещах — о заговорах, составлявшихся в царствование Елизаветы. Таковых просто не могло не быть, учитывая склонность господ гвардейцев самолично — а порой даже единолично! — решать судьбу трона...

1742 год. В Москве арестован наш старый знакомый, офицер Преображенского полка Ивашкин, всерьез вознамерившийся переместить на троне монарха. Он уже начал вербовать сторонников, убеждая, что «настоящий законный государь есть Иван Антонович, происходящий от старшего колена царя Ивана Алексеевича, тогда как Елизавета Петровна — от младшего, да притом же прижита от Екатерины до венца; а Елизавета возведена на престол лейб-компанией за чарку вина».

Неизвестно, насколько серьезно все это было, но Ивашкина били кнутом и с вырезанными ноздрями сослали к черту на кулички,

где уже в царствование Александра I его встретил Штейнгель...

1743 год. Подполковник Иван Лопухин в пьяном виде поносит Елизавету непристойными словесами и грозит возвести на трон опять-таки младенца Ивана. Начинается следствие. Лопухин, выясняется, вновь попрекал Елизавету незаконностью рождения, но сих опасных мыслей не сам набрался, а слышал, что говорили в доме его матери люди постарше, сидящие повыше...

Взяли немало народу — и матушку Лопухина, и его отца, генерал-лейтенанта, и графиню Бестужеву-Рюмину, и кое-кого еще. Лопухиным и графине Бестужевой вырезали языки (именно эта экзекуция показана в телефильме «Гардемарины, вперед!»), остальных били кнутом. Всех, понятное дело, отправили в Сибирь.

1749 год. К наследнику, будущему Петру III, на прогулке обращается подпоручик Бутырского полка Батулин, клянется в верности и обещает незамедлительно возвести на престол, подняв свой полк, преображенцев, лейб-кампанцев и, что любопытно, «фабричных взбунтовать».

Взяли всех — Батурина, подпоручика Тыртова и некоего «суконщика Кенжина» (какие-то связи с «фабричными, значит, прослеживались?). Отвесили столько, что мало не показалось...

Одним словом, Елизавета сидела не на троне, а на пороховой бочке. Не зря она эти два-

дцать лет никогда не спала по ночам — исключительно днем. Вышеописанные заговоры только на первый взгляд представляются кукольными: обернуться могло по-разному, не забудем, что Миниху, да и самой Елизавете хватило горсточки гвардейцев. К этим заговорам вплотную примыкает и так называемое дело Зубарева, история крайне загадочная.

Это случилось, когда царедворцы, получавшие неплохие деньги от заинтересованных государств, настойчиво пытались втянуть Елизавету в войну против Пруссии, России совершенно не нужную. Елизавета долго раздумывала и колебалась, природным здравым смыслом понимая, что война эта ведется в первую очередь ради английских и австрийских интересов, и России там делать нечего.

И тут, как-то очень кстати, появляется тобольский мещанин Иван Зубарев, старообрядец. Согласно официальной версии, он был завербован в Пруссии тамошней разведкой, получил даже чин полковника прусской службы — и отправлен в Россию, будто бы устроить бунт против Елизаветы, освободить из заключения в Холмогорах свергнутого императора Иоанна Антоновича. Причем в Холмогоры якобы должны были приплыть на помощь прусские военные корабли.

Дело Зубарева всегда вызывало интерес своими странностями. По сохранившимся свидетельствам, с тоболяком отчего-то обошлись в России после поимки предельно мягко: всего-

навсего отправили в ссылку, а там, по некоторым свидетельствам, и вовсе простили. И это в то время, когда вельможам, вроде Лопухиных, за подобные же намерения резали языки принародно и били кнутом на площади! Именно эта мягкость позволила иным историкам выдвинуть версию, что мнимый раскольник был русским разведчиком, внедрившимся в секретную службу короля Фридриха, подставой.

Но никто не занимался третьей возможностью: Зубарев мог оказаться не завербованным эмигрантом и не русским контрразведчиком, а провокатором, одним из агентов великого канцлера Бестужева. А вся эта операция могла быть затеяна, чтобы окончательно склонить Елизавету к войне с Пруссией. Трудно представить, чтобы Фридрих, реалист и прагматик до мозга костей, мог всерьез планировать морской десант в Холмогоры. Да и зачем ему был нужен забытый всеми Иоанн Антонович, если симпатию к прусскому королю недвусмысленно высказывал законный наследник престола Петр, которому Фридрих лично подобрал супругу, ангальтскую принцессу?! История убеждает нас, что от Бестужева можно было ждать любой подлости. Достоверно известно, что прусская разведка в свое время перехватила письмо Бестужева, в котором русский канцлер советует саксонскому канцлеру графу Брюлю... отравить русского резидента в Саксонии, не согласного с

политикой Бестужева! Так что «пруссский полковник Зубарев», подготовленный Бестужевым, вполне мог сыграть роль той самой последней капли, переполнившей чашу терпения Елизаветы. Всю жизнь императрица панически боялась, что ее свергнут с престола, как она сама свергла Брауншвейгскую фамилию. Всю жизнь она опасалась, что кто-то попытается освободить Иоанна Антоновича. И тут, как нельзя более кстати, появляется посланец зловредного Фридриха, якобы собравшегося устроить в России заговор в пользу Иоанна. Последние сомнения отброшены, и русская армия увязает в бессмысленной войне с Пруссией ради вящего блага австрийцев и англичан... Темная история.

Есть веские улики против Екатерины, в то время супруги наследника престола. В 1757 году, когда с Елизаветой случился серьезный приступ, и она несколько дней провела между жизнью и смертью, Екатерина попыталась реализовать свой заговор, в который были вовлечены и продажный канцлер Бестужев, и командующий русскими войсками в Пруссии Апраксин. Помчались курьеры, и Апраксин в страшной спешке погнал свою армию к границам России, чтобы поддержать Екатерину. При этом варианте (хотя точных данных нет) Екатерина наверняка собиралась избавиться от нелюбимого мужа уже тогда. Располагая изрядным количеством штыков, такое проделать нетрудно.

Затея провалилась — Елизавета оправилась, и бегство Апраксина моментально привлекло внимание, его тут же сцапали. Он никого не выдал и успел уничтожить компрометирующую переписку, а Екатерина, изображая оскорбленную невинность, оправдалась. Улик не было, и Елизавета, с годами утратившая былую хватку, отступилась. Апраксин с перепугу скончался, Екатерина притихла, как мышка. Документы, проливающие свет на эту историю, были обнаружены и опубликованы только в начале XX века, и стало ясно: был заговор, был!

И, наконец, последний при Елизавете заговор — точнее говоря, не заговор, а лишь попытка, и, мало того, задуманный не против Елизаветы, наоборот, родившийся в умах наиболее близких к ней людей...

Незадолго до кончины Елизаветы Иван Иванович Шувалов обратился к Никите Ивановичу Панину, влиятельному вельможе и государственному деятелю, близкому к супруге наследника Екатерине. И конфиденциально сообщил, что «между некоторыми персонами» сложился некий план действий, идущий решительно вразрез с волей Елизаветы, назначившей своим наследником именно Петра Федоровича. По Шувалову, эти «некоторые персоны» разработали сразу два варианта событий, которые должны привести к лишению Петра трона. По первому, следует выслать из России навсегда и Петра, и Екатерину, провозгласив наследником шестилетнего Павла Петровича.

По второму, выслать собираются одного Петра, а Екатерину оставить.

Панин немедленно сообщил об этих замыслах Екатерине. Она решительно отказалась в этом участвовать. И это нетрудно понять: даже при втором варианте ей самой все равно не пришлось бы царствовать...

Заговор, получив афронт, как-то незаметно увял сам по себе и «некоторые персоны» во главе с Шуваловым, по воспоминаниям Панина, «оборотя все мысли свои к собственной безопасности, стали дворовыми вымыслами и происками стараться входить в милость к Петру III, в коем отчасти и преуспели». Судя по всему, «персонам» опять-таки не хватило решимости, чтобы разрабатывать более жесткие планы.

И, наконец, не все сановники были против Петра. Иные лелеяли другие планы. Датский дипломат Шумахер, с которым мы еще встретимся, оставил любопытное сообщение: «От меня не укрылись симпатии генерал-фельдцеймейстера (начальник всей русской артиллерии — А. Б.) Петра Шувалова к этому государю. Я достаточно уверенно осмеливаюсь утверждать, что корпус в 30 000 человек, сформированный этим графом, названный его именем и подчинявшийся только его приказам (правда, почти уничтоженный в ходе последней войны, и в особенности в кровавой битве при Цорндорфе), был предназначен главным образом для того, чтобы обеспечить передачу российского

трона великому князю Петру Федоровичу в случае, если кому-либо вздумается этому воспрепятствовать. Не удивительно, что позже, стоило только Великому князю вступить на престол, он буквально в тот же момент назначил упомянутого графа генерал-фельдмаршалом. Когда же тот, спустя 14 дней, умер, император приказал предать его земле со всеми мыслимыми воинскими почестями и с исключительной торжественностью».

Вскоре Елизавета умерла, кончилось долголетнее «бабье царство», и на престол законнейшим образом вступил Петр III Федорович, сын герцога Карла-Фридриха Голштейн-Готторпского и цесаревны Анны Петровны, родной внук Петра Великого.

СМЕРТЬ ИДЕАЛИСТА

Слишком все очевидно?

Когда заходит речь о Петре III, моментально сталкиваешься с удивительной вещью, какая встречается редко: в трогательном единомыслии сливаются те, кто обычно согласия достигнуть не способен ни в чем... Вот, скажем, числящийся среди либералов и демократов питерский историк Е. Анисимов и один из самых упрямых «национал-патриотов» москвич М. Лобанов поносят императора чуть ли не одинаковыми словами. «Недалекий», — рубит сплеча питерец. «Холуй Пруссии, враждебный всему русскому, — подхватывает москвич. — Слишком все очевидно».

Увы, недолгое царствование Петра III настолько оболгано и измазано черной краской, а его незаурядные реформы замолчаны либо приписаны другим, что чуть ли не двести лет наука вместо объективного подхода пробавляется главным образом сплетнями и анекдотами, а следом, задрав штаны, спешит и литература.

Причины ясны. Беспристрастные свидетели, те, кто находился рядом с Петром, либо предали его, переметнувшись к победителям, либо

лет по тридцать просидели в своих имениях, не участвуя в столичной жизни. И вдобавок три главных создателя легенды о «дурачке» и «прусском холуе» были, надо признать, людьми в высшей степени незаурядными...

Это, во-первых, сама Екатерина II. Во-вторых, княгиня Екатерина Дашкова, филолог и писательница, директор Петербургской академии наук и президент основанной при ее прямом участии Российской академии (занимавшейся разработкой русского языка и литературы). И, в-третьих, Андрей Болотов — офицер, потом ученый и писатель, один из основоположников русской агрономической науки, автор классического труда «О разделении полей» и многотомных воспоминаний. Авторитет их в свое время был слишком велик. Настолько, что совершенно забытыми оказались другие мнения: мало кто помнит, что весьма положительную оценку Петру в бытность его и наследником, и императором дали столь видные деятели русской культуры, как В. Н. Татищев, М. В. Ломоносов, Я. Я. Штелин. Гавриила Державин назвал ликвидацию Петром жуткой Тайной канцелярии «монументом милосердия». Карамзин в 1797 году решительно заявлял: «Обманутая Европа все это время судила об этом государе со слов его смертельных врагов или их подлых сторонников...»

Побудительные мотивы тройки критиков предельно ясны. Екатерина, свергнувшая суп-

руга, захватившая трон, на который не имела никаких прав, молчаливо одобрявшая убийство Петра кучкой гвардейской сволочи, более всех остальных нуждалась в том, чтобы создать образ полного кретина и предателя русских национальных интересов, от коего она просто-таки была обязана спасти страну. Дашкова — ее сподвижница по перевороту. Болотов... с ним непросто. Далее убедимся.

Шитые белыми нитками места их творений видны невооруженным глазом. Типичнейший пример: до своего вступления на престол Екатерина выражалась о муже следующим образом: «Тогда я впервые увидела великого князя, который был действительно красив, любезен и хорошо воспитан. Про одиннадцатилетнего мальчика рассказывали прямо-таки чудеса». Много лет спустя, уже давно будучи императрицей российской, она кое-что добавляет: «Тут я услышала, как собравшиеся родственники толковали между собою, что молодой герцог склонен к пьянству». С великолепным пренебрежением к логике Екатерина в одном месте обвиняет Петра в «неспособности исполнять супружеский долг», а в другом — в связи с Елизаветой Воронцовой, на которой Петр, вот наглость, возмечтал жениться. Учитывая, что Екатерина к тому времени меняла любовников, как перчатки, стремление Петра развестись и вступить в новый брак не выглядит ни странным, ни глупым. Между прочим, такие намерения были еще и возвратом к старым

русским обычаям, когда цари брали в жены не иностранных принцесс, а соотечественниц-дворянок.

Дашкова, поддерживая всемерно легенду о глупости Петра, сама же приводит опровергающее это высказывание, с которым к ней однажды обратился Петр: «Дочь моя, помните, что благоразумнее и безопаснее иметь дело с такими простаками, как мы, чем с великими умами, которые, выжав весь сок из лимона, выбрасывают его вон».

Впоследствии именно так и случилось: используя Дашкову, ее родственные связи со старой русской знатью и светские знакомства, Екатерина отбросила «наперсницу», как выжатый лимон.

Болотов, собравший немало анекдотов о «ничтожном монархе» и до конца дней своих отстаивавший версию о «всенародном возмущении императором», однажды допускает серьезнейший прокол: «Как вдруг получаем мы то важное и всех нас до крайности поразившее известие, что произошла у нас в Петербурге известная революция... Не могу и поныне забыть того, как много удивлялись все тогда такой великой и неожиданной перемене, как и была она всем поразительна...»

Прямо скажем, странные строки для человека, утверждавшего, что Петр «возбудил в народе ропот и неудовольствие», «сие народное неудовольствие было велико...». Но таких проколов у Болотова немало...

Ну что же, начнем по порядку, подробно рассмотрим главные обвинения против Петра — они же мифы.

Миф 1. «Петр: будучи наследником престола, не заботился о России, о государственных делах. Вместо этого он, будучи сущим младенцем по уму, пьянствовал со своими голштинцами, играл в солдатики и вешал крыс...»

В общем-то, тут есть своя сермяжная правда. Наследник и в самом деле, будучи вполне взрослым, играл в солдатики, однажды повесил крысу на игрушечной виселице, он точно пьянствовал с голштинскими офицерами (хотя, замечу в скобках, этим пирушкам было далеко до пиров Елизаветы и уж тем более — до непревзойденных никем по размаху и цинизму пьяных игрищ Петра Великого...).

Однако некоторая толика еврейской крови, текущая в жилах автора этих строк, побуждает по старой еврейской привычке ответить критиканам вопросом на вопрос:

— А чем еще было заниматься наследнику?

В самом деле, чем? Совершеннолетнего наследника престола Елизавета откровенно отстранила от каких бы то ни было государственных дел. Тут внесли свою лепту и сановники. Канцлер Бестужев, с самого начала ориентировавшийся не на Петра, а на Екатерину, как вспоминают современники, немало потрудился, внушая Елизавете мысль, что Петр, чего доброго, может, набравшись опыта, и захватить престол...

В этой связи возникает гипотеза: а не было ли «дело Батурина» опять-таки бестужевской провокацией?

И посему Бестужев «много способствовал его отстранению от участия в русских государственных делах и ограничил его деятельность управлением одной Голштинией».

Как видим, Петр бездельничал не по лености характера, а оттого, что его попросту отстранили от любых дел! А поскольку со скукой нужно как-то бороться, нет ничего удивительного и в пирушках с офицерами, и в игре в солдатики, и даже в казни крысы. Все это — от скуки... (Помнится, двадцать с лишним лет назад, когда наша геологическая партия оказалась на неделю без работы в отдаленной крохотной деревушке, и даже водку пить было скучно, ради развлечения несколько взрослых, психически здоровых мужиков хоронили старый ботинок — с траурным шествием, длинными речами над могилой, воздвижением монумента...)

Вот, кстати, о птичках — то есть о крысах. Историк Ключевский писал о Дашковой следующее: «Когда она разошлась с Екатериной и удалилась в частную жизнь, то стала нелюдимой и, поселившись в Москве, редко с кем виделась, еще реже с кем разговаривала и ничем не интересовалась. Чтобы заполнить свой досуг, она, президент Академии наук, приучила к себе несколько домашних крыс, которые составляли ее общество. Смерть детей ее трога-

ла мало, но судьба крыс делала ее тревожной на целый день».

Но вернемся к Петру. В тех случаях, когда он все же пытался что-то делать, отношение к его попыткам было самое отрицательное. Историк Мыльников, автор объективной книги о Петре, приводит воспоминания тогдашнего генерал-прокурора Сената Шаховского, с явным осуждением вспоминая, как наследник отвлекал его от дел разными пустяками. Какими же? Оказывается, Петр посылал ему ходатайства «в пользу фабрикантам, откупщикам и по другим по большей части таким делам!» Другими словами — серьезно пытался заниматься экономикой, что встречало, увы, не поддержку, а отторжение...

А в единственном случае, когда Петру все же удалось заняться чем-то серьезным, он проявил себя вовсе не дурачком!

Весной 1756 года Шуваловы, чтобы отвлечь на всякий случай наследника от военных забав с голштинским отрядом, пробили у Елизаветы его назначение на пост главнокомандующего Сухопутным шляхетским кадетским корпусом. Тем самым, что основал Миних. На этом посту Петр как раз был толковым руководителем, относившимся к своим обязанностям всерьез. Сохранилась масса бумаг: Петр «выбивает» финансирование, налаживает работу корпусной типографии, заботится о расширении общежития-казармы (в старой очень уж тесно), закупке амуниции, боеприпасов, оружия, мун-

дирного сукна, лошадей, озабочен нормальным питанием кадетов, направляет в Сенат требование создать своего рода «географическо-этнографическое описание России», «дабы воспитываемые в оном корпусе молодые люди не токмо иностранных земель географию, которой их действительно обучают, основательно знали, но и о состоянии отечества своего ясное имели понимание».

Петр также лично составляет другую бумагу в Сенат — о подготовке «хороших национальных мастеров» (его собственная терминология!) Речь идет о том, что с момента основания корпуса в нем трудится множество квалифицированных мастеров-иностранцев: кузнецы, слесари, шорники, коновалы, сапожники, садовники. Однако передавать опыт русской молодежи им не вполне удастся, поскольку учеников набирают из рекрутов, а среди них преобладают лица неграмотные, «или грамотные, только весьма порочные, потому что ни один помещик грамотного доброго человека в рекруты не отдаст». Поэтому Петр предлагал «взять из гарнизонной школы от 13 до 15 лет 150 человек школьников», передать их Корпусу и учить всерьез, обучая не только вышеперечисленным ремеслам, но и грамоте, немецкому языку, арифметике, геометрии, рисованию. «Чрез оное и во всем государстве национальные хорошие ремесленные люди заведутся, а особливо чрез умножение знающих коновалов могут конские и рогатого скота частые падежи отвращены быть».

Перед нами, без всяких преувеличений, проект одновременно технического и сельскохозяйственного института! Или, по крайней мере, техникума. Ремесло, иностранный язык, прикладные дисциплины... Кстати, несколькими годами раньше Петр создал в Ораниенбауме школу для подготовки музыкантов и театральных артистов из детей «садовниковых и бобыльских». Он и сам неплохо играл на скрипке.

Словом, в тех редких случаях, когда Петру удавалось заняться чем-то серьезным, он проявлял себя неплохо.

Миф 2. «Петр питал нездоровое поклонение перед Фридрихом и предал интересы России, заключив мир с Пруссией и отдав Фридриху завоеванную русскими Восточную Пруссию. Общественное мнение России было возмущено миром с Пруссией».

По-моему, из всех связанных с личностью Петра мифов, этот — наиболее распространенный. В самом деле, даже Исабель де Мадариага, испанка из знатного рода, почетный профессор Лондонского университета и глава британской школы историков-славистов, не отстает от российских коллег: «Победоносных русских генералов, как гром среди ясного неба, поразила весть...» (о мире с Пруссией — А. Б.).

Ну начнем с того, что никакого такого «общественного мнения» в России тогда не существовало, как и в других державах, где на троне сидели монархи. В те годы одна только Ан-

глия, даром что монархия, могла похвастаться тем, что можно назвать общественным мнением: независимые газеты, независимые депутаты парламента. Правда, при необходимости редакторов запросто, без церемоний ставили к позорному столбу, а депутатов отправляли за решетку, но это уже другая история.

Общественное мнение, ага! Нас хотят уверить, что где-нибудь на ярмарке в Вышнем Волочке торговавший солеными огурцами мужик обращался к соседу-горшечнику:

— Как вы в стратегическом плане оцениваете мирные инициативы императора касательно Пруссии, Сидор Карпыч?

А тот, стало быть, отвечал:

— Боюсь, Мефодий Силыч, решение непродуманное и в тактическом, и в стратегическом аспекте, и уж, безусловно, в корне противоречит военно-политическим интересам. Общественное мнение Нижних Мхов, где я был давеча, также фраппировано...

Ну-ну... Промежду прочим, когда война с пруссаками закончилась, в некоторых уголках необъятной Российской империи еще вообще не знали, что она и начиналась...

Но зато каков слог у Исабель де Мадариага! Вот вам образчик, без изъятий...

«Офицеры и солдаты нового поколения оказались достойными противниками прославленных прусских войск и их блистательного венценосного полководца и сумели выйти из испытания огнем с окрепшей верой в себя и с

возросшим чувством национального достоинства».

Хорошо сказано, аж слеза продирает. А Петр, стало быть, заключив мир, по Исабель, «нанес тяжелый удар» столь воодушевленным офицерам и солдатам...

Что взять с холеной лондонской дамочки? Ей самой в жизни не приходилось месить грязь с полной выкладкой и подставлять брюхо под штык. Обычные красивые рассуждения кабинетного интеллигента, прекрасно знающего, что ему самому никогда не придется оказаться в шкуре рядового пехотинца середины XVIII столетия...

А кто, интересно, спрашивал солдат? Всегда, везде, во все времена солдат только радовался окончанию войны, тем более что в данном случае речь шла не об обороне отечества от вторгшегося супостата, а о войне, совершенно непонятной простому солдату, ненужной никому.

Зачем? Какого рожна делала русская армия в Пруссии, с которой у России даже не было общей границы? Кому нужна была эта война? «Испытание огнем»?

Канцлер Бестужев-Рюмин вроде бы знал ответ: «Коль более сила короля прусского умножается, тем более для нас опасности будет, и мы предвидеть не можем, что от такого сильного, легкомысленного и непостоянного соседа столь обширной империи приключиться может».

Вот вам государственный муж, проникнутый серьезной тревогой за судьбу родины, которой может в будущем угрожать нашествие со стороны воинственного соседа...

Можно и так подумать — если не знать, что именно канцлер Бестужев-Рюмин был с потрохами куплен Францией и Австрией, от которых получал не разовые взятки, а регулярный немаленький «пенсион»...

Ситуацию можно — и необходимо! — обрисовать иначе. Франция и Австрия воевали с Пруссией по своим практическим причинам. Англия непосредственно не участвовала в сражениях на континенте, но поддерживала союзников материально. Во-первых, чтобы обеспечить наибольшие права и привилегии своим торговым представителям в Европе, а во-вторых, чтобы отвести угрозу от Ганновера. Ганновер, если кто запомнит, — это наследственное владение английских королей, попавших на эту должность из ганноверских курфюрстов. Землица эта лежала в наиболее тогда развитой торгово-промышленной зоне Германии, имела огромное экономическое значение, была удобным плацдармом для военного проникновения в Европу. А посему еще за несколько лет до Семилетней войны Англия пыталась убедить Россию разместить на территории Ганновера русский корпус, содержание которого оплачивал бы Лондон, но Елизавета не согласилась.

Вот вам и расклад. Англия защищала свою торговлю и свой Ганновер. Франция стреми-

лась свести к нулю прусское влияние на Рейне и в Вестфалии и в тех местах утвердиться. Австрия жаждала отобрать у Пруссии Силезию, потерянную во время прошлой, неудачной для себя войны. Пруссия, естественно, хотела всем им всыпать и перечисленные планы сорвать.

Во всей этой истории российские интересы не были затронуты ни с какого боку. У России попросту не было причин воевать с Пруссией, которая к России не проявляла ни малейших агрессивных поползновений. Вспомним, при Анне русские войска дрались в Польше не с пруссаками, а с французами — это к вопросу о теоретических построениях канцлера Бестужева. У России и Пруссии попросту не было «точек вражды». Наоборот, стратегические интересы России как раз и требовали дружить с Пруссией, потому что их коалиция могла бы противостоять любому союзу других европейских держав!

Но австрийцы и французы отвалили продажному Бестужеву немалую денежку, и он ради своих шкурных интересов форменным образом затолкал Россию в совершенно ненужную ей, чужую войну... Да, наши солдаты дрались героически. Да, наши армии вошли в Берлин... но зачем?

Ответ один: ради приятно позвякивавших золотых кругляшков в сундуках канцлера Бестужева. Никакой другой причины, по которой бессмысленно пролито столько русской крови,

в природе не существует. Россия вообще никогда не воевала с крупными германскими государствами, если не считать Чудского озера и долгой схватки Ивана Грозного с Ливонским орденом, но это совсем другая история...

И вот кстати... Героизм героизмом, но и число штыков играло свою роль. В армии Апраксина было около ста тысяч солдат, из них примерно половина строевиков, а у Фридриха — двадцать четыре тысячи. Такие дела...

Между прочим, Екатерина, вступив на престол, тут же убедилась в... необходимости преобразовать войска, «расстроенные продолжительною войной». Какой? Да той же, Семилетней. А вот вам мнение, во-первых, противника Петра, во-вторых, человека, участвовавшего в Семилетней войне, — нашего старого знакомого Андрея Болотова: «Народа погублено великое множество, а в числе онаго легло много и русских голов в землях чуждых и иноплеменных, и, к сожалению, без малейшей пользы для любезного отечества нашего».

Как-то плохо вяжется мнение участника войны с патетическими тирадами дамы по имени Исабель...

Так стоит ли винить Петра за то, что он постарался побыстрее остановить эту бессмысленную, совершенно не нужную России войну против государства, которое было нашим потенциальным союзником?

Идея заключения с Пруссией мира принадлежит к тому же вовсе не Петру! В последние ме-

сяцы царствования Елизавета наконец-то вышвырнула в отставку продажного Бестужева, поставила на его место Воронцова, и он с полного одобрения Елизаветы как раз и начал прощупывать почву для возможного заключения мира — причем его план предусматривал... возвращение Фридриху Восточной Пруссии! Вступивший на престол Петр лишь довел эти планы до логического конца. С одним немаловажным исключением: он вовсе не собирался отдавать Восточную Пруссию! В день его убийства русские войска так там и оставались, поскольку согласно двум подписанным Петром и Фридрихом трактатам Россия имела право вовсе остановить вывод своих войск в случае обострения международной обстановки. Сохранился указ Петра, предписывающий ввиду «продолжающихся в Европе беспокойств» не только не выводить войска, но и пополнить новыми запасами армейские склады в Восточной Пруссии, а также отправить к ее берегам кронштадтскую эскадру, чтобы прикрывать русские торговые суда. Как видим, не было ни «предательства национальных интересов», ни «возвращения Фридриху Восточной Пруссии». Австрийский посланник в Петербурге Ф. Мерси так и сообщал в Вену о действиях Петра: «Теперь он не может выпустить из рук королевство Пруссию».

Кто же все-таки вернул Фридриху эти земли?
Екатерина!

Будучи еще великим князем, Петр, по свидетельству Штелина, говорил свободно, «что

императрицу обманывают в отношении к прусскому королю, что австрийцы нас подкупают, а французы обманывают. Мы со временем будем каяться, что вошли в союз с Австрией и Францией».

Время подтвердило, что наследник был абсолютно прав. В следующем столетии французские войска дважды вторгались на территорию России, а Австрия всегда вела враждебную России политику (взять хотя бы классический пример, когда во время Крымской войны пришлось держать на австрийской границе целую армию — очень уж агрессивно и непредсказуемо тогда вела себя Австрия...).

Одним из первых распоряжений Екатерины после свержения Петра стал приказ расквартированным в Восточной Пруссии русским войскам форсированным маршем возвращаться на родину. А два года спустя она подписала с Фридрихом новый союзный договор, ряд статей которого был без малейших изменений перенесен из того самого, «предательского» договора Петра! И упрекать за это Екатерину нет никакой нужды. Повторяю, России был необходим с Пруссией мир и союз, который позволял легко отразить попытки любой третьей державы установить в Европе свою гегемонию. Более ста лет после этого Пруссия оставалась для России другом и союзником, пока в нашей внешней политике не взяла верх прямо-таки шизофреническая «горчаковщина» — необъяснимая здравым рассудком германофобия в со-

четании со столь же противоречащей здравому смыслу и государственным интересам франкофилии. Но это уже другая история и другая книга, которая непременно будет. В самом скором времени я собираюсь засесть за книгу «Европейский концерт» — о российской внешней политике за последние триста лет, с ниспровержением иных устоявшихся мифов и неизбежными шокирующими выводами...

Да, о союзниках России в Семилетней войне. И Австрия, и Франция практически в те же самые месяцы пытались заключить с Фридрихом сепаратный мир... за спиной России! Так что не стоит, как это пытались делать, приписывать Петру «предательство союзников» — означенные союзники были те еще пройдохи...

И в завершение темы — о самом Фридрихе, которого до сих пор современные историки (и российские в том числе) продолжают именовать Великим.

Нет ничего удивительного, что Петр им восхищался. Все же предмет восторгов был восхищения, безусловно, достоин. Фридрих — один из лучших полководцев XVIII столетия, выдающийся государственный деятель. И — незаурядный мыслитель.

С недавних пор я, признаться, вполне разделяю восхищение Петра — и многих других — Фридрихом Великим. Так уж сложилось, что мне удалось за смешные деньги приобрести уникальное издание, книгу под длинным на-

званием: «Оставшиеся творения Фридриха Второго короля прусского», изданной «с дозволения управы благочиния» в Санкт-Петербурге, «на иждивении И. К. Шнора» в 1789 году. Это собранные под одним переплетом седьмой и восьмой том собрания сочинений Фридриха, выпущенного в России в год взятия Бастилии. Переписка с маркизом Д'Аржансом и Д'Аламбером.

Прелюбопытнейшее чтение! Человек, положительно, был незаурядный. Вот, для примера, образец остроумия прусского короля. Обсуждают новости астрономии: «Сказывают, что старый спутник Сатурнов пропал. Ты, яко небесный житель, пожалуй растолкуй мне, что такое с ним сделалось. Не Сатурн ли его пожрал? или пришел сей спутник у его в немилость? или он скрылся за какое облако, дабы посмеяться над астрономами? господа астрологи, не ожидая подтверждения сего происшествия, смело станут предвещать падение какого-нибудь любимца великаго Государя, или будут говорить, что Сатурн паки придет на землю царствовать, и что сего погибшаго спутника он послал воплотиться (как Самокодома), что он будет предводительствовать Турецкою или Российскою армией для восстановления сего царства. Я же со своей стороны буду только повсюду молить: пожалуйста, государи мои, если его поймаете, не вешайте».

И, что должно быть особенно интересно для сторонников новой хронологии, Фридрих и

его корреспонденты обсуждают некую новую книгу, которая... сокращает официальную церковную историю! Увы, поскольку речь идет о чем-то очень ему знакомом, Фридрих не приводит ни названия, ни автора. В каких записках теперь пылится эта книга, можно только гадать...

А вот гораздо более серьезное высказывание Фридриха, которое просто необходимо рассмотреть вдумчиво.

«Не правда ли, что электрическая сила, и все чудеса, кои поныне ею открываются, служат только к возбуждению нашего любопытства? Не правда ли, что притяжение и тяготение удивляют только наше воображение? Не правда ли, что всех химических открытий такие же следствия? Но менее ли от сего происходит грабительств по большим дорогам? Сделались ли от сего откупщики ваши менее жадны? Возвращаются ли с большею точностью залогов? Менее ли клевет, истребилась ли зависть, смягчились ли сердца ожесточенные? Итак, какая нужда обществу в сих нынешних открытиях, когда философия небрежет о части нравственной, к чему древние прилагали все свои силы?»

Вы понимаете, что перед нами? Не исключено, что Фридрих Великий вообще первым сформулировал проблему, над которой стали всерьез задумываться только в XX веке: «Научный и технический прогресс еще не ведет автоматически к прогрессу в людской духовности и не делает жизнь лучше!»

Вполне может оказаться, что именно так и обстоит. Поскольку мысли, высказанные Фридрихом в письме от 7-го января 1768 года, категорически противоречат общему настроению тогдашних просвещенных умов. Они-то держались как раз противоположных взглядов на научный и технический прогресс! Считали, что человек в своей дерзновенной поступи вот-вот откроет массу новых законов природы, которые немедленно обратит себе на пользу, научившись управлять природой, как телегой. Полагали, что развитие науки и техники само по себе, волшебным образом преобразит и общество, и людей... А Фридрих без всякого шума высказывал прямо противоположные мысли, которыми мы в полной мере начинаем озабочиваться лишь сегодня... И оценить их в полной мере можем лишь сегодня.

Само появление этого восьмитомника свидетельствует, что в России и через тридцать с лишним лет после Петра всерьез интересовались творческим наследием Фридриха. Более того... Эта книга дополнена! Кто-то тогда же, в 1789 году, кропотливо восстановил выброшенные тогдашней цензурой места, старательно написал от руки «изъятия» и вставил их в конце и седьмого, и восьмого тома, объединив под общим переплетом — по меркам того времени, роскошным, кожаным, с тиснением. Кто был этот современник Екатерины, сегодня уже не установить, но ясно, что он был грамотен, не беден и, несомненно, располагал не-

мецким оригиналом подвергшейся цензуре книги... Работу он проделал нешуточную — «места выпущенные», по его собственной записи, довольно обширны.

И еще мне очень нравится выражение Фридриха о дешевых книжниках мелкого пошиба: «письмоносная челядь». Впрочем, в книге Фридриха мне нравится многое, и теперь я вполне понимаю и Петра, и неизвестного по имени читателя из 1789...

Миф 3. «Петр хотел втравить Россию в войну с Данией из-за своего Шлезвиг-Гольштейнского герцогства, и это предприятие, не волновавшее никого, кроме него, было чуждо российским интересам».

Петр, остававшийся законным герцогом Шлезвиг-Гольштейна, и в самом деле хотел отвоевать захваченный датчанами Шлезвиг, вновь присоединив его к Гольштейну. Но было ли это предприятие чуждо российским интересам и внешней политике?

Как раз наоборот! Собираясь вернуть Шлезвиг, Петр, оказывается, не поддался очередному сумасбродству, а всего лишь старательно продолжал традиции русской внешней политики, имеющие полувековую историю!

С тех самых пор, как Петр I выдал дочь и племянницу за герцогов Курляндского и Голштинского, Курляндия и Голштиния считались «зоной интересов России», прямо-таки вассальными территориями, и Россия была постоянно озабочена их судьбой — как английские

короли озабочены судьбой своего Ганновера. В завещании Екатерины I двенадцатый пункт гласит: «Его королевского высочества герцога голштинского дело шлезвицкого возвращения и дело Шведской Короны по взятым обязательствам имеет накрепко исполнено, и Российское государство так, как и великий князь, к тому обязаны быть».

Вот так-то... Просто у России за истекшие полвека не нашлось средств и возможностей к «шлезвицкому возвращению», а теперь они появились, и Петр III воспользовался ситуацией. Отвоевывать Шлезвиг предстояло не в одиночку, а совместно с прусским военным контингентом — таково было одно из условий мирного договора России и Пруссии. Предприятие было не утопическое, а вполне выполнимое — легко представить, что сделали бы с датчанами соединенные русско-пруссские корпуса...

И возвращение Шлезвига Голштинии (то есть российским императорам) влекло за собой невероятно выгоднейшие стратегические перспективы!

Достаточно взглянуть на карту Ютландского полуострова, чтобы убедиться: держава, владеющая Шлезвиг-Гольштейном, автоматически получает два важнейших военно-экономическо-стратегических преимущества: во-первых, открывает своему флоту, как военному, так и торговому, свободный доступ в Северное море, в обход контролируемых Данией проливов-выходов из моря Балтийского, во-вторых, сама

способна без особого труда «запереть» Балтийское море и сделать его своим внутренним озером! Что блестяще доказано политикой Пруссии в отношении Шлезвига. Чтобы завладеть им впоследствии, Пруссия без колебаний развязала две войны с Данией. Первую, в 1848—1850 годах, она проиграла, но в 1864, взяв в союзники Австрию, вновь напала на Данию и не прекращала военных действий, пока не добилась передачи ей Шлезвига. Именно на территории Шлезвига, в Киле, была построена крупнейшая военно-морская база, принадлежавшая сначала Пруссии, потом — Германской империи, потом — Третьему рейху, а сейчас — ФРГ. Именно на территории Шлезвига пруссаками был прорыт Кильский канал, по которому могли проходить меж Балтийским и Северным морем торговые корабли, уже не платя датчанам ни гроша пошлины. И Дания лишилась огромных денег, а в Первую мировую германский флот запер российский в Балтийском море, базируясь в Киле.

А ведь на месте Пруссии могла оказаться Россия! Не перечить всех преимуществ, проистекающих из обладания Шлезвигом — и европейская история в этом случае была бы иной...

Миф 4. «Петр намеревался уничтожить православную церковь».

Росказни о том, что Петр якобы намеревался «обрить православным священникам бо-

роды», а там и вовсе уничтожить православную церковь — из разряда все тех же скверных анекдотов, выдаваемых за серьезные свидетельства о реальных событиях. Достоверности здесь столько же, сколько и в «мемуарах» фрейлины В. Н. Головиной, которыми сплошь и рядом пользуются как свидетельскими показаниями, хотя фрейлиной императорского двора Головина стала лишь в 1782 году, а на свет появилась... через четыре года после убийства Петра!

Эта байка (как мы увидим позже, запущенная в оборот екатерининскими орлами) основывалась на двух фактах: небрежении Петра к церковным службам (что для XVIII столетия было общераспространенной привычкой) и на намерениях Петра отобрать у церкви ее огромные земельные владения.

Что до второго, то Петр опять-таки продолжал прежние традиции русских самодержцев и пытался довести до логического конца процесс, начатый за сотни лет до него...

Еще Иван III (однажды преспокойно приказавший высечь на людях архимандрита Чудова монастыря) всерьез подумывал о секуляризации, то есть переводе в светское владение обширных монастырских и церковных земель. Кое-какие шаги к этому пытался предпринять и Иван Грозный на знаменитом Стоглавом соборе, но церковь в те времена представляла собой силу, перед которой пришлось отступить и Грозному. Он добился лишь того, что запретил

церкви самовольную покупку вотчинных земель «без доклада царю». И Михаил Романов, и Алексей Михайлович всячески пытались ограничить возможности церкви в приобретении новых владений, порой прямо запрещая поданным жертвовать церквям и монастырям как земли, так и крестьян. Пытался «отписать на государство» церковные владения и Петр I, но и «дракону московскому» пришлось отступить. Даже крайне набожная Елизавета в 1757 году разработала схожий проект, но опять-таки не рискнула претворить его в жизнь.

Объяснение лежит на поверхности: обладавшие особым статусом обширнейшие владения церкви попросту мешали нормальному развитию экономики, что прекрасно понимали и русские самодержцы... и иные церковные иерархи!

В самой православной церкви несколько сотен лет шла ожесточенная борьба иерархов с так называемыми нестяжателями — начиная с ереси «стригольников» (тридцатые годы XIV века). «Нестяжатели» как раз и выступали против превращения церкви в «мире кого» собственника-феодала — впрочем, началось это даже не со стригольников, а с выступлений известного проповедника XII века Кирилла Туровского и его последователей. На знаменитом соборе 1274 года во Владимире предшественники «нестяжателей» четко сформулировали свою точку зрения: «Невозможно и Богу работать, и мамоне».

Подробно рассматривать эту интереснейшую тему я не могу, поскольку пришлось бы писать отдельную толстую книгу, чтобы рассказать о многолетних дискуссиях, ожесточенных словопрениях на церковных соборах, сожжениях на кострах еретиков-реформаторов, о Феодосии Косом, Максиме Греке, Вассиане Патрикееве, дьяках Курицыных, о перекличке идей «нестяжателей» с идеями католиков-францисканцев и многом, многом другом...

Словом, зачислять Петра III в гонители православной церкви нет оснований. Скорее наоборот — именно Петр был инициатором договора от 8-го июня 1762 года, по которому Россия обязывалась защищать права и интересы православных подданных Жечи Посполитой. А русский посланник в Вене Голицын получил от Петра указание вручить резкую ноту венецианскому посланнику в Вене — «по причине претерпеваемых греческого вероисповедания народом великих от римского священства обид и притеснений». Из отчета Голицына — уже Екатерине — следует, что власти Венецианской республики вынуждены были принять соответствующие указы, ограждающие права своих православных подданных... После чего у славян Западной Европы и Балкан Петр приобрел огромную популярность. Дошло до того, что один из предводителей восстания чешских крестьян в Австрийской империи выдал себя за...

русского принца! Знаменитый Степан Малый, балканский самозванец, благодаря тому, что выдавал себя за Петра III, стал правителем Черногории (а впоследствии появился даже... Лжестепан Малый!).

Ненависть православного духовенства Петр вызвал по двум причинам. Во-первых, он лишил столичных священников весьма жирного куса, запретив домовые церкви в усадьбах богатого дворянства и купечества (что сделали позже и другие русские императоры), а во-вторых, все же начал секуляризацию. У церкви изымались все имения и передавались в ведение государственной Коллегии экономии, назначались офицеры-управители. И, что особенно важно, бывшие монастырские крестьяне получали земли, которые они раньше обрабатывали для монастырей! Они освобождались от оброка в пользу церкви и облагались казенным оброком, как и государственные крестьяне. Чуть позже, когда власти попытаются «переиграть» эти реформы, крестьяне поднимут бунты!

И, главное, Петр должностью отменил все до единого прежние репрессивные установления против староверов, объявил, что все, бежавшие по этой причине за границу, могут вернуться и свободно исповедовать в России «дониконианскую» веру. Особым указом он уравнивал все религии в правах. Старообрядцы на него после этого буквально молились (вспомним, сколько их поддержало потом Пу-

гачева-Лжепетра), а вот православные иерархи затаили злобу...

Исабель де Мадариага пишет, что «приходские священники, стоявшие ближе по положению к крестьянам и солдатам, были обижены указом о включении сыновей попов и дьяконов в рекрутский набор». А чуть позже сама же подробно излагает историю вопроса.

Дело в том, что поповских и дьяконовых сыновей набралось огромное количество. Согласно тогдашним правилам профессия эта была наследственной, но количество «кандидатов» превышало, и значительно, число приходов, которые они могли бы занять. А потому за десятки лет до Петра государство решало эту проблему, периодически приписывая «лишних» сыновей духовенства (а то и самих духовных лиц!) в податные сословия. Анна Иоанновна попросту гребла их в рекруты. А при Елизавете эти «лишние», случалось, попадали и в крепостные...

Как поступала сменившая Петра Екатерина? Да столь же решительно! В 1769 году она приказала «забрить» в армию четверть всех поповских сыновей и половину «сверхштатных» священников и дьяконов, получив девять тысяч рекрутов. В 1783 году издала новый указ, по которому все «сверхштатные» служители церкви и «необученные недоросли старше 15 лет» обязаны были выбрать себе новые занятия. Под этот указ попали тридцать две тысячи человек, в большинстве своем вынужденные

уйти в чиновники или городские мещане. И это была отнюдь не последняя чистка разросшегося сословия...

Екатерина, едва укрепившись на престоле, провела... полную секуляризацию церковных и монастырских земель, в масштабах, неизмеримо превосходивших все, что Петр успел сделать! Ангелица кротости и всеблагая мать Отечества проводила это в жизнь крутенько! Ростовский митрополит Арсений Мациевич, энергично протестовавший против секуляризации и при Елизавете, и при Петре, и не подвергшийся за это никаким репрессиям, направил в Синод очередной резкий протест, простодушно полагая, что тронуть его и на сей раз не посмеют...

Митрополит жестоко заблуждался. Екатерина немедленно приказала его арестовать и судить за «оскорбление величества». Когда бывший канцлер Бестужев попытался заступиться, Екатерина ответила холодным письмом, где были и такие примечательные строки: «Стоит вспомнить, что прежде, без всяких церемонии и соблюдения приличий, в делах, без сомнения, гораздо менее важных, духовным особам сносили головы. Не представляю, как мне сохранить мир в государстве и порядок в народе, не говоря уж о защите и сохранении данной мне Богом власти, если виновный не будет покаран».

Другими словами — «я вам не рохля Петр!». Тут вам не здесь, живенько отучу безобразия нарушать!

Все же казнить строптивного митрополита Екатерина не решилась, очень уж популярен был в стране. Однако его расстригли, лишили сана, назвали «смердом Андрейкою» и сослали в отдаленный монастырь посередине карельских лесов. Ради вящей справедливости следует уточнить, что «проштемпелевал» решение императрицы суд из семи церковных иерархов — митрополиты Новгородский и Московский, архиепископы Петербургский и Крутицкий, епископы Псковский и Тверской, архимандрит Новоспасского монастыря.

С этим судилищем связано любопытное предание. Говорили, что Арсений поносил своих судей и предсказывал каждому ужасный конец. Димитрию Сеченову он якобы предрек, что тот «задохнется от собственного языка» (Дмитрий четыре года спустя умер от апоплексического удара), епископу Псковскому Гедеону сказал: «А ты не увидишь более своей епархии» (Гедеон умер на обратном пути), архиепископу Крутицкому Амвросию: «Яко вол ножном зарезан будешь» (Амвросий был растерзан толпой во время знаменитого московского чумного бунта в 1771 году).

Темная история. Как с «проклятием тамплиеров»...

Ежегодный доход государства от секуляризованных церковных владений составлял при Екатерине миллион триста тысяч рублей. Так-то...

Ими прямо-таки пестрит почти любая книга о Петре III — даже самая серьезная. Чего только ни плели, как ни изощрялись в поношениях!

Вот несколько характерных образчиков. «Он был не глуп, а безумен, пристрастие же к выпивке еще более расстраивало тот скромный разум, которым он был наделен».

Кто же это столь уничижительно отзывается о Петре? А это Станислав Август Понятовский, самый никчемный и бездарный, последний польский король, любовник Екатерины, возведенный на престол при помощи русских штыков, презираемый всеми в Польше, битый по морде шляхтой, допустивший три раздела Польши и кончивший свои дни приживальщиком при русском дворе... Фигура!

Вот еще одно свидетельство — о пресмыкательстве перед Фридрихом. «Видели, как он стал на колени перед портретом великого Фридриха, словно перед иконой, и, простирая руки к портрету, воскликнул:

— Вместе с тобой, мой господин, мы завоеваем весь мир!»

Угодно узнать, кто этот свидетель? А это Александр Дюма. Тот самый романист. Появившийся на свет через сорок лет после смерти Петра...

О подобном «падении на колени» пишет и Болотов, но все же честно признается: «Само-

му мне происшествия сего не доводилось видеть, хотя говорили все о том». И никто не видел, но болтали все...

Есть «достоверная история» о том, что Петр страдал фимозом, то есть сращением крайней плоти, не позволявшим ему совершать нормальные сексуальные контакты. И Салтыков якобы, напоив нерешительного великого князя вмертвую, позвал доктора, который эту неприятность устранил в один чик...

Единственный источник — тот же Дюма! А уж потом, столетие спустя, эту басню подхватил Анри Труайя, выпустивший массу лубочных «биографий» российских самодержцев, основанных главным образом на таких вот «свидетельствах».

О монетах, выпущенных по личному эскизу Петра: «Чтобы не походить на французского короля, он велел изобразить себя в солдатской фуражке; это было исполнено так забавно, что новые монеты принимали не только с радостью, но и с веселым смехом».

Это — снова Дюма! Во-первых, фуражки появились в армии только при Николае I. Во-вторых, спросите толкового нумизмата, и он вам в два счета объяснит: не существует ни одной русской монеты, где самодержец был бы изображен в головном уборе — ни Петр, ни кто бы то ни было. Разве что на юбилейном рубле к трехсотлетию дома Романовых Михаил Романов отчеканен в шапке Мономаха...

Писатель XIX столетия М. Пыляев: «Петр III первый стал награждать женщин орденами; он дал орден св. Екатерины Елизавете Романовне Воронцовой.

Грамотей... Орден св. Екатерины (первоначально именовавшийся орденом Освобождения) учредил Петр I в 1711 году и тут же наградил им супругу. Название «орден св. Екатерины» официально узаконено Павлом в 1797 году!

Вот пример формирования классического мифа. Как-то арап Нарцисс, слуга Петра, известный буян, подрался с профосом — личностью в те времена крайне презируемой (профос чистил сортиры в гарнизоне, сек провинившихся и выполнял другие, столь же малопочтенные функции). Петр решил, что с точки зрения правил чести его слуга опозорен стычкой со столь маргинальным субъектом и, чтобы «смыть позор», велел покрыть арапа воинским штандартом.

Дашкова в своих «Записках» уверяет, что эта церемония производилась перед выстроеным в полном составе Измайловским полком, и это шутовство возмутило всех поголовно гвардейцев. А вот как рассказывала ту же историю Пушкину графиня Загряжская, тоже современница событий, дочь гетмана Разумовского: «Государь однажды объявил, что будет в нашем доме церемония, в сенях. У него был арап Нарцисс; этот арап Нарцисс подрался на улице с палачом, и государь хотел снять с него бесчестие. Привели арапа к нам в сени, при-

несли знамена и прикрыли его ими. Тем дело и кончилось».

Есть разница?

Многие мемуаристы с отвращением упоминают, что Петр-де частенько носил прусский орден Черного Орла и мундир полковника прусской службы. Но и Фридрих Великий был... полковником русского Второго Московского пехотного полка! Общепринятая практика, сохранявшаяся и в XX веке — венценосцы награждали друг друга высшими орденами и носили мундиры соседей. Сохранились примечательные снимки: Николай II с английским королем Эдуардом: Николай — в английском мундире, британец — в российском. Николай с кайзером Вильгельмом — та же ситуация. К Первой мировой войне в русской армии были полки, имевшие высочайшими шефами германского кайзера и австро-венгерского императора — а в данных державах существовала та же система... Андрей Болотов, в своих «Записках» самым причудливым образом сочетавший собственные наблюдения, верные суждения и чужие сплетни, торжественно уличал в свое время Петра III в причастности к мировому масонству и уверял, что доказательства видел сам: «Будучи еще в Кенигсберге и зашед однажды пред отъездом своим в дом к тамошнему лучшему переплетчику, застал я нечаянно тут целую шайку тамошних масонов и видел собственными глазами поздравительное к нему (т. е. к Петру — А. Б) письмо, писанное

тогда ими именем всей тогдашней масонской ложи...»

Ну что тут скажешь? Насколько я помню, борцы с масонской заразой уже плешь проели, рассказывая, какие строгие масоны конспираторы, как берегут они свои тайны и само членство в ложе, как истребляют смертью любого, кто дерзнет разгласить их секреты — и Моцарта, мол, отравили, и Пушкина извели...

И вдруг посторонний, да еще случайный иностранец, без особого труда проникает в масонское логово, мало того, преспокойно знакомится с масонским посланием, подписанным всей ложей...

Либо Болотов, как бы поделикатнее выразиться, дал волю буйной фантазии, либо масоны те были вовсе не страшными, коли выпустили его живьем из логова после знакомства с их секретами — а были они, надо полагать, чем-то вроде кружка филателистов или партии любителей пива... Хотя молва гласит...

Ох уж эта молва! Вот Болотов вслед за рассказом о шайке масонов, возглавляемой аж переплетчиком, уверяет, что Петр тайно переписывался во время Семилетней войны с Фридрихом, через посредство генерала Корфа и его любовницу графиню Кейзерлинг выдавая планы русского командования, — и добавляет: «О том нам всем по слухам было довольно известно...» Между прочим, Болотов служил в свое время под началом Корфа, относившегося к нему неплохо. Не стоило бы вот так об-

винять своего начальника, генерала в государственной измене на основании одних лишь слухов...

Дела

Историк Семевский, слухами и сплетнями не пользовавшийся, оставил гораздо более объективное описание реальных государственных дел Петра.

«Кончался развод, и государь отправлялся в Сенат, заезжал в Синод, где со времени Петра Великого, кажется, ни одного разу не был ни один из властителей, ни одна из властительниц России; посещал коллегии, появлялся в Адмиралтействе, неоднократно бывал на монетном дворе, осматривал различные фабрики, распоряжался лично несколько уже лет продолжавшейся постройкою Зимнего дворца — словом, Петр являл деятельность, в особенности в первые три месяца своего царствования, необыкновенную; старики, глядя на молодого государя, невольно вспоминали его неутомимого деда. И нельзя сказать, чтобы посещения эти были бесплодны: в Сенате государь лично возвещал реформы, которые доставили бы всякому другому, более его счастливому владельцу, славу величайшего из государей; в Синоде он, быть может, несколько неосторожно высказывался также о некоторых коренных реформах в области духовного ведомства; на монетном дворе внимательно осматривал работы...»

Что еще успел сделать Петр за свои сто семьдесят шесть дней?

Подписать указ об амнистии раскольников, о котором мы уже говорили. Кроме того, разрешалось возвращаться «без всякой боязни и страха» бежавшим за рубеж «великороссийским и малороссийским разного звания людям, также купцам, помещичьим крестьянам, дворовым людям и воинским дезертирам». Подобных амнистий не бывало ни при предшественниках Петра, ни при его преемниках.

Любопытно, что многие положения петровского указа о веротерпимости во многом совпадают с соображениями, изложенными М. В. Ломоносовым в трактате «О сохранении и размножении российского народа». Ломоносов подробно рассмотрел ущерб, происходивший от бегства старообрядцев за границу, и предлагал отказаться от насильственных методов в борьбе с ними. Кстати, взгляды Петра III и Ломоносова, видевших полную бесцельность для России Семилетней войны, опять-таки совпадают — заметки Ломоносова от ноября 1761 года и письмо Петра Елизавете от 17-го января 1760 года чуть ли не дословно повторяют друг друга.

Именно Петр отменил зловещее «слово и дело» и ликвидировал страшную Тайную канцелярию, которая, как писал император в манифесте, «злым, подлым и бездельным людям подавала способ или ложными затеями протягивать в даль заслуженные ими казни и нака-

зания, или же злостнейшими клеветами обно- сить своих начальников или неприятелей». А посему следовало «не токмо неповинных лю- дей от напрасных арестов, а иногда и самих истязаний защищать, но паче и самым зло- нравным пресечь пути к произведению в дей- ство их ненависти, мщениа и клеветы, а пода- вать способы к их исправлению».

Придя к власти, Екатерина Тайную канце- лярию моментально восстановила...

Именно при Петре впервые в русском зако- нодательстве убийство крепостных было квали- фицировано как «тиранское мучение». И при- нимались соответствующие меры: у помещицы Е. Н. Гольштейн-Бек отобрали в казну имение за «недостойное поведение» и плохое управле- ние хозяйством, способное повлечь за собой ра- зорение крестьян. Помещицу Зотову, пытавшую своих дворовых, постригли в монахини, а иму- щество конфисковали для выплаты компенса- ции пострадавшим. Воронежского поручика Нестерова «за доведение до смерти дворового человека» навечно сослали в Нерчинск. Кроме этого, значительно были облегчены телесные наказания — отменены батоги и девятихвостые плетки-«кошки».

Многие реформы Петра откровенно направ- ляли Россию вместо крепостнического пути развития на буржуазный, мало общего имев- ший с прежним рабством. Петр решительно выступил против проекта Воронцова, закреп- лявшего монополию на землевладение и заня-

тия промышленностью исключительно за дворянами. Планы Петра были другими: «Рассматривает все сословия в государстве и имеет намерение поручить составить проект, как поднять мещанское сословие в городах России, чтобы оно было поставлено на немецкую ногу, и как поощрить их промышленность», — писал Штелин.

Это — то, чего как раз и не хватало России! Это именно то, что позволило европейским странам крепостную Россию обогнать! Первая и главнейшая причина отсталости России — как раз отсутствие сильного «третьего сословия», подобного английскому, голландскому, немецкому. Именно полнейшее пренебрежение к «третьему сословию» привело Францию к революции, Жечь Посполитую — к краху, да и стало, пожалуй, главной причиной российских революционных переворотов...

Одновременно Петр издал несколько крайне толковых указов о коммерции, которыми запрещал ввозить из-за границы сахар, сырье для ситценабивных фабрик и другие виды продукции, производство которых вполне может быть налажено в России. Одно из отдаленных последствий этого указа то, что Россия при преемниках Петра стала крупнейшим производителем и сахара, и ситцев. Кроме того, Петр ввел поистине революционное новшество: запретил владельцам фабрик и заводов покупать себе крестьян в рабочие и повелел довольствоваться

вольными наемными по паспортам за договорную плату.

Легко догадаться, куда привели бы Россию все эти меры, выполняемые в полном объеме, получавшие дальнейшее развитие — уж, безусловно, не в нищету и отсталость...

Исабель де Мадариага, надо отдать ей должное, раскопала и вовсе уж шокирующие иных подробности...

«Екатерина, спустя четыре или пять дней после своего воцарения, присутствовала на одном из рядовых заседаний Сената и обнаружила в повестке дня восходящее к временам Петра III предложение позволить евреям селиться в России».

Каково?! Выполнение этого решения означало бы, что в России, пожалуй, никогда не возникла бы «черта оседлости» и все связанные с ней трагические последствия. Мы прекрасно знаем из европейской истории, каких успехов в развитии достигали государства, не боявшиеся свободно живущих в стране евреев. И помним, что ни Англия в этом случае не потеряла своей «английскости», ни Франция — «французскости». Я, конечно, представляю, что скажет по этому поводу партайгенноссе Шафаревич, получивший великолепную возможность произвесть в «жидомасоны» и Петра III, но есть у турок хорошая пословица: «Ит урер, чавран джечар», что в вольном переводе означает: «Собака лает, караван идет»...

Вольность дворянская

Знаменитый указ Петра «О вольности дворянской» подвергся тому же натиску «мифологов». С одной стороны, его содержание искажается то ли умышленно, то ли по незнанию предмета, с другой — историю его появления на свет опять-таки сводят к скверному анекдоту...

Из книги в книгу кочует история, как недотепа Петр, сбежав на свиданку к своей Лизавете, запер в комнате вместе с «датской собакою» своего секретаря Волкова, велел за время его отсутствия сочинить какую-нибудь государственную бумагу, чтобы все были уверены потом: государь не по бабам шлялся, а с заката до рассвета пребывал в трудах, аки пчелка. Дисциплинированный Волков, почесывая репу и бродя по комнате, смотрел-смотрел в поисках озарения на датскую собаку, но, не добившись от нее толковой подсказки, в конце концов, все же и сам допер — ба, а не сочинить ли мне чего-нибудь этакое о вольности дворянской? И накропал за ночь...

Историю эту уже в конце XVIII века сам Волков рассказал князю Щербатову. Тот сдуру поверил, вставил в свои труды — и пошла писать губерния... Даже великолепный историк Эйдельман, внимательный к источникам, пересказывал этот дурацкий анекдот, как реальность...

Дело даже не в том, что Екатерина, между прочим, оставила исчерпывающие воспомина-

ния о Волкове как о субъекте бесполезном для серьезной работы: красноречив, но ветрен до крайности, любит лишь пить и веселиться, и единственное его достоинство — красивый почерк...

Указ этот — слишком серьезная и проработанная бумага, чтобы быть «нацарапанным» за ночь недалеким секретарем. Более того, еще за месяц до той приснопамятной ночи, проведенной Волковым в компании датского дога, Петр III посетил Сенат и в общих чертах изложил содержание будущего указа! Что вызвало всеобщее ликование. Сгоряча предлагали даже воздвигнуть императору памятник из чистого золота. Однако Петр ответил: «Сенат может дать золоту лучшее назначение, а я своим царствованием надеюсь воздвигнуть более долговечный памятник в сердцах моих подданных».

Итак... Вопреки устоявшемуся мнению этот указ вовсе не означал некоего права дворянства на «всеобщее безделье». Наоборот, он всего лишь ликвидировал тяжелое наследие «дракона московского», когда люди, вопреки и состоянию здоровья, и склонностям-способностям и личному желанию выбрать ту или иную область деятельности, обязаны были каторжным образом служить четверть века «куды начальство рассудит».

Указ подробно регламентировал все стороны жизни дворянства — как раз для того, чтобы вольности не превратились в беспре-

дел. Выходить в отставку как с военной, так и с гражданской службы разрешалось только в мирное время, с разрешения начальства. Это правило утрачивало силу во время военных действий, а также за три месяца до их начала. Было разрешено поступать на службу за рубежом — но только в «союзные» державы с обязательством по первому требованию вернуться в Россию. Чиновников Сената и его контор отныне должны были выбирать сами дворяне «ежегодно по препорции живущих в губерниях».

Строгая ответственность возлагалась на родителей за надлежащее воспитание детей. Родители всякого дворянского недоросля по достижении им двенадцати лет обязаны были письменно отчитаться, чему их сын обучен, желает ли учиться дальше, и если да, то где и чему (сравните с воспоминаниями Головина об обычаях Петра I). Новаторским было установление «прожиточного минимума» — те, кто имел меньше тысячи крепостных, должны были определять детей в Кадетский корпус. Тех, кто вздумал бы оставить детей «без обучения пристойных благородному дворянству наук», Петр III прямо пугал «тяжким нашим гневом». А тех, кто решит уклоняться от надлежащего обучения детей, предлагалось рассматривать «как нерадивых о добре общем» и презирать «всем нашим верноподданным и истинным сынам Отечества». Им запрещалось не только появляться при дворе,

но и бывать «в публичных собраниях и торжествах».

Конечно, многие дворяне, получив вдруг возможность невозбранно оставить службу и вернуться в поместья, использовали нежданную свободу исключительно для того, чтобы трескать наливочки и таскать в баню крепостных девок. Но немало было и других — тех, кто занимался в своих имениях науками, собиранием библиотек, просвещением. Достаточно вспомнить Болотова, именно благодаря этому указу ставшего крупным ученым.

С легкой руки авторов анекдотов в советскую историографию без малейших поправок перешло мнение, будто все эти указы дурачку Петру «подсовывали» мудрые приближенные, а он их подмахивал не глядя, одной рукой держась за бутылку, а другой — то за Лизку Воронцову, то за Ленку Куракину. Однако все, что мы уже узнали, позволяет говорить с уверенностью: практически все реформы Петра были его личной инициативой, приходившей в голову не «вдруг», а после долгого изучения тех или иных вопросов, после напряженной интеллектуальной деятельности. Не зря после смерти Петра все эти «мудрые советчики» как-то незаметно растеряли мудрость и совершенно ничем себя не проявили, зато Екатерина многие годы проводила в жизнь многое из намеченного Петром (разумеется, приписывая авторство себе).

Уже цитированные Заичкин и Почкаев, надо отдать им должное, в своей толстенной книге старательно перечисляют реформы и нововведения Петра, однако делают из всего рассказанного ошеломляющий по наивности вывод: «Указы не принесли Петру желаемой популярности».

Не принесли?! Да лучшее доказательство популярности Петра в народе — прямо-таки фантастическое количество самозванных Петров Федоровичей, быть может, превосходившее по численности всех «двойников» других коронованных особ. Напоминаю: самозванные «Петры» появлялись не только в России, но и за рубежом — и за ними шли, им верили, им подчинялись, за них дрались и умирали. Если это не доказательство популярности, то что такое популярность вообще?!

Заичкин с Почкаевым — интересные ребята. В одном месте они в полном соответствии с исторической правдой пишут, что до четырнадцати лет юный Петр воспитывался в лютеранстве, но всего несколькими страницами далее объявляют его... католиком! Почему уж тогда не магометанином? Господа мои, между лютеранством и католичеством есть некоторая разница, и ее следовало бы ведать тем, кто пишет претендующие на научность толстые книги!

Но Заичкин с Почкаевым правы все же в одном. Все указы Петра, вся его деятельность не принесли ему популярности... у гвардии!

Вот уж у гвардии точно не принесли! Наоборот. А это, как мы помним, в России Гвардейского Столетия значило очень и очень много...

И пахло это — смертью!

За рассказом о Петре III и его деятельности мы как-то позабыли о наших янычарах... Где они, кстати? Чем дышат, о чем толкуют, чего хотят?

Переворота!

САРЫНЬ НА КИЧКУ!

Екатерина долго ждала — и наконец-то дождалась своего часа. Она пережила панический страх, когда провалился «заговор Апраксина», и уцелеть удалось только чудом: ведь если бы Апраксина в Тайной канцелярии взяли пытаться... Она отказалась участвовать в «предприятии Бестужева», когда пройдоха-канцлер (интересно, не по наущению ли тех, от кого получал жирный «пенсион»?) собирался после кончины Елизаветы предьявить поддельное завещание, согласно которому трон переходил бы к Павлу Петровичу. Должно быть, своим острейшим практическим умом (а она была умна, невероятно умна!) поняла, что риск чересчур велик. Так, кстати, и оказалось: кто-то (до сих пор неизвестно кто) заложил Бестужева Елизавете, и это стало главной причиной его падения.

Екатерина отказалась и участвовать в «заговоре Дашкова» — когда в день агонии Елизаветы к ней пришел князь Дашков, тогдашний командующий гвардией, и предложил, отстранив Петра, возвести ее на престол. Она сама в своих воспоминаниях приводит тогдашний

ответ: «Ваше предприятие есть ранновременная и не созрелая вещь».

Умна, до чего умна... Терпеливо ждала, когда придет настоящее время, когда все созреет. Дождалась!

Гвардия кипит! Петр за нее взялся так, как не брались давненько. Для начала он «раскассировал», то есть отменил самую бесполезную часть гвардии — лейб-компанию, обходившуюся российской казне в два миллиона рублей в год. Это уже был тревожный звоночек...

Совсем скоро последовали еще более оскорбительные для гвардии новшества. Петр безмерно оскорбил гвардейских капралов и унтер-офицеров: велел им самим носить свои ружья и алебарды. До этого, отправляясь на учения, в наряды и по другим служебным надобностям, означенные чины шествовали на легкой, а ружья и алебарды за ними несли либо рядовые, либо слуги. А «голштинский выродок» вдруг заставляет самим тащить такую тяжесть. Ну не безумец ли? Не агент ли прусский?!

Дальше — больше. Петр заставляет все воинские части, в том числе и неприкасаемую гвардию, каждый день заниматься строевой подготовкой и прочими воинскими учениями, причем, вот изверг, «во всякую погоду»! Садизм неприкрытый: не при ясном солнышке и безветрии, а во всякую погоду! Ну не тиран ли древнеэллинический? Не сатрап ли древнеперсидский?!

А ему все мало! И вот на учениях появляются путающие правую ногу с левой седенькие осанистые господа с застывшим в глазах оторопелым ужасом. Ни одной команды они не знают, только путаются и мешают, но оставаться в рядах обязаны. Потому что все эти господа, в жизни не бывавшие в том или ином гвардейском полку, тем не менее носили его мундиры, пребывая в немаленьких гвардейских чинах. Дураку понятно, что так полагается. Что придворные сановники ради дополнительного почета и денег должны еще и носить гвардейские чины. Не нами заведено, не на нас и кончится, понимать надо.

Все понимают этакий политес — кроме голштинского недоумка. Он отчего-то взял себе в голову, что все эти люди, коли уж носят чины, должны встать в шеренги соответствующего полка согласно званию и, вот ужас, маршировать! Ну не изверг ли? Не безумец ли? Не ма-сон ли?

Заинтересованные лица моментально окрестили это «тупым самодурством» — и эта оценка, некритически принятая, звучала более двух столетий! Дашкова оставила примечательные строки: «Гвардейские полки (из них Семёновский и Измайловский прошли мимо наших окон) были печальны, подавлены и не имели радостного вида.

Ну, еще бы! Они шли присягать новому императору, о нравах которого уже были осведомлены...

Растянувшееся на десятилетия сытое безделье кончилось. И Петр потребовал от «янычар» настоящей военной службы. Но все вышеописанное — цветочки. Чуть позже Петр поразил гвардию в самое сердце: он осмелился заявить, что намерен отправить гвардию... на войну!

Гвардию — да на войну! А ведь его величество вовсе не шутит..

Мы сегодня даже не можем представить себе ту злобу, тот тоскливый ужас, что охватил зажавшихся бездельников. Некоторое представление о том, что они тогда испытывали, можно получить, читая «Записки» Болотова. Примечательно! Узнав, что ему, очень может быть, вскоре предстоит отправиться в поход, господин капитан прямо-таки расклеивается. Его мемуары написаны через двадцать лет после событий, но тем не менее перед нами долгие, жалобные, обстоятельные причитания о своей горькой доле. Называя вещи своими именами — скулеж. А ведь Болотов — не столичный гвардеец. Он четырнадцать лет прослужил в армии, нюхнул пороху в Семилетней войне. Какой же шок должны были испытывать те, за кем даже в караул ружья несли слуги?

Чтобы отвести от себя угрозу, они были готовы на все!

Теперь возле Екатерины есть люди, на которых она может полагаться в любом деле. В первую очередь это — братья Орловы, Григорий, Алексей, Иван, Федор и Владимир.

Григорий — давно уже любовник Екатерины, но суть не в том. Им просто нечего терять. Имение отца они продали, денежки давным-давно прокутили, в кредит им больше не дает ни одна собака, и спасает лишь карточная игра. Сущие пролетарии, право. Терять им нечего, кроме своих цепей, а вот приобрести они могут при удаче... Ну, не весь мир, но достаточно!

Григория Екатерина посредством хитрых маневров продвинула в цальмейстеры — казначеи артиллерийского ведомства. Отныне в его руках — немаленькие казенные суммы, из которых он прикармливает гвардию. Он уже обработал два батальона Измайловского полка, чей командир Кирилл Разумовский уже на стороне заговорщиков. Этого вроде бы мало, но, в конце концов, Елизавете хватило трехсот штыков, а Миниху — и вовсе восьмидесяти гренадер...

Они готовы ко всему!

ГОСПОДИН КАПИТАН

Отклонившись от главной темы, рассмотрим подробно жизнь и ухищрения Андрея Тимофеевича Болотова, описанные им самим. Возможно, кто-то потом и скажет, что этого трусишку и прохвоста никак нельзя считать типичным представителем офицерства того времени. И будет, наверное, прав. Но все равно, других столь подробных и обширных офицерских мемуаров тех лет в нашем распоряжении попросту нет...

Так вот, то, что Болотов писал о якобы «неожиданном» для него известии о перевороте в Петербурге — брехня чистой воды! Все он прекрасно знал заранее. Оттого и смылся из северной столицы...

В Санкт-Петербурге Болотов был адъютантом при генерале Корфе. Это не просто генерал — генерал-полицмейстер, глава столичной полиции, располагавший многочисленной агентурой. К нему задолго до мятежа стекалась обстоятельная и подробная информация о том, что затевается. Как ни изворачивается Болотов, как ни старается подробно описывать «ропот на государя» и якобы «негодование всена-

родное» по поводу всех дел и поступков Петра, сегодня, анализируя его долгий, подробный рассказ о последних неделях перед бунтом, ясно: Болотов был прекрасно знаком с донесениями, а не абстрактным «ропотом». Он и его сослуживцы начинают задумываться о своем будущем.

«Все вместе говаривали и рассуждали мы о своих тогдашних обстоятельствах и начинали опасаться, чтоб не сделалось вскоре бунта и возмущения, а особливо от огорченной до крайности гвардии. Мысли о сем тем более всех нас тревожили, смущали и озабочивали, что мы опасались, чтоб нам при таком случае не претерпеть бы и самим чего-нибудь. «Сохрани бог, ежели что действительно произойдет, — говаривали мы не один раз между собою, — то генералу нашему трудно будет тогда уцелеть. Все почитают его любимцем государевым, хотя он и далеко не в такой милости у него, как другие; но разбирают ли при таких случаях? И боже сохрани, ежели сделается с ним что-нибудь дурное, то берегись и мы все, при нем живущие! Сочтут и нас во всем соучастниками, и чтоб не пострадать нам всем тогда ни за Христа, ни за Богородицу и не погибнуть бы невозвратно».

Между прочим, эти унылые беседы ведут не дворцовые пажи, а офицеры столичной полиции, в чьи обязанности как раз и входит, в том числе, противодействовать любым мятежам!

Но озабочены они в первую очередь своим драгоценным будущим.

А вот как они, по Болотову, относятся к своему непосредственному начальнику генералу Корфу: «Поканчивали обыкновенно разговор свой общим гореванием о том, что живем в такие сумнительные времена и находимся при таком генерале, от которого, кроме беды, впрочем, никакого добра ожидать не можно, ибо в непохвальбу ему можно сказать, что, несмотря на все свое великое богатство и обстоятельство, что ему, как бездетному, совсем некому было прочить, был он в рассуждении нас до чрезвычайности скуп и никогда даже и не помышлял о том, чтоб чем-нибудь нас облагодетельствовать или возблагодарить нас за всю нашу к нему ревность, труды и услуги чем-нибудь существенным. Никто из нас не видал от него во всю нашу бытность при нем ни малейшего себе подарка или какого благодеяния особливового. А все состояло только в том, что мы едали за столом его, но к сему обязывала его и должность, а потому с сей стороны мы ему не весьма благодарны».

Очаровательно! Генерал, изволите ли видеть, плох, потому что не делится с подчиненными своим «великим богатством», которое ему по бездетности все равно некому оставить. Эх, господа офицеры... Офицеры вы, или уже где?

А впрочем, генерал Корф не лучше...

«Генерал наш, будучи хитрым придворным человеком и предусматривая, может быть, чем все это кончится, и начиная опасаться, чтобы в случае бунта и возмущения или важного во всем переворота не претерпеть и ему самому чего-нибудь, яко любимцу государеву, при таком случае уже некоторым образом и не рад был тому, что государь его отменно жаловал, и потому, соображаясь с обстоятельствами, начал уже стараться понемногу себя от государя сколько-нибудь уже и удалить, а напротив того, тайным и неприметным образом прилепляться к государыне императрице и от времени до времени бывать на ее половине и ей всем, чем только мог, прислуживаться и подольщаться, что после действительно и спасло его от бедствия и несчастья и при последовавшей потом революции...»

Хороши, что подчиненные, что начальник. Миниха бы на его место, Железного Дровосека! Уж он-то не участвовал бы в «общем горевании» и не бегал бы задними дворами к Екатерине, притворяясь, будто верно служит Петру... Он бы и без Тайной канцелярии размазал всех по углам.

А ведь Миних здесь, в Петербурге. Но Петр, вернув его из ссылки, возвратив все чины и имения, так и не поручил никакого реального дела. И в этом — его роковая ошибка. Он не мог не проиграть, если безопасностью ведали флюгера вроде Корфа, у которых в подчинении пребывали трусливые бездельники вроде Болотова...

Тем временем положение Болотова усложняется еще более! К нему вдруг начал липнуть старый друг по Кёнигсбергу Григорий Орлов — так и примазывается, так и зазывает в гости, так и зовет сесть за чарочку да потолковать по душам!

Из мемуаров Болотова совершенно ясно, что он, будучи правой рукой Корфа, уже тогда прекрасно понимал, что к чему, хотя он и склонен изображать дурачка... Активному участнику заговора Орлову просто необходимо иметь своего человека в канцелярии генерал-полицмейстера — а кто подходит на эту роль лучше, чем адъютант Болотов?

Угодило зернышко меж двух жерновов... От мемуаров Болотова веет липким, тоскливым страхом: и мятеж вот-вот грянет (и еще неизвестно, как обернется, кто верх одержит!), и Орлов прицепился, как репей, и в заграничный поход, того и гляди, сдернут!

Воспользовавшись указом «О вольности дворянской» и подсуетившись как следует, Болотов начинает рваться в отставку. Мысль одна: только бы не опоздать, уехать до того, как грянет! «Во все сие время не оставлял я всякий день ходить в военную коллегия и горел, как на огне, желая получить свой абшид (отставку — А. Б.). Пуще всего меня тревожило то, что обстоятельства в то время в Петербурге становились час от часу сумнительнейшими... и я трепетал духом и боялся...»

И вот она, в кармане, желанная бумага, вмиг сделавшая капитана штатским человеком. Бежит он бегом с Васильевского острова, держа за карман, денежки раздает всем встречным нищим, заскочил в церковь, молебен велел отслужить... Это не я додумываю, это он сам вспоминает. Не поленитесь, найдите болотовские «Записки» и одолейте вдумчиво. Уверен, не пожалеете...

А, в общем, какое мы имеем право упрекать человека, жившего два с половиной столетия назад и оказавшегося перед нелегким жизненным выбором? Быть может, в нем не было особенной трусости — он просто-напросто не хотел во всем этом участвовать ни в каком качестве. И выбрал третий путь: лошади запряжены, подорожная в кармане, так подальше же от опасного и переменчивого Петербурга...

Господин капитан Андрей Болотов ускакал из града Петрова за шесть дней до переворота!

СТО ВОСЕМЬДЕСЯТ СЕДЬМОЙ ДЕНЬ

«Негодование скоро овладело гвардейскими полками, истинными располагателями престола», — это вспоминает очевидец событий Клод де Рюльер, историк, писатель и поэт, секретарь французского посланника в России.

Началось!

Зажигают измайловцы, но все проходит не так уж гладко. Преображенские офицеры Воронцов, Измайлов и Войеков пытаются удержать своих солдат. Только когда их арестуют, удастся вывести преображенцев и семеновцев. Генерал-поручик Михаил Измайлов, ярый враг Екатерины, с несколькими кирасирами, стоптав караул, вырывается из Петербурга и скачет в Петергоф, где находится император. Войск при нем почти нет, только небольшой отряд голштинской гвардии, но в свите — Миних!

Железный Дровосек, как всегда, не знает ни колебаний, ни растерянности. Он рычит:

— Действовать! И немедленно!

Еще ничего не потеряно. Миних моментально предлагает два варианта. Можно немедленно отправляться водой в Кронштадт, где

стоит сильный гарнизон и сосредоточен военный флот. Корабли входят в Неву, для остротки бьют картечью направо и налево, высаживают десант, щедро потчеванный водкою... Можно представить, сколько одуревшей гвардии накрошил бы при этом обороте дел Миних, никогда не боявшийся ни своих потерь, ни лишней крови!

Второй вариант столь же реалистичен и способен принести успех: немедленно отправляться в Нарву, где собрано восемьдесят тысяч штыков под командованием Румянцева — обстрелянные, боевые полки, которым просто не способна сопротивляться не имеющая ни военного опыта, ни простой выучки гвардия...

Это не просто шанс — это реальный расклад для победы.

Но Петр, к превеликому сожалению, не решился. И дело тут наверняка не в «обычной», житейской трусости. Думается мне, Петр попросту не умел действовать в таких условиях. Это была не его ситуация. В его системе жизненных ценностей с самого начала не предусматривалось таких событий. Он был слишком уж европеец, а Екатерина, даром что немка, проявила блестящую, безукоризненную азиатчину.

Петр ничего не делает. Ничего... Проходят часы, уходит драгоценное время, а он бездействует. Окружающие понемногу начинают его покидать. Даже Измайлов, уж на что терпеть не мог Екатерину, но, видя, что каши

тут не сварись, потихоньку возвращается в Петербург и идет кланяться новой власти. Петр посылает в столицу офицера с письмом к Сенату, но тот везет депешу напрямик Екатерине...

А в Петербурге тем временем всюду распространяют самые дурацкие слухи, прилежно записанные для потомства секретарем датского посольства Шумахером: якобы Петр велел вызвать из своей Голштинии множество лютеранских попов и передать им православные церкви, якобы хочет «ввести масонство». Уверяют даже, что по приказу Петра генерал Апраксин в битве у Гросс-Егерсдорфа велел подмешать к пороху песок, отчего русские ружья не могли стрелять. Шумахер констатирует: «И чем больше было таких наивных и таких дурацких рассказней, тем охотнее принимало их простонародье, поскольку не нашлось настолько смелых людей, чтобы их опровергать». Сие нам знакомо и по нашему времени...

Мало того, в городе все упорнее твердят, что императора уже нет в живых — спяну упал с лошади и расшибся насмерть. А чуть погода по питерским улицам проходит роскошнейшая траурная процессия, везут гроб, солдаты в траурных нарядах несут факелы... Уже в первый день людей готовят к смерти императора! На все расспросы по поводу этой загадочной процессии княгиня Дашкова впоследствии отвечала с загадочной улыбкой:

— Мы хорошо приняли свои меры...

В конце концов, Петр отправляется в Кронштадт, но время упущено. В Кронштадт уже прибыл от имени императрицы адмирал Талызин. Его можно было арестовать в два счета, но комендант крепости Нуммерс потерял себя и не решался ничего предпринять. Талызин, человек гораздо более решительный, с ухмылочкой говорит:

— Ну, сударь мой, если у вас нет духа меня арестовать, так я вас сам арестую...

Кронштадт потерян. Петр в Ораниенбауме. Миних вновь предлагает скакать к войскам в Нарву — время еще есть, дорога свободна, при императоре двести конных гусар и драгун, на всем пути, на почтовом тракте приготовлены сменные лошади для собравшегося туда герцога Голштинского...

— Восемьдесят тысяч штыков! — рычит Миних.

Бесполезно. Император сломался...

К Ораниенбауму движутся войска Екатерины. Но и это еще не конец. Неугомонный, несломленный Миних предлагает последнее, что еще осталось...

Слово Шумахеру: «Миних же, лучше кого бы то ни было знавший, что собой представляют революции в России, внушал императору, что гвардейские полки наверняка обмануты ложью либо о его смерти, либо об отсутствии. Прошло уже 24 часа — было много времени как следует подумать, так что из тех, кто сейчас действовал вынужденно, наверняка

немало найдется таких, что в мгновение ока примут решение перейти на сторону императора, стоит лишь ему покинуть своих голштинцев и вместе с одним лишь Минихом явиться навстречу приближающейся гвардии. Тогда он, фельдмаршал, надеется внушить гвардейцам необходимое и изменить их настроение... В любом случае так умереть славнее, чем позволить себя позорно взять в плен... Исход мог быть и счастливым, поскольку между Преображенским и Измайловским полками уже царило сильное соперничество. Многие стали говорить о примирении, а что касается армейских полков, то они во всем этом деле играли пассивную роль...»

Трудно сказать, что из всего этого могло получиться. Даже тогда оставались некоторые шансы на успех. Вопреки тому, что обычно пишут, у голштинского отряда имелись пушки с боекомплектом. Говорить с солдатами Миних умел. Екатерининские части были измотаны многочасовым переходом, и в их рядах, как верно замечает Шумахер, не наблюдалось монолитного единства. Наверняка хватало и колеблющихся, и вовлеченных в события только потому, что «все пошли», а император для многих еще оставался помазанником Божьим...

Гадать бессмысленно. Петр запретил Миниху драться — и сдался. Под руководством генерала Суворова (отца будущего генералиссимуса) и голштинцев, и свиту основательно пограбили — от полковой казны до часов, колец,

табакерок и всего, что нашлось в карманах. Свергнутого императора увезли в Ропшу.

Живым он оттуда уже не выйдет...

А в Петербурге — пьяное веселье! Без малейшей идеологической подкладки, всем попросту дали гульнуть. «Войскам были открыты все питейные заведения, солдаты и солдаты в бешеном восторге тащили и сливали в ушаты, бочонки, во что ни попало водку, пиво, мед и шампанское» — это вспоминал Державин. Его дополняет очевидец Шумахер: «Они взяли штурмом не только все кабаки, но также и винные погреба иностранцев, да и своих; а те бутылки, что не смогли опустошить — разбили, забрали себе все, что понравилось, и только подошедшие сильные патрули с трудом смогли их разогнать».

«Солдатами и всякого звания людьми безденежно распито питий и растащено денег и посуды» на кругленькую сумму в двадцать две тысячи шестьсот девяносто семь рублей — это в течение одного дня 28-го июня. Причем учтены только потери кабатчиков, а частные винные погреба русских и иностранцев в реестр не вошли.

Пусть пьют, решил кое-кто, лишь бы не думали...

Поздно вечером стряслось досадное приключение. Некий пьяный гусар проскакал по слободам Измайловского полка, вопя, что в Петербург незнамо откуда нагрянули тридцать тысяч пруссаков, которые хотят похитить «ма-

тушку». Те из измайловцев, кто еще был способен занять вертикальное положение и кое-как передвигаться, пусть зигзагом, хлынули, несмотря на полночь, к императрице. Ну, что тут было делать? Пришлось «матушке» срочно одеваться и ехать утихомиривать своих орлов — положение ее пока что было неустойчивое, приходилось спрятать гордыню подальше и мило улыбаться, не воротя носик от густого перегара...

Народишко пить-то продолжал, но ведь попутно болтал по извечному русскому обычаю и даже ухитрялся думать пьяной головой — иные думы и разговоры были опасными...

Де Рюльер: «Солдаты удивлялись своему поступку и не понимали, какое очарование руководило их к тому, что они лишили престола внука Петра Великого и возложили его корону на немку. Большая часть без цели и мысли была увлечена движением других и когда всякий вошел в себя и удовольствие располагать короною миновало, то почувствовали угрызения. Матросы, которым не льстили ничем во время бунта, упрекали публично в кабаках гвардейцев, что те за пиво продали своего императора, и сострадание, которое оправдывает и самых величайших злодеев, говорило в сердце каждого...»

Что ж, это очень по-русски. Мы действительно таковы: сначала наворотим спьяну невесть чего, потом начинаем думать, осмысливать и каяться...

А ведь император-то был еще жив! И слишком многие, должно быть, начали вспоминать, что он все-таки родной внук Петра Великого, а его супруга — приبلудная немка... Тут могло возникнуть столько интересных коллизий — от раскаяния до попыток ухватить за хвост свою Фортуну освобождением законного самодержца... И Миних — вот он, никуда не делся, а главное — столько вокруг обделенных, от которых ушатом вина не отделаешься...

Де Рюльер точно подметил: «Пока жизнь императора подавала повод к мятежу, тут думали, что нельзя ожидать спокойствия». Его гармонично дополняет граф де Дюма, хотя и не очевидец событий, но долго пробывший при Потемкине на русской службе и, надо полагать, ситуацию знавший: «Следует помнить, что она (т. е. Екатерина — А. Б.) неизбежно должна была погибнуть и подвергнуться той же участи, если бы это убийство не совершилось».

Живой Петр был бы для Екатерины вечной угрозой. Он просто не имел права оставаться живым. Но он, еще не представляя, что за ходячий компьютер достался ему в супруги, писал дружелюбные письма, наивно прося отпустить его за границу с близкими людьми, обещая никогда не возвращаться...

Идеалист! Он был приговорен в тот миг, когда Екатерина выехала к гвардии на белом коне...

Вот манифест Екатерины о восшествии на престол.

«Всем прямым сынам Отечества Российского явно оказалось, какая опасность всему Российскому государству начиналась самым делом. А именно, Закон наш православный Греческой перво всего восчувствовал свое потрясение и истребление своих преданий церковных, так, что церковь Наша Греческая крайне уже подвержена оставалась последней своей опасности переменою древнего в России православия и принятием иноверного закона. Второе, слава Российская, возведенная на высокую степень своим победоносным оружием, чрез многое свое кровопролитие заключением нового мира с самым ее злодеем отдана уже действительно в совершенное порабощение; а между тем внутренние порядки, составляющие целость всего Нашего Отечества, совсем ниспровержены. Того ради убеждены будучи всех Наших верноподданных таковою опасностью, принуждены были, приняв Бога и Его правосудие себе в помощь, а особливо видев к тому желание всех Наших верноподданных явное и нелицемерное, вступили на престол Наш Всероссийский самодержавный, в чем и все Наши верноподданные присягу Нам торжественную учинили».

Вы всерьез полагаете, что издавшая этот манифест особа и в самом деле хотела сохранить жизнь свергнутому супругу? Что его убийство пьяными офицерами для нее явилось совершеннейшей неожиданностью? Что сама она,

боже упаси, никаких таких намеков не высказывала? Ну-ну, блажен, кто верует...

Конечно, она не писала приказа: «Сим повелеваю с получением сего немедленно лишить живота мужа моего, об исполнении донести». А что, это обязательно — такие вот приказы? Мы же не дети малые.

Народ, между прочим, безмолвствовал — но так, что это не внушало Екатерине оптимизма. Она быстренько сбавила налоги на соль, что должно было улестить главным образом просто-народе. Но вместо восторженных криков радости, коих ожидала императрица, мещане и горожане перекрестились и разошлись молча. Императрица, стоя у окна, не выдержала и сказала во всеуслышание: «Какое тупоумие!»

Да нет, это не тупоумие... Вот Москва. Губернатор оглашает манифест Екатерины о восшествии на престол — тот самый, который мы только что прочли. Потом выкрикивает здравицу в честь новой государыни.

В ответ — всеобщее молчание, угрюмое, многозначительное и жуткое. Губернатор провозглашает здравицу вторично — и вновь молчание. Только в третий раз «Ура Екатерине!» подхватывает несколько голосов — это кричат стоящие рядом с губернатором офицеры, которым он злым шепотом приказывает немедленно изобразить «глас народа». А тем временем в солдатских рядах слышится глухой ропот: «Гвардия располагает престолом по своей воле...»

И это, — никак не тупоумие! Это мнение!

А идеи, как метко выразился Ленин, только тогда становятся реальной силой, когда овладевают массами...

Подписанное Петром отречение и опубликованный через две недели так называемый Обстоятельный манифест о восшествии ее императорского величества на российский престол — документы крайне загадочные. Иные историки полагают, что отречение записано за Петра, а не им самим, другие — что он его и не подписывал вовсе. Есть версии, что Екатерина все же обещала отпустить Петра за границу — не всерьез, только для того, чтобы он подписал...

Но в принципе какая разница во второстепенных деталях? Главное — убить мужа велела Екатерина. По крайней мере, именно так полагал очевидец мятежа Шумахер. Именно он подметил, что придворный хирург Паульсен, отправленный Екатериной в Ропшу еще до убийства, поехал туда не с лекарствами... а с инструментами, необходимыми для вскрытия и бальзамирования! И Шумахер, и Рюльер пишут, что перед удушением была предпринята попытка отравить императора неким «питьем». Они основывались определенно на каких-то бытовавших в то время разговорах. Слишком много народу пришлось привлечь к убийству, там были не только офицеры, но и солдаты конвойной команды, кто-то обязательно начал бы болтать, так обычно и случается...

В письме к Понятовскому, между прочим, императрица выдвигает сразу две версии смерти Петра: «Его унесло воспаление кишок и апоплексический удар. Так уж несчастливо сложилось, понимаете ли — в один день и воспаление кишок случилось, и апоплексический удар присовокупился...»

Встретив как-то князя Федора Бярятинского, одного из участников пьяной расправы, граф Воронцов спросил:

— Как ты мог совершить такое дело?

На что Бярятинский, пожимая плечами, не-принужденно ответил:

— Что тут поделаешь, мой милый, у меня накопилось так много долгов...

Хуже всего, что это было не просто было — а было мелкое...

Прощай, император!

В России нельзя быть европейцем...

Никаких виртуальностей я рассматривать не буду. Можно было бы, конечно, пофантазировать на тему о возможном будущем Петра и России в том случае, если он все же послушал бы с самого начала несгибаемого Железного Дровосека. Занимательная была бы история: как Миних, использовав то ли кронштадтский гарнизон, то ли армию Румянцева, в два счета занял опамятававшийся, перетрухнувший Петербург; как Екатерина быстренько померла бы в одночасье, скажем, от воспаления желудка и апоплексического удара одновременно (вы полагаете, у Миниха было бы иначе?!); как

воспрянувший Петр продолжал бы свои реформы, понемногу избавляясь от наиболее одиозных крепостнических пережитков; как Россия еще в XVIII столетии излечилась бы от тех недостатков и недугов, что мешали ей развиваться вровень с европейскими странами; как ширились бы наши владения в Америке, а наш флаг реял бы в Киле...

Но это была бы как раз фантазия, а никакая не виртуальность. О виртуальности имеет смысл говорить всерьез лишь тогда, когда история меняет свое течение в результате случайности. Вот, скажем, чистой случайностью была гибель Александра II при взрыве бомбы. Его могли и не подпустить к террористу, умчаться во дворец, мог и не сработать взрыватель, похожее бывало... Случайностью было, что Гитлер остался жив при взрыве бомбы в 1944 году. И так далее, примеров можно подобрать предостаточно.

А вот проигрыш Петра как раз был не случайностью, а следствием его характера — настроенного не на лихие баталии с узурпаторами, а на спокойное, в рамках законов и обычаев правление европейского образца. Увы, он не мог не проиграть...

Вот с Гавриилой Романовичем Державиным приключился чистой воды случай. Молодого солдата-преображенца что-то слишком уж долго обходили капральским чином, и он, разобидевшись, стал искать Фортуны на стороне. Его знакомый по Казани пастор Гельтергоф был

вхож к императору, знал немало придворных и всерьез обещал молодому Гаврииле через свои немаленькие связи устроить его в ряды голштинской гвардии, где и русских хватало. И сорвалось это предприятие только потому, что грянул мятеж. А если бы он произошел на пару-тройку недель спустя, то Гавриила Романыч встретил бы его голштинским офицером в Ораниенбауме (именно в офицеры собирался его протолкнуть пастор). Он, конечно, остался бы жив, но карьера его бесповоротно погибла бы. А оставаясь рядовым-преображенцем, Державин нежданно для себя оказался в рядах триумфаторов...

МАТЕРЬ ОТЕЧЕСТВА

О царствовании Екатерины написано столько, что нет нужды его касаться. Наша тема довольно узка — гвардия и перевороты.

Я лишь упомяну — не без некоторого злорадства, каюсь — что Екатерина по некоему закону исторического возмездия сама оказалась жертвой изрядного количества сплетен, подчас довольно грязных (после того, как сама выплеснула на супруга немало брехливой грязи). В свое время упорно твердили втихомолку, что она на самом деле — дочь Ивана Ивановича Бецкого, незаконного сына князя Трубецкого, прославленного в осьмнадцатом столетии неисчислимыми романами и множеством бастардов. Якобы Бецкой, известный проказник насчет дамских сердечек, будучи в Париже при русском посольстве, сделал amor с княгиней Ангальт-Цербстской, тоже не монашкой. И получилась, мол, Екатерина, не зря же она как две капли воды на Бецкого похожа...

Дело это темное. Бецкой, уверяют современники, и в самом деле числился в свое время в амантах ветреной княгини, но дос-

товерно насчет Екатерины, разумеется, неизвестно...

Болтали и похуже: что императрице в спальню для известных целей приводили жеребца — не двуногого, в переносном смысле, а настоящего, на четырех копытах и с хвостом. Болтали, что Екатерина порывалась совратить на лесбийский манер дочку А. В. Суворова. Эти сплетни оказались стойкими и дотянули до нашего времени...

Но не будем тратить на них время. Итак, перевороты и заговоры...

С момента восшествия на краденый престол Екатерина оказалась в крайне шекотливом положении. С одной стороны, в гвардии хватало прожектеров, склонных лихо планировать самые неожиданные предприятия. С другой — многие считали, что с вступлением в совершеннолетие великого князя Павла Петровича Екатерине следует, деликатно выражаясь, на цыпочках удалиться в темный уголок и более к трону не приближаться. И опасность усугублялась тем, что среди сторонников этой точки зрения хватало знатнейших бар, высоких господ, которых Екатерина не могла укоротить на голову — времена стояли уже не бомбардирские, даже не елизаветинские. Русский, выражаясь современным языком, истеблишмент возомнил кое-что о своих правах и крайне неодобрительно отнесся бы к попыткам даже не отправить на плаху кого-то из них, а хотя бы сослать в Сибирь. За все свое царствование

Екатерина так и не наказала всерьез никого из знатных своих недоброжелателей, самое большее — удалила от себя, прекрасно понимая, где кончаются границы ее вроде бы византийской власти... Всю жизнь она отыгрывалась на мелкоте...

И я отмечу — опять-таки не без злорадства — что заговоров, изрядно попортивших ей крови, на веку Екатерины хватало. Было их столько, что хоть в пучки вяжи и дюжинами считай...

Даже ближайшие сподвижники, чувствуя свое значение, откровенно выдрючивались. Незадолго после успеха дела Григорий Орлов посреди многолюдного застолья начал громко похвалиться: дескать, он с братишками имеет такое влияние на гвардию, что ежели б мы захотели, мы б и тебя, матушка, свергли б через месяц...

Ситуацию чуточку разрядил гетман Разумовский, сказавший резонно:

— Месяц, говоришь, Гришенька? Так мы, не дожидаясь, когда месяц протечет, тебя б уже через неделю повесили трошки...

Легко представить, что чувствовала Екатерина, вынужденная это смирнехонько выслушивать. Уж если подобным образом выпендрился ее любовник и ближайший соратник, то какие мысли должны были бродить в головах у тех, кто, пыжась от собственного значения, считал, что ему недодали? Ох, как ей было неуютно, и как ее знобило по ночам...

1762 год. Буквально через несколько недель после переворота в том самом Измайловском полку, что бежал зигзагом ночью спасать «матушку» от похитителей-пруссаков, произошла какая-то загадочная история, до сих пор не проясненная. Осталось лишь донесение английского дипломата Кейта своему правительству: «Со времени переворота меж гвардейцами поселился скрытый дух вражды и недовольства. Настроение это, усиленное постепенным брожением, достигло таких размеров, что ночью на прошлой неделе оно разразилось почти открытым мятежом. Солдаты Измайловского полка в полночь взялись за оружие и с большим трудом сдались на увещевания офицеров. Волнения обнаруживались, хотя в меньшем размере, две ночи подряд, что сильно озаботило правительство; однако с помощью отчасти явных, отчасти тайных арестов многих офицеров и солдат выслали из столицы, через что порядок восстановлен, в настоящую минуту опасность не предвидится».

Это никак не похоже на искаженный молвой и дошедший до англичанина через третьи руки рассказ о достопамятном измайловском визите в гости к Екатерине. Тут определенно что-то другое, серьезнее...

1762 год. Дело Гурьева и Хрущева. Под их предводительством составила партия, собиравшаяся возвести на престол Иоанна Антоновича. Ходили слухи, что настоящие ее предводители — князь Голицын и граф Н. И. Панин,

в рядах более тысячи человек. Что есть и другая партия, собирающаяся короновать уже Павла...

Биограф Екатерины XIX столетия Брикнер называет все это «нелепой болтовней среди немногих офицеров». Однако реакция Екатерины и ее приближенных на эту историю была скорая и жесткая. Гурьева и Хрущева быстро обезглавили, еще нескольких офицеров отправили на каторгу. Причем главарей на допросах не пытали — быть может, из гуманизма, а может, и для того, чтобы не копать слишком глубоко, мало ли какие имена могли всплыть...

1762 год. Заговор Рославлева, Ласунского и Хитрово. Это — обделенные, считающие, что за участие в перевороте получили слишком мало. Детали толком неизвестны, но с троицей обошлись мягко, всего лишь устроили крепкую словесную взбучку. Екатерина не без цинизма письменно велела одному из своих приближенных передать означенным нытикам, что денег им требовать стыдно, коли уж они помогли ей взойти на престол ради благородной цели, «для поправления недостатков в отечестве своем». Казна, одним словом, не резиновая, и на всех не напасешься, мало ли вас таких тогда орало на улицах...

1763 год, весна. Троица все же не унялась — на сей раз она возмущена устойчивыми слухами о намерении Екатерины обвенчаться с Григорием Орловым. Пошли разговоры, что сре-

ди гвардии ведется агитация в пользу двух братьев Иоанна Антоновича, что в заговор замешаны опять-таки Панин и вездесущая княгиня Дашкова...

И на сей раз поступили достаточно мягко. Камер-юнкера Хитрово выслали в его имение, а капитанов Измайловского полка (снова этот полк!) Ласунского и Рославлева турнули в отставку...

1764 год. Самый знаменитый заговор екатерининского времени — «дело Мировича». Поручик Мирович пытается освободить Иоанна Антоновича, но того успевают убить согласно инструкции стража. Ясности в этой истории нет до сих пор. Давным-давно некоторые историки, приводя довольно убедительные доказательства, уверяли, что все это было задумано самой Екатериной и осуществлено ее агентами, сыгравшими с Мировичем «втемную». Его перед казнью опять-таки не пытали, что противоречило нравам того времени и привычкам Тайной канцелярии...

1767 год. Заговора нет, но долго ходили слухи, что во время поездки Екатерины в Москву на нее было совершено покушение.

1767 год. Капитан кавалергардского полка Панов и еще несколько гвардейских офицеров начинают толковать меж собой, что великий князь Павел Петрович уже вошел в совершеннолетие, а потому пора бы матушку свергнуть...

Все сосланы в Сибирь и на Камчатку.

1769 год. Восемнадцатилетний офицер из Нарвы Опочинин начал рассказывать, что он — сын Елизаветы и «аглицкого короля», а потому следует Екатерину захватить и посадить в крепость, а Орловых перебить без жалости.

Его и его сообщника корнета Батюшкова поначалу суд приговаривает к смертной казни, но Екатерина заменяет плаху Батюшкову пятилетней каторгой, а Опочинину (сыну не аглицкого короля, а русского генерал-майора) — ссылкой в Иртышский гарнизон.

1772 год. Накануне восемнадцатилетия Павла. Гвардейский солдат Исаков рассказал солдату Жихареву, что Павла Петровича хотят извести. Жихарев поделился новостью с солдатом Карповым. Тот — с капралом Оловенниковым. Оловенников был, видимо, самым деловым из всех, потому что не просто пересказал все подпоручику Селехову, а предложил ему и солдатам возвести на трон Павла, пока его не извели. Те не увидели в этой идее ничего особенно невероятного и стали составлять планы, уже всерьез. Планов было громадье: если Павел Петрович, чего доброго, не согласится царствовать после того, как господа гвардейцы прикончат его матушку, убить и его, а народу объявить, что сына убила Екатерина, которую в отмщение, разумеется, пришлось тут же предать смерти. А в цари выбрать, кого солдаты захотят. Впрочем, Оловенников, не надеясь на народное волеизъявление, в самодержцы предлагал себя, сообщнику, рядовому Подгорневу, великодушно предлагал

занять при его особе пост фельдцейхмейстера, брату его — генерал-прокурора, солдату Карпову — генерал-адъютанта. Однако Подгорнев с таким раскладом не согласился и выдвигал в цари себя, заявляя Оловенникову, в общем, логично: «Коли тебе можно царем быть, отчего мне нельзя?» Потом все-таки подумали как следует и решили, что замахнулись не по чину — порешили выбрать царем герольдмейстера князя Щербатова, как человека умного, доброго и честного.

Самому старшему из этой компании было двадцать два года. Всех изобличили, драли кнутом и сослали в Сибирь...

Кто-то может сказать, что Опочинин, Оловенников и многие другие — попросту безответственные болтуны, а их затея — блажь сопляков. Не спорю. Гораздо интереснее тут другое: психология господ гвардейцев. Не то что капитаны и поручики, а даже рядовые не видят ничего необычного в том, чтобы, сойдясь кучкой, рассуждать, как бы им половчее свергнуть императрицу и возвести на трон кого-нибудь другого... Они ведь чувствуют себя вправе именно такие планы строить! Вот что примечательно! Они свято верят, что гвардии такое позволено! Вот она, психология Гвардейского Столетия в действии и полной наглядности! А сколько им лет, и пьяны они при этом или трезвы — дело десятое...

Ох уж этот совершеннолетний Павел, матушкина непроходящая головная боль...

Павел, между прочим, уже женат, жена его — опять-таки немецкая принцесса. История, знаете ли, имеет тенденцию повторяться, и необязательно в виде фарса...

Из «Записок» М. А. Фонвизина: «Мой покойный отец рассказывал мне, что в 1773 или 1774 году, когда цесаревич Павел достиг совершеннолетия и женился на дармштадтской принцессе, названной Натальей Алексеевной, граф Н. И. Панин, брат его фельдмаршал П. И. Панин, княгиня Е. Р. Дашкова, князь Н. В. Репнин, кто-то из архиереев, чуть ли не митрополит Гавриил, и многие из тогдашних вельмож и гвардейских офицеров вступили в заговор с целью свергнуть с престола царствующую без права Екатерину II и вместо нее возвести совершеннолетнего ее сына. Павел Петрович знал об этом, согласился принять предложенную ему Паниным конституцию, утвердил ее своей подписью и дал присягу в том, что, воцарившись, не нарушит этого коренного государственного закона, ограничивающего самодержавие. Душою заговора была супруга Павла, в. к. Наталья Алексеевна, тогда беременная. При графе Панине были доверенными секретарями Д. И. Фонвизин и Бакунин (Петр Васильевич), оба участники в заговоре. Бакунин из честолюбивых, своекорыстных видов решил быть предателем. Он открыл любовнику императрицы Г. Г. Орлову все обстоятельства заговора и всех участников — стало быть, это сделалось известным и Екатерине. Она позвала к себе сына и гневно

упрекала ему его участие в замыслах против нее. Павел испугался, принес матери повинную и список заговорщиков. Она сидела у камина и, взяв список, не взглянув на него, бросила бумагу в камин и сказала: «Я не хочу и знать, кто эти несчастные». Она знала всех по доносу изменника Бакунина. Единственной жертвою заговора была великая княгиня. Полагали, что ее отравили или извели другим образом. Из заговорщиков никто не погиб. Екатерина никого из них не преследовала. Граф Панин был удален от Павла с благоволительным рескриптом... Брат его фельдмаршал и княгиня Дашкова оставили двор и переселились в Москву. Князь Репнин уехал в свое наместничество в Смоленск; а над прочими заговорщиками учинили тайный надзор...

Если это правда — то здесь уже не болтовня безусых корнетов, все гораздо серьезнее... А собственно, почему бы этой истории и не быть правдой? Ничего невероятного в ней нет, наоборот, по меркам того столетия она буднична, тривиальна, скучна даже. И оттого вполне может оказаться правдой.

А кроме заговоров, у Екатерины была еще одна головная боль — муженек Петр Федорович.

Покойник оказался очень беспокойным и ни за что не желал смирнехонько лежать в роскошной гробнице. Он бродил по стране, что ни год раздваиваясь, растраиваясь, размножаясь в вовсе уж невероятных количествах...

Я так и не выяснил, сколько же было всего Петров Федоровичей, объявлявшихся на просторах Российской империи. Бегло перелистав три-четыре книги по истории, с маху отыскал их десятка два в России и двоих на Балканах (это помимо Степана Малого и Лжестепана-Лжепетра). И махнул рукой. Петров Федоровичей было множество. Время от времени среди этой оравы промелькивали Иоанны Антоновичи и даже Алексей Петрович с Петром II.

Разумеется, большинство из них так и остались простыми болтунами, вроде пропившегося капитана Оренбургского гарнизона, заявлявшего честно: «Хочу сказатья государем Петром Федоровичем, может, какой дурак и поверит». Другие были чуточку посерьезнее — им удавалось собрать ватагу человек в сто, а то и триста. Все они никакой опасности для трона не представляли. Кроме одного-единственного, которого вроде бы звали на самом деле Емельяном Ивановичем...

Некто Емельян

События, известные как «Пугачевский бунт», до сих пор таят множество загадок.

Сам размах этого предприятия уникален — ничего подобного на Руси прежде не бывало. Смута — другое дело, она была настоящей гражданской войной, а не мятежом. Между тем против Пугачева, по признанию самой

Екатерины, была «наряжена такая армия, что едва ли не страшна соседям была». Лишь спешно заключив мир с Турцией и сняв с фронта регулярные части, удалось подавить мятеж... Впрочем, называть события «мятежом» как раз неправильно. Перед нами — что-то другое. В отличие от разинского бунта, представлявшего собой всего лишь буйство разросшейся до гигантских размеров разбойничьей шайки, не озабоченной ни в малейшей степени административными делами (да и не способной на таковые), войско Пугачева было строжайше организовано. Оно управлялось не «советом атаманов», а самой настоящей Военной коллегией, своего рода аналогом екатерининского военного министерства в миниатюре, обладавшей также судебными правами. При Пугачеве находилось довольно много якобы пленных офицеров — в том числе столь примечательные личности, как родственник старинного недруга братьев Орловых Шванвича и Тимофей Падуров, бывший депутат созванного Екатериной народного собрания, в чем-то аналога старых Земских соборов. Официально это собрание* именовалось Комиссией Законоуложения и сыграло довольно важную роль в выработке российских законов.

* Состоявшее из выборных делегатов от дворян, горожан, казаков, нерусских народов и государственных крестьян.

Интересно, что пугачевская артиллерия была... лучше той, которой располагали правительственные войска! Генерал Кар, самонадеянно решивший в одночасье разнести по кочкам «толпу мужичья» и сам этой «толпой» моментально разбитый (а ведь у него была тысяча триста опытных солдат!), доносил Военной коллегии: «Артиллерию свою чрезвычайно вредят, отбивать же ее атакою пехоты весьма трудно, да почти и нельзя, потому что они всегда стреляют из нее, имея для отводу готовых лошадей, и как скоро приближаться пехота станет, то они, отвезя ее лошадьми дальше на другую гору, опять стрелять начинают, что весьма проворно делают и стреляют не так, как бы от мужиков ожидать должно было». Принято считать, что у пушек стояли опытные в стрельбе мастерские уральских заводов, но это лишь половина разгадки. Заводские мастерские вряд ли были обучены умелому маневрированию орудиями на поле боя... Во время осады Оренбурга пугачевцы навесным огнем, что опять-таки требует немалого мастерства, громили дома в центре города, и по сохранившимся подробным описаниям историки делают вывод, что действовали опытные артиллеристы.

Екатерина уверяла Вольтера в письмах, будто бы Пугачев предавал смерти всех офицеров и солдат, которые к нему попадались. Истине это несколько не соответствует. Не только местные гарнизоны, но и присылавшиеся из

Центральной России полки были ненадежны. Прибывший из Петербурга Владимирский гренадерский полк пришлось подвергнуть бдительному тайному надзору, открывшему, «что действительно меж рядовыми солдатами существует заговор положить во время сражения перед бунтовщиками ружья».

Но если бы только солдаты... Участвовавший в боевых действиях (и чудом избежавший однажды плена) Державин, как и генерал Бибиков, постарался опустить в своих воспоминаниях кое-какие щекотливые моменты. Но в том самом Саратове, откуда Державин спасся от пугачевцев только благодаря резвости хорошей лошади, при известии о приближении «Петра Федоровича» ему навстречу вышли со знаменами и местный пехотный гарнизон, и артиллерийская команда во главе со всеми офицерами и самим начальником гарнизона, секунд-майором — чин немалый. Именно эти артиллеристы потом отличились во время битвы под Царицыном с Михельсоном. А еще раньше, на Урале, Михельсон принял однажды издали пугачевцев за идущие к нему на соединение правительственные войска — настолько хороши были выправка и строй «мятежной толпы»...

Отдельный разговор — о духовенстве. После подавления восстания в Петербурге огорча решили расстричь всех священников, примкнувших к самозванцу, но против этого вынужден был возразить даже усмиритель

восстания П. И. Панин, писавший императрице, что «в тех здесь местах, где злодей сам проходил и в который входили большие его отряды, не было из оного (духовенства) почти ни одного человека... который бы не встречал злодея с крестами и не делал бы служения с произношением самозванца». Поэтому, чтобы не оставить без священников целые губернии, пришлось ограничиться наказанием только самых уж активных, причем рядовых священнослужителей. А ведь во главе крестных ходов к Пугачеву выходили и архимандриты крупных монастырей. Против казанского архиепископа Вениамина существовали серьезные и обширные улики, избличавшие его в сношениях с Пугачевым, но дело решили замять...

Любопытно, что майор Рунич, один из подавлявших, член особой следственной комиссии, отчего-то связывал в своих мемуарах (написанных уже в двадцатые годы XIX столетия) яицкий мятеж с «известиями о ссылке в Сибирь некоторых лейб-гвардии офицеров».

Дело тут, конечно, не в «революционном настрое» господ офицеров, в немалом количестве встававших под знамена Пугачева. Прекрасно объяснил их мотивы М. Н. Покровский: «Дворцовые перевороты как раз более сметливых должны были приучить к тому, чтобы не разбираться чересчур долго в правах различных претендентов на престол, а, не теряя времени, присоединяться к тому, кто сильнее. Если что задерживало в этом случае, так, ско-

рее, неизбежность конкурировать с пугачевскими «полковниками и «генералами» из казаков да острое социальное недоверие, которое чувствовали восставшие...»

Вспоминая подробный рассказ Болотова об умонастроениях тогдашнего офицерства, не видишь ничего удивительного в том, что они уходили к новоявленному «Петру III» — перед ними просто-напросто был очередной претендент на трон, причем с большими шансами на успех. В 1917 году история повторится — к большевикам быстренько переметнется столбовой дворянин Тухачевский, едва изучивший азы военного образования, зато одержимый патологической страстью сделать карьеру..

Кроме того, в штабе Пугачева были польские офицеры, какие-то загадочные французы, а в его войсках — отряды, сформированные из поволжских немцев-колонистов. Менее всего пугачевская армия, обучаемая и руководимая профессионалами, управляемая Военной коллегией, походила на разинскую банду или казацкую вольницу. И если бы Пугачев не потратил столько сил на бесплодную осаду Оренбурга, эта армия могла дойти и до Москвы, где способных оказать ей сопротивление войск попросту не было...

Во все времена и во всех странах хватало «народных самородков», однако в истории Емельяна Пугачева все складывается очень уж гладко, подозрительно гладко. Две жизни Пугачева — казака и вождя — определено не

стыкуются. До некоторого момента перед нами — заурядный человек, ничем особенным себя не проявивший, на войне не поднявшийся выше хорунжего, а после то срывавшийся в бродяжничество, то устраивавший глупые авантюры. Совершенно бесцветная личность.

И вдруг все меняется — в считанные недели этот бродяга сумел обаять не столь уж доверчивых казацких старшин, подозрительно легко разбить довольно крупные воинские соединения, обрести пленными офицерами, ссыльными иностранцами, немцами-волонтерами, создать эффективные органы управления вроде Военной коллегии...

Случаются, конечно, чудеса — но не до такой же степени? Человек, действовавший в одиночку, сам по себе, ни за что не добился бы подобного, даже десятой доли. Самозванцев на Руси хватало и до Пугачева, но мало-мальски серьезных результатов добивались только те, за которыми кто-то стоял.

Кто же стоял за Пугачевым и был мозгом предприятия? Те самые казацкие старшины? Но и им вряд ли было бы по плечу такое дело, требовавшее не просто ума и воли, а определенных знаний и навыков. Версия о «самородках» выглядит чересчур наивной.

Тогда?

До сих пор в точности неизвестно, что делал Пугачев во время своего не столь уж короткого пребывания в Жечи Посполитой. Известно лишь, что он поддерживал связи с рас-

кольниками, обитавшими во множестве в местности под названием Ветка на территории Литвы. По некоторым данным, именно староверы смогли похитить в Петербурге и переслать Пугачеву одно из четырех знамен, когда-то принадлежавших голштинской гвардии Петра III.

Любопытно, что первые манифесты «государя императора Петра Федоровича» отнюдь не предусматривали поголовного истребления дворянства. Пугачев обещал лишь отобрать у крепостников земли и крестьян, а взамен платить им «большое жалованье». Лишь позже, во времена крупных неудач, Пугачев призывает вырезать дворян поголовно...

Какое бы то ни было тщательное расследование осложняется тем, что материалы по Пугачевскому бунту до сих пор, мягко говоря, малодоступны, а обширных работ, основанных на документах, в пределах досягаемости попросту нет. Трудно даже прочитать пушкинскую «Историю Пугачевского бунта». Что таят архивы, остается лишь догадываться — вместо публикации документов историки до сих пор отделиваются байками об особенно удачных каламбурах плененного Пугачева и тому подобных мелочах.

А ведь что-то должно сохраниться! Невозможно представить, что екатерининская Тайная экспедиция не допрашивала самым подробным и тщательным образом того же Падурова, других офицеров, служивших у

самозванца, поляков, немцев, казацких атаманов. Все это просто обязано было фиксироваться на бумаге. Масса документов российской тайной полиции доекатерининских времен прекрасно сохранилась*. Значит, где-то лежат и пухлые папки с протоколами допросов пугачевцев...

Пока же, по недостатку информации, приходится лишь строить более-менее отражающие реальность версии. С высокой степенью вероятности можно предположить, что «государь Петр Федорович» был инструментом неких внешних сил, поддержанным и деньгами, и людьми.

Возможно, здесь прослеживаются ниточки, ведущие к французской разведке. Предположение не столь уж и невероятное: французы еще с середины XVII века поддерживали связи с Украиной. Там строил крепости французский инженер Боплан, и в XVIII веке там просто не могло не оказаться французских разведчиков. Где Украина, там и казаки. В первые годы царствования Екатерины II на черноморских верфях (факт, документально подтвержденный) русская контрразведка сцапала французских агентов, пытавшихся поджечь строящиеся корабли. Мотивы просты и лежат на поверхности: Россия воевала с Турцией, а Франция давно уже искала союза с Оттоманской Портой,

* Как сохранилось следственное дело Степана Разина.

препятствуя чрезмерной активности русских в том регионе.

Возможно, ниточки тянутся в Варшаву. Ослабление России было Жечи Посполитой необходимо даже более, чем Франции, а связи польской короны с частью казачества насчитывают не одно столетие.

Наконец, к операции «Емельян» определенно были подключены мощные центры старообрядческой эмиграции, располагавшие в России собственной «агентурной сетью» и пользовавшиеся в народе нешуточной поддержкой.

Быть может, сплелись все вышеперечисленные факторы. Увы, невозможно говорить о чем-то конкретном — для этого нужно с головой погрузиться в архивы*.

В конце концов, до сих пор нет твердой уверенности, что так называемый Емелька Пугачев, выдавший себя за Петра III, и в самом деле был казаком станицы Зимовейской Емельяном Пугачевым. Я не удивлюсь, если это — два разных человека. Почему несчастную законную супружницу «Емельки», ее дочерей и сына, а также вторую жену — «царицу Устинью» пожизненно заключили в крепость? Оттого ли только, что они были «членами семьи врага народа»? Или они могли еще и сболтнуть что-то такое, что, безусловно, противоречило официальной, высочай-

* Вольтер, кстати, считал Пугачева турецким агентом.

ше утвержденной версии «Пугачевского бунта»? Почему, наконец, Екатерина не раз именовала Пугачева «маркизом»? Что это, простая издевка или отголосок еще чего-то, нам неизвестного?

В одном я не сомневаюсь — настоящий Петр III Федорович был убит в 1762 году...

А кстати, потом появились и Лжепугачевы!

ВМЕСТО ЭПИЛОГА К «БАБЬЕМУ ЦАРСТВУ»

Екатерина умерла. Что повлекло за собой очередную дурацкую сплетню — будто бы ее ткнули копьем снизу, из нужника. Что делать, за времена Гвардейского Столетия народец как-то попривык, что самодержцы всероссийские естественной смертью не оканчивают дни свои, и приличному монарху как бы и положено помирать смертью насильственной...

Что можно сказать об этой умнейшей, энергичнейшей, весьма небесталанной особе?

Что Россию она вернула на путь кнута, топора и произвола, взяв из планов Петра только то, что служило укреплению ничем и никем не ограниченной самодержавной власти. Что она раздала фаворитам восемьсот тысяч крестьян и в 1783 году закрепостила прежде свободных землепашцев Малороссии. И это правда.

Что при ней были построены великолепные здания, завоеваны новые земли, что при ней в Европе без ее позволения ни одна пушка выпалить не смела. И это тоже правда.

И все же, по сравнению с тем, что замыслил и начал претворять в жизнь Петр, правле-

ние Екатерины — блистательный, порой романтичный, но — застой. Могут, конечно, ссылаться на то, что «народ был не готов». Могут напомнить о том, что собранные ею для выработки законоуложений депутаты погрязли в мелкой грызне по пустякам, и пришлось их рассаживать «на три сажени врозь, дабы плевок одного не достигал личности другого».

Но это все будут отговорки. Потому что есть с чем сравнивать. Трудно сказать, к чему могли бы привести реформы Петра, но, по крайней мере, мы знаем их направление — и было оно взято совсем не в ту сторону, куда привела страну Екатерина.

А, в общем, слово Александру Сергеевичу Пушкину: «Со временем история оценит влияние ее царствования на нравы, откроет жестокую деятельность ее деспотизма под личной кротости и терпимости, народ, угнетаемый наместниками, казну, расхищенную любовниками, покажет важные ошибки ее политической экономии, ничтожность в законодательстве, отвратительное фиглярство в сношениях с философами ее столетия — и тогда голос обольщенного Вольтера не избавит ее славной памяти от проклятия России».

«Коротко сказать, сия мудрая и великая государыня, ежели в суждении строгого потомства не удержит на вечность имя великой, то потому только, что не всегда держалась священной справедливости, но угождала своим окружающим, а паче своим любимцам, как бы

боясь раздражить их; и потому добродетель не могла, так сказать, сквозь сей чесночник пробиться и вознестись до надлежащего величия» — это уже Гавриила Державин.

Итак, она умерла...

Государю Петру Федоровичу не хватало никогда решимости, энергии, воли, умения строго спрашивать и сурово карать.

Но после смерти Екатерины на престол возшел человек, наделенный этими качествами с лихвой.

Его звали Павел Петрович, он был сыном Петра и Екатерины и горел желанием провести реформы ради всеобщего блага.

Через несколько лет его убили.

ПОСЛЕДНИЙ РЫЦАРЬ

Павлу тоже досталось умышленной и неумышленной клеветы сверх всякой меры. «Двойной стандарт» и в его случае был использован на всю катушку, как и в отношении Петра III.

Вновь однотипные события получали совершенно разное истолкование. Когда со своими сановниками сажал кого-нибудь голой задницей в лукошко с яйцами Петр I, это именовалось «великий государь изволит отдохнуть от трудов праведных». Когда подвыпивший Петр III играл в чехарду со своими гвардейцами, это, легко догадаться, рассматривалось как доказательство его совершеннейшей дебильности. Когда чудесил Суворов, иногда безобидно (прыгал через стулья, кукарекал, запрягал в свою коляску сотню лошадей цугом, чтобы подкормить их на конюшне пригласившего его в гости магната), иногда гнусно (венчал одним махом пар двадцать своих крепостных, распределив их так, чтобы подходили жених с невестой по росту) — сие почтительно звалось «чуждачествами великого полководца». Когда гораздо менее безобидно давал выход эмоциям

Павел (и в самом деле эксцентричный), пресловутое «общественное мнение» распускало сплетни о «коронованном безумце».

И совершенно как-то упускается из виду, что ославленный «деспотом и безумцем» Павел своей деятельностью (пусть порой хаотичной, не всегда продуманной) если и не вносил коренных изменений, то понемногу уводил страну из припахивавшего сладкой гнильцой екатерининского застоя.

Не зря М. Н. Покровский писал: «Все, что делал «сумасшедший» Павел, делал бы и нормальный человек его умственного развития и склонностей, поставленный в подобное положение». А что он делал? обстоятельный рассказ потребовал бы отдельной книги, но в последние годы все же появилось несколько дельных книг, напрочь разрушающих устоявшуюся версию о «коронованном безумце». Поэтому рассмотрим лишь кратко его толковые преобразования.

Прусский военный агент, отнюдь не бывший горячим поклонником Павла, тем не менее был профессиональным дипломатом, обязанным давать точные оценки тому, что наблюдал в стране пребывания. Он писал королю: «Император Павел создал в некотором роде дисциплину, регулярную организацию, военное обучение русской армии, которой пренебрегала Екатерина». Русский мемуарист дополняет эти сведения, называя реформы Павла в области артиллерии «пер-

вым шагом к преобразованию и усовершенствованию».

Прежде всего, он составил новые уставы — Устав по строевой части и воинской службе, Морской устав. Установил точные правила рекрутских наборов, чинопроизводства и увольнений — до него в этих вопросах хватало анархии. Запретил использование воинских чинов по личным надобностям командиров — употребляя современные аналогии, отныне генерал, посылавший солдат строить ему дачу, рисковал многим...

По единодушным отзывам современников, рядовые солдаты Павла любили — в их отношении он не позволял несправедливостей. В екатеринские времена сложившейся практикой было разворовывание рекрутов по имениям высокопоставленных крепостников. Рекрутов, проделывая махинации с отчетностью, попросту делали вечными крепостными. По признанию графа Безбородко, видного екатеринского деятеля, «растасканных разными способами из полков людей в 1795 г. было до 50 тысяч, или восьмая часть армии». Конец этому положил Павел. «23 декабря 1800 г. солдатам, находившимся на службе до воцарения Павла, было объявлено, что по окончании срока службы они становятся однодворцами, получая по 15 десятин в Саратовской губернии и по 100 рублей на обзаведение» (Эйдельман). Для сравнения: прежде отслужившим четверть века солдатам великодушно позволялось идти на все четыре стороны без копейки пособия...

Каждый унтер-офицер, капрал и солдат, прослуживший двадцать лет беспорочно, получал отличительный знак и освобождался от телесных наказаний — практически дворянская привилегия.

Нижние чины впервые в российской военной истории получили право жаловаться по инстанции на офицеров. «Всем солдатам сие было крайне приятно, а офицеры перестали нежиться, а стали лучше помнить свой сан и уважать свое достоинство» (Болотов).

«Я находился на службе в течение всего царствования этого государя, не пропустил ни одного учения или вахтпарада и могу засвидетельствовать, что хотя он часто сердился, но я никогда не слышал, чтобы из уст его исходила обидная брань» — это полковник Саблуков, лишь однажды отметивший «расправу тростью с тремя офицерами».

Другой видный и осведомленный чиновник, служивший четверем императорам, писал о военных реформах царя: «Об этом ратном строе впоследствии времени один старый и разумный генерал говорил мне, что идея дать войскам свежую силу все же не без пользы прошла по русской земле: обратилась-де в постоянную недремлющую бдительность с грозною взыскательностью и тем заранее приготавлила войска к великой отечественной брани...» (Оболенский).

О том, какую печальную картину представлял собой Кронштадт при Екатерине, оставил

воспоминания барон Штейнгель, будущий декабрист и морской офицер: «Число кораблей хотя значительно было, ибо, помнится, считалось до 40 линейных кораблей в Кронштадте и Ревеле, но они большею частью были ветхие, дурной конструкции, с таким же вооружением, и не обшивались медью, отчего большею частью ходили дурно. Капитаны любили бражничать. Офицеры и матросы были мало практикованы; работы на кораблях производились медленно и с великим шумом. Далеко, бывало, слышно, когда корабль снимается с якоря: «Шуми, шуми, ребята!» — была любимая команда вахтенного лейтенанта, когда вертели шпиль. С рифами (сворачивание парусов — А. Б.) возились по получасу. Офицеры любили тоже куликать (попивать — А. Б.), и вообще образованных было мало... Форма не строго соблюдалась. Часто случалось встретить офицеров в мундире, в пестром нижнем платье, с розовым галстуком и в круглой шляпе (для лучшего понимания: представьте современного полковника в полосатой футболке под кителем, джинсах, начищенных сапогах, в беретке — примерно такая картина — А. Б.). Едучи куда-либо, особенно капитаны любили иметь за собой вестового, который обыкновенно нес шпагу и плащ... В порту был во всем недостаток; и воровство было непомерное, как в Адмиралтействе, так и на кораблях. Кронштадт утопал в непроходимой грязи; крепостные валы представляли развалину; станки пу-

шечные оказывались рассыпавшимися, пушки в раковинах (дефекты литья — А. Б.), гарнизон — карикатура на войска; одним словом, эта часть вообще находилась в самом запущенном состоянии».

И далее — две короткие фразы: «Со вступлением Павла на престол все переменялось. В этом отношении строгость его принесла великую пользу».

Все мы помним, что «самодур Павел» наложил опалу на великого полководца Суворова и отправил его в деревню, из-за чего-то там прогневавшись...

А из-за чего?

Приказ Павла от 20-го марта 1800 года: «Вопреки высочайше изданного устава генералиссимус князь Италийский имел при корпусе своем по старому обычаю неперменного дежурного генерала, что и делается на замечание всей армии».

Как видим, нет никакого «самодурства». Суворов просто-напросто нарушил действующий воинский устав. А Павел считал, что устав обязаны соблюдать решительно все — от зеленого первогодка-рядового до заслуженного генералиссимуса... Что, между прочим, глубоко справедливо.

Именно Павел отменил петровский закон о престолонаследии, принеся столько неразберихи. Именно Павел снял с крестьян недоимку в семь с лишним миллионов рублей, возместив ущерб для бюджета... за счет новых об-

ложений, коснувшихся исключительно дворян. Именно Павел категорически запретил продавать дворовых и крестьян без земли. Указ, определявший предельную продолжительность недельной барщины, устанавливавший, что крестьяне отныне работают на барина лишь три дня в неделю, был высоко оценен беспристрастным наблюдателем, прусским дипломатом Вегенером: «Закон, столь решительный в этом отношении и не существовавший доселе в России, позволяет рассматривать этот демарш императора как попытку подготовить низший класс нации к состоянию менее рабскому».

Часть горнозаводских крестьян на Урале Павел перевел в государственные, чем значительно облегчил их жизнь.

А там и вовсе отменил рекрутский набор. «Отныне Россия, — заявил он в манифесте на сей счет, — будет жить в мире и спокойствии, что теперь нет ни малейшей нужды помышлять о распространении своих границ, поелику и без того довольно уже и предовольно обширна...»

«Нельзя изобразить, какое приятное действие произвел сей благодетельный указ во всем государстве, — и сколько слез и вздохов благодарности испущено из очей и сердец многих миллионов обитателей России. Все государство и все концы и пределы онаго были им обрадованы и повсюду слышны были единые только пожелания всех благ новому Государю...» (Болотов).

Это мнение несколько не преувеличено: рекрут, напоминая, уходил на двадцать пять лет, практически навсегда, родители с детьми и жены с мужьями прощались заранее, словно с покойниками...

Кроме барщины, ограниченной тремя днями в неделю, теперь запрещалось принуждать крепостных к работе и по воскресным и праздничным дням. Коцебу, немецкий писатель и русский разведчик, писал: «Народ был счастлив. Его никто не притеснял. Вельможи не смели обращаться с ним с обыною надменностью. Им было бы плохо, если бы до него дошло о какой-нибудь несправедливости; поэтому страх внушал им человеколюбие. Из 36 миллионов людей, по крайней мере, 33 имели повод благословлять Императора, хотя и не все сознавали это...» Свидетельство Коцебу тем более ценно, что он в свое время побывал в сибирской ссылке по приказу Павла, но сохранил объективность, России служил верно, пока не был убит во время выполнения деликатных поручений в Германии (разумеется, неким «восторженным студентом-одиночкой»).

Ему вторил прусский посланник Брюль: «Недовольны все, кроме городской черни и крестьян». Декабрист Фонвизин вспоминал: «В это бедственное для русского дворянства время бесправное большинство народа на всем пространстве империи оставалось равнодушным к тому, что происходило в Петербурге — до него не касались жестокие меры, угрожав-

шие дворянству. Простой народ даже любил Павла...»

Словом, указы и реформы Павла были, по выражению знаменитого Сперанского, «возможным началом целой системы улучшений крестьянского быта». Весьма похоже, что именно под влиянием идей Павла Сперанский и разрабатывал свои проекты реформ несколько лет спустя.

Основан университет в Дерпте. Открывается Павловский солдатский сиротский дом на тысячу мальчиков и двести пятьдесят девочек, значительно расширяется сеть солдатских школ. Для женщин — Институт ордена св. Екатерины и учреждения Ведомства императрицы Марии, Открыта Медико-хирургическая академия, учреждается для освоения русских владений в Америке Российско-Американская компания. Учреждается Лесной департамент и принимается Лесной устав. Восстанавливаются ликвидированные Екатериной Главная соляная контора, берг-коллегия (горнорудное дело — А. Б.), мануфактур-коллегия.

Вовсе уж революционным прорывом было утверждение в сентябре 1800 года «Постановления о коммерц-коллегии» — фактически новом министерстве торговли и промышленности. Из двадцати трех членов коллегии тринадцать, по замыслу Павла, купцам предписывалось выбрать из своей среды. Впервые в русской истории купцы и заводчики, политически бесправные даже при миллионных капиталах и отстра-

ненные от руля государственной машины, получали, по сути, места в правительстве. Это — прямое продолжение нововведений Петра III.

Александр I уже на пятый день своего царствования поторопился ликвидировать это отцовское решение: «...оставя в той коллегии членов, от короны определенных, всех прочих, из купечества на срочное время избранных, отпустить в их дома, и впредь подобные выборы прекратить». «Плешивый щеголь» свои действия мотивировал... заботой о самих купцах, которые, оторванные-де от привычной торговли, на выборных постах моментально, мол, придут в полное ничтожество и разорение... И еще много десятилетий спустя самодуры-городничие, списанные Гоголем с натуры, таскали купцов за бороды, вымогали взятки и сажали под арест. «Третье сословие» в России пребывало в самом жалком состоянии — деньги были, но не было возможности влиять на развитие страны. Вплоть до бесславного крушения сгнившей до самой сердцевины русской монархии купцы и промышленники, в противоположность развитым европейским странам, от управления государством были отстранены. Лишь после 1905 года двое-трое видных буржуа получили второстепенные правительственные должности. В то же самое время британские монархи возводили в дворянское достоинство своих торговцев, промышленников и финансистов. Именно в пренебрежении наследников Павла к отечественным Карнеги,

Дюпонам и Вандербильтам и крылся корень зла, а не в мифических масонских происках и «большевистских кознях»...

Как и его отец, Павел издавал указы, переводившие старообрядцев в «твердое легальное состояние», и пытался наладить нормальные отношения между двумя ветвями христианства — православием и католичеством.

Естественно, что после таких реформ кое-кто судил по-своему. Друг Александра I, польский магнат и русский чиновник Адам Чарторыжский вспоминал: «Высшие классы общества, правящие сферы, генералы, офицеры, значительное чиновничество, словом, все то, что в России составляло мыслящую и правящую часть нации, было более-менее уверено, что Император не совсем нормален и подвержен безумным припадкам».

Мнением тех самых тридцати трех миллионов никто не только не интересовался: простому народу, как мы видим, вообще отказывали в праве считаться «мыслящей частью нации»... Кстати, именно потому, что шляхетные предки пана Адама сотни лет пестовали такие убеждения, Польшу и привело к краху ее буйное дворянство. Не зря так называемые польские восстания сплошь и рядом были чисто шляхетскими заварушками, а польское крестьянство от этих бунтишек часто отстранялось, а то и ловило мятежников для выдачи властям...

Дело тут, конечно, не в польском гоноре — русские вельможи точно так же считали толь-

ко свое мнение хоть что-то да весящим. Если они считали, что император безумен — он безумен, и точка...

Потом к этим сомнительным медицинским упражнениям подключился и английский посол в Петербурге лорд Уинтворт, писавший в Лондон: «Император в полном смысле слова не в своем уме...»

Что же дало повод для столь безапелляционного заключения? Да исключительно то, что Павел решил сблизиться с Францией! С точки зрения Уинтворта это, конечно, форменное безумие. С нашей — как раз наоборот.

От тесных отношений с Англией России никогда не было практической пользы. Зато союз с Наполеоном открывал прямо-таки ошеломляющие перспективы. Почему-то принято вспоминать только планировавшийся Павлом удар по Индии и, конечно же, считать его очередной «безумной авантюрой». Между тем разрабатывался этот план совместно с Наполеоном — а Бонапарта можно упрекнуть в чем угодно, только не в увлечении утопиями. Как и генштабистов вермахта, позже разрабатывавших схожий удар.

При том, как тогда «обожали» в Индии белых английских сагибов, появление русских войск за Гиндукушем моментально стало бы тем самым фитилем, что взорвал бы под британской задницей нешуточную пороховую бочку..

Но ведь эти планы не ограничивались отправкой сорока тысяч русских казаков на Ин-

дию! Был разработан проект обширных изменений в Европе, которым занимался опять-таки не «безумный прожектер», а глава Коллегии иностранных дел граф Ростопчин. А участвовать в масштабнейшем переделе Европы должны были не только Россия и Франция.

Вот изложение проекта Ростопчина. Следует заключить союз с Францией, Пруссией и Австрией, установить торговую блокаду Англии, разделить Турцию, забрать у нее Константинополь, Болгарию, Молдавию и Румынию — для России, а Боснию, Сербию и Валахию отдать Австрии, образовать Греческую республику под протекторатом союзных держав, но при расчете перехода греков под российский скипетр. Замечание Павла на полях проекта гласит, что можно, не дожидаясь «перехода» греков под русский скипетр, «и подвести». Пруссия берет себе Ганновер, Мюнстер и Падерборн, Франция — Египет.

Резолюция Павла: «Апробуя ваш план, желаю, чтобы вы приступили к исполнению оно-го. Дай бог, чтобы по сему было».

Это была вовсе не утопия! Павел и его дипломаты исходили из насквозь практических расчетов. Ради Боснии, Сербии и Валахии Австрия охотно поддержала бы Россию в ее приобретениях. Так же поступила бы Франция — ради Египта, и Пруссия — ради Ганновера и других областей, отводившихся ей по плану Ростопчина. Ни утопии, ни романтики, ни филантропии — все участники коалиции точ-

но знают, что получают и что ради этого согласны отдать союзникам. А ведь были еще обширнейшие заморские колонии Англии, подлежащие дележу!

И кое-какие шаги уже были предприняты! Кроме союза с Францией, Павел заключил соглашение со Швецией, к которому примкнули Дания и Пруссия. Таким образом, против английского флота в Балтийском море создавалась коалиция четырех флотов. Вся европейская история — и не только европейская — могла бы стать иной! Нет сомнений, что соединенными усилиями удалось бы разодрать Британскую империю в клочки...

Уже решено было перекрыть английскую торговлю с Китаем, для чего к китайским берегам собиралась отойти от Камчатки русская эскадра, чтобы потом совместно с французским флотом идти к берегам Индии, поддерживать казачий корпус...

Англия успела нанести удар. Сами англичане никогда не страдали даже намеком на романтическое благородство в своей внешней политике. В 1801 году английская эскадра под командованием Нельсона устроила пиратский налет на столицу Дании Копенгаген — внезапно появившись на рейде, английские фрегаты открыли огонь по датским кораблям и городу. Обе страны вовсе не находились в состоянии войны, согласно нормам тогдашнего морского права поступок англичан был стопроцентным пиратством — не с точки зрения эмоций, а с

позиции строгой юриспруденции. Однако британцы хотели утратить датчан и дать им урок. И ни малейшего стыда не испытывали ни потом, ни впоследствии. Сохранилось циничное послание Нельсона датскому командованию: «Лорд Нельсон имеет указание пощадить Данию, если она не будет далее оказывать сопротивление, но если датская сторона будет продолжать вести огонь, лорд Нельсон будет вынужден сжечь все ее плавучие батареи, которые были им захвачены, не имея возможности спасти храбрых датчан, защищавших эти батареи...»

Другими словами, пиратски напавший на Копенгаген Нельсон взял заложников и угрожал их перебить, если защитники столицы не сдадутся... За эту бойню, в которой погибли более двух тысяч человек, главным образом датчан, Нельсон после возвращения домой удостоился салюта из всех орудий Тауэра и титула виконта. Сам он рассчитывал получить еще и орден, но ордена ему все же не дали — как-никак меж Данией и Англией не было официально объявленного состояния войны, и приходилось соблюдать минимум приличий. Но все равно, титул и пушечный салют из всех орудий главной крепости страны в честь пирата — это, думается, дает некоторое представление об английской морали и английском рационализме... Попробуйте представить, что русская эскадра подошла бы даже не к Лондону — к Гуллу, скажем, и бомбардировала его,

чтобы припугнуть англичан. Вопли о «русском варварстве» не стихали бы до сего дня.

Удар по Копенгагену был нешуточной оплеухой антибританской коалиции — но это ведь был не более чем первый удар в рассчитанном надолго поединке, и главные участники еще не вступили в бой...

Но эти грандиозные планы так и остались на бумаге.

Потому что в гвардейском логове вновь проснулся зверь, зажглись недобрым светом глаза, послышалось тихое рычание, обнажились клыки, давненько не ощущавшие человеческой плоти...

Гвардия против!

«Все гвардейские полки набиты были множеством офицеров, но из них и половина не находились в полках, а жили они отчасти в Москве и в других губернских городах...»

Узнали? Конечно, Болотов! Цитируем обширно!

«И вместо несения службы только лытали, вертопрашили, мотали, играли в карты и утопали в роскоши... На такое страшное неустройство смотрел Государь уже давно с досадою, и ему было крайне неприятно, что етим делалась неописанная обида армейским и действительную службу и труды несущим офицерам. Но как, будучи Великим Князем, не в силах он был того переменить, то и молчал до времени, когда состоять то будет в его воле. А по сему не успел вступить на престол, на третий

уж день через письмо к генерал-прокурору (указ от 20-го ноября) приказал обвести везде и всюду, чтоб все уволенные на время в домовые отпуска гвардейские офицеры непременно и в самой скорости явились своим полкам, где намерен был он заставить их нести прямую службу, а не по-прежнему наживать себе чины без всяких трудов. И как повеление сие начало по примеру прочих производиться в самой точности, то нельзя изобразить, как перетревожились тем все сии тунейдцы и какая со всех сторон началась скачка и гоньба в Петербург. Из Москвы их всех вытурили даже в несколько часов и многих выпроваживали из города даже с конвоем, а с прочих брали подписки о скорейшем их выезде, и никому не давали покоя, покуда не исполнится в самой точности повеление Государя...»

Это им уже не Петр! Павел действовал гораздо жестче отца — и его повеления не волочились, а выполнялись моментально и в полном объеме...

Павел взялся за дело всерьез. Офицерам запрещено раскатывать по Петербургу в каретах, ходить в штатском платье и в шубах, дабы «привыкали к военной нужде и беспокойствам».

Болотов: «Словом, во всем произвел он великие перемены и всех гвардейцев не только познакомил с настоящею службою, но и заставил нести и самую строгую и тяжкую и,

позабыв все прежние свои шалости и дури, привыкать к трудолюбию, порядку, добропорядочному поведению, повиновению команде и почтению себя старейшим и к несению прямой службы».

В общем, гвардейцев приходилось силком учить самым элементарным вещам, составляющим суть воинской службы — отчего они, разумеется, пришли в ярость...

Павел возрождал традиции не только отца, но и Фридриха Великого. Известна история, как один из «значительных придворных», некий граф П., письменно просил Фридриха присвоить военный чин его сыну. Ответ Фридриха сохранился: «Графское достоинство не дает никаких прав на службу. Если ваш сын ищет повышений, то пусть изучает свое дело. Если же граф хочет чем-нибудь быть на свете и принести пользу отечеству, то не должен надеяться на свой род и титул, потому что это пустяки, а иметь личные достоинства, которые одни доставляют чины и почести».

Первый заговор против Павла приходится на 1800 год. Руководили им английский посол лорд Уинтворт, вице-канцлер Петр Панин и адмирал Рибас. Павла предполагалось объявить сумасшедшим (как это проделали в Англии с настоящим безумцем Георгом III) и назначить цесаревича Александра на английский манер «принцем-регентом». Об убийстве императора речь вроде бы не велась. Дело зашло настолько далеко, что Панин начал всерьез консуль-

тироваться у иностранных дипломатов — в какие формы облакаются подобные предприятия в их странах. Александр, как считают некоторые историки, «был в деле».

Однако разговор сорвался благодаря случайностям — адмирал Рибас умер, лорда Уинтворта отозвали в Лондон, Панин был принужден уйти в отставку и был отправлен в ссылку. Быть может, последнее оказалось вовсе не случайностью, а ответом Павла... Судя по сему, эти «первые» заговорщики были народом не особенно и серьезным, исключая Уинтворта. Заговор крутился лениво...

Но вскоре за дело взялись совершенно другие люди...

Графиня Загряжская рассказывала Пушкину о разговоре, который при жизни Павла состоялся у нее с Алексеем Орловым: «Орлов был в душе цареубийца, это у него было как бы дурной привычкой. Я встретила с ним в Дрездене, в загородном саду. Он сел подле меня на лавочке. Мы разговорились о Павле I. «Что за урод? Как его терпят?» — «Ах, батюшка, да что же ты прикажешь делать? ведь не задушить же его?» — «А почему ж нет, матушка?» — «Как? И ты согласился бы, чтобы дочь твоя Анна Алексеевна вмешалась в это дело?» — «Не только согласился бы, а был бы тому очень рад!» Вот каков был человек!»

Это тот самый Алехан, что душил в Ропше Петра. В гвардии его еще звали по-французски «ла Балафре» — Рубленный, Меченый. В во-

семьсот первом он был уже стар, но другие екатерининские орлы, возглавившие второй заговор, были гораздо моложе.

Граф Платон Зубов — этому всего тридцать четыре. Последний фаворит Екатерины, осыпанный ею фантастическим дождем из званий, титулов, наград и пожалований, при Павле — инспектор русской артиллерии. Во время раздела Польши именно он распоряжался огромной добычей — землей и крестьянами. Ну, он и распорядился! Как вспоминали современники, Понятовский, племянник последнего польского короля, получил от Платона тридцать тысяч душ «за то, что ежеминутно называл Зубова высочеством и светлостью». Старый генерал Мелиссино, принимая от него орденскую ленту, целовал ему руку. Чтобы получить полное представление о субъекте, следует привести, пусть и обширные, воспоминания Адама Чарторыйского.

«Каждый день, — рассказывает в своих записках князь Чарторыйский, которого родители прислали в Петербург спасти семейное достояние, — у Зубова был *un lever* (утренний туалет короля, по французской придворной терминологии), в точном смысле этого слова. Огромная толпа просителей и придворных всякого ранга стекалась присутствовать при его туалете. Улица была заставлена каретами шестериком и четвериком, совершенно как перед театром. Иногда, после долгого ожидания, толпу предупреждали, что граф сегодня не выйдет,

и все расходились, говоря друг другу «до завтра». В противном случае двери распахивались настежь, и в них бросались, тесня и толкая друг друга, полные генералы, кавалеры различных орденов в звездах и лентах, черкесы — до купцов с длинными бородами включительно. В числе челобитчиков иногда было много поляков, приехавших хлопотать о возвращении их имений или жаловаться на какую-нибудь несправедливость... Самое торжество происходило следующим образом: раскрывались обе половинки дверей, Зубов входил, волоча ноги, в халате, почти не одетый; легким наклоном головы он приветствовал челобитчиков и придворных, в почтительных позах стоявших кругом, и принимался за свой туалет. К нему приближались камердинеры, взбивали ему волосы и пудрили их. Тем временем прибывали новые просители; их также удостаивали легкого движения головы, когда граф замечал кого-нибудь из них; все с напряженным вниманием ловили его взгляд. Мы были из тех, кого всегда встречали милостивой улыбкой. Все оставались на ногах, и никто не осмеливался произнести слова. Это была как бы мимическая сцена: красноречивым молчанием каждый стремился обратить внимание всемогущего фаворита на свое дело. Никто, повторяю, не открывал рта, разве что граф сам обращался к кому-нибудь — при этом никогда по поводу просьбы. Часто он не произносил ни одного слова, и я не помню, чтобы он предлагал сесть

кому бы то ни было, за исключением фельд-маршала Салтыкова, который был первым лицом при дворе и, как говорят, сделал фортуна Зубовых; благодаря его посредничеству граф Платон наследовал Мамонову. Деспотический проконсул Тутолмин, перед которым все трепетало в эту эпоху в Подолии и на Волыни, приглашенный сесть, не осмелился сделать этого как следует: он лишь присел на кончик стула, и то только на один момент».

По отзывам хорошо его знавших, единственным достоинством Платона была великолепная память. Во всем остальном глуп как пробка. Репутацию государственного деятеля заслужил оттого, что после кончины Потемкина собрал все его бумаги с различными проектами и с помощью потемкинского секретаря Попова их тщательнейшим образом изучил, после чего выдал за свои мысли и идеи...

Валерьян Зубов, родной брат Платона. Тридцать лет. В девятнадцать на пару с Платоном ублажал старушку-императрицу, за что в двадцать один стал генерал-майором и графом. Сохранилось его циничное высказывание: «Нам с бабушкой — вдвоем аккуратно восемьдесят». При Павле — директор Второго кадетского корпуса. Личность совершенно бесцветная, при Александре ничем себя не проявил, протирали штаны в Государственном совете и в 1804 году умер.

Ольга Жеребцова, в девичестве Зубова, родная сестра означенных графов. Судя по порт-

ретам и отзывам современников, нешуточная красавица. Любовница лорда Уинтворта, который и из лондонского далека продолжал снабжать заговорщиков деньгами.

Генерал Беннигсен, по характеристике Покровского «типичный военный авантюрист тогдашней бурной эпохи».

Мотор заговора — граф Пален, генерал-губернатор Петербурга.

Все остальные, титулованные, в чинах, при придворных званиях — не более чем статисты, поэтому перечислять их поименно не стоит. Много чести. Типичнейшие янычары Гвардейского Столетия.

Однако... Кое в чем этот заговор весьма даже отличался от всех предшествующих переворотов Гвардейского Столетия. Вполне можно сказать, что это были янычары новой формации.

Главным побудительным мотивом на сей раз была даже не «ловля счастья и чинов», не желание возвыситься, не театрального пошиба роковые страсти, а экономика!

Вот именно. Продукция, производимая в имениях российских помещиков, сбывалась главным образом в Англию. Декабрист Фонвизин: «Разрыв с нею (Англией — А. Б.) наносил неизъясненный вред нашей заграничной торговле. Англия снабжала нас произведениями и мануфактурными, и колониальными за сырыя произведения нашей почвы... Дворянство было обеспечено в верном получении до-

ходов со своих поместьев, отпуская за море хлеб, корабельные леса, мачты, сало, пеньку, лен и пр. Разрыв с Англией, нарушая материальное благополучие дворянства, усиливал в нем ненависть к Павлу.. Мысль извести Павла каким бы то ни было способом сделалась почти всеобщей».

Когда убийцы перед выступлением собрались на ужин с шампанским, Валерьян Зубов прямо указал на «безрассудность разрыва с Англией, благодаря которому нарушаются жизненные интересы страны и ея экономическое благосостояние».

Как видим, наши янычары даже научились произносить слово «экономика» без запинки! Это вам не гвардия образца 1725 года... Но это ничего не меняет. Мотивы стали сложнее, но не приобрели от этого ни капли благородства. Потому что цели — насквозь шкурные. Нарушаются жизненные интересы и экономическое благосостояние не страны, а части помещиков. Разница существенная.

Пользуясь современными терминами, эти типы были не более чем компрадорами, сделавшими страну сырьевым придатком Англии. Но слова произносились самые благородные и возвышенные — так уж испокон веков заведено при любых мятежах и переворотах, неизбежно в России. Повсюду. Как-то неприглядно выглядит заговорщик, признающий что им движет забота о собственном кармане, — побуждения нужны благородные...

Итак, они наливаются шампанским. Лейб-гвардии Измайловского полка полковник Биби-ков, разгорячившись, начинает говорить, что устранение Павла — полумера, что следовало бы отделаться сразу от всей царской фамилии...

Но это — перебор. К такому никто не готов, и оригинальную идею Бибикова спускают на тормозах...

Потом они выходят в ночь. Идут небольшой колонной. С деревьев близ Михайловского замка взлетает с криком огромная стая вспугнутых ворон. Многих это наполнило суеверным страхом, но Пален, человек энергичный, ободряет свое струхнувшее воинство...

Адъютант Павла Аргамаков вводит их в замок. Павел захвачен врасплох — он сам парой дней ранее велел зачем-то заколотить дверь, через которую мог бы ускользнуть от убийц. Однако в спальню с остальными Пален не идет... Многие историки полагают, что он предусмотрел все варианты — и готовился в случае неудачи выступить спасителем императора, арестовав и заговорщиков, и посвященных в задуманное великих князей Александра и Константина. Подчиненные ему войска уже стоят поблизости.

Очень быстро начинается свалка — Павла бьют в висок массивной золотой табакеркой, душат шарфом. Самый страшный момент той ночи — император принимает какого-то офицера за Константина и кричит: «Пощадите, ваше высочество!»

Кое-что он, очевидно, знал... Но ничего предпринять не успел. В Петербург был вызван верный ему Аракчеев, однако его по приказу Палена задержали на заставе...

Павла погубил случай. Дверь заколочена. В нижнем этаже, услышав суматоху, заволновались солдаты поручика Марина — это рядовые преображенцы, верные Павлу. Они готовы кинуться на помощь, но Марину удастся их остановить. А мог и не удержать...

Чарторыйский прямо пишет, что весь успех заговора «заключался в быстром его выполнении». Что достаточно было самому Павлу — или кому-то от его имени — прорваться к солдатам, которых там было множество, как император был бы спасен...

Но император мертв — и офицеры, осмелев, шатаются по дворцу, иные проникают в винные погреба по всегдашнему русскому обычаю, прямо в Михайловском замке идет гульба.

Когда-то сам Павел рассказывал, что видел призрак Петра Великого, и тот обронил: «Павел, бедный Павел...»

Все кончено. Эскадра Нельсона, шедшая повторить в Кронштадте то, что проделала в Копенгагене, поворачивает назад. В Преображенском полку, выстроенном перед замком, — тревожный ропот. Генерал Талызин кричит: «Да здравствует император Александр!» — но солдаты молчат. Кричат Зубовы — снова гробовое молчание. Конногвардейцы присягнули новому императору не раньше, чем их делега-

тов отвели в замок и показали мертвого Павла — разумеется, уже должным образом подгримированного, внезапно скончавшегося от «прежесточкой колики».

Наутро в городе — ликование, конечно же, дворянское. Фрейлина Головина видела пьяного гусарского офицера, скакавшего верхом по набережной с воплем:

— Теперь можно делать все, что угодно!

А некий унтер на вопрос дворянина Дмитриева, кому он сего дня присягает, ответил:

— Александру какому-то... Македонскому, что ли!

Это было...

Генерал Ермолов, два года при Павле просидевший в тюрьме, по воспоминаниям знаменитого Фигнера, «не позволял себе никакой горечи в выражениях... говорил, что у покойного императора были великие черты, и исторический его характер еще не определен у нас». Наполеон называл Павла Дон-Кихотом — без тени насмешки. Другие — «северным Гамлетом». И «последним рыцарем». В этом и ключ. Павел, помимо всего прочего, определенно пытался создать некую идеологию, которая могла бы заменить явственно гниющую идею абсолютизма. И в этой идеологии были рыцарские черты — в лучшем смысле этого понятия.

Однако в России Дон-Кихоты уничтожаются быстрее, чем в Испании. Неизбежность дворянского нападения на Михайловский за-

мок лучше всего выразили два человека, находившиеся, если можно так выразиться, на противоположных полюсах мысли и действия: декабрист Поджио и начальник тайной полиции при Александре I де Санглен. Поджио: «Павел первый обратил внимание на несчастный быт крестьян и определением трехдневного труда в неделю оградил раба от своевольного произвола; но он первый заставил вельмож и вельможниц при встрече с ним выходить из карет и посреди грязи ему преклоняться на коленях, и Павлу не быть!» Де Санглен: «Павел хотел сильнее укрепить самодержавие, но поступками своими подкапывал под оное. Отправляя, в первом гневе, в одной и той же кибитке генерала, купца, унтер-офицера и фельдъегеря, научил нас и народ слишком рано, что различие сословий ничтожно. Это был чистый подкоп, ибо без этого различия самодержавие удержаться не может. Он нам дан был или слишком рано, или слишком поздно. Если бы он наследовал престол после Ивана Васильевича Грозного, мы благословляли бы его царствование...»

В том-то и парадокс, что едва намеченная Павлом «рыцарская идеология» при дальнейшем ее развитии ударила бы по российскому самодержавию не в пример сильнее, чем все прежние попытки. Павла следует оценивать еще и по тем последствиям, что могли повлечь за собой его решения, проводившиеся бы в жизнь достаточно долго.

Не зря один из современников-консерваторов назвал реформы Павла «карбонарским равенством», которое-де «противоречит природе вещей».

Николай Бердяев писал в работе «Истоки и смысл русского коммунизма»: «...таинственная страна противоречий, Россия таила в себе пророческий дух и предчувствие новой жизни и новых откровений... святая Русь всегда имела обратной своей стороной Русь звериную. Россия как бы всегда хотела лишь ангельского и звериного и недостаточно раскрывала в себе человеческое. Ангельская святость и зверская низость — вот вечные колебания русского народа... для русских характерно какое-то бессилие, какая-то бездарность во всем относительном и среднем...»

В этом много правды. Безусловно, никоим образом не стоит относить к ангелам ни Лжедмитрия I, ни Петра III, ни тем более Павла I. Они были детьми своего времени с массой недостатков, ошибок и промахов. И все же эти три убитых самодержца как раз и были теми, кто нес России «новую жизнь и новые откровения». Они, все трое, каждый в свое время, предлагали России иной путь, уводивший из тупика и застоя. И всех троих с какой-то жутко-мистической регулярностью сожрала «Русь звериная»...

Только после 1905 года можно стало упоминать печатно, что Петр и Павел погибли не своей смертью!

«Настольный словарь для справок по всем отраслям знания» издания Ф. Толля, 1864 год, о Петре III: «Против него составился заговор; П. отказался от престола 28 июня 1762 г., уступил престол супруге и скоропостижно умер в Ропше, в присутствии А. Г. Орлова, Ф. С. Бярятинского и Г. А. Теплова». О Павле: «Внезапная кончина, постигшая его в Михайловском замке, в ночь на 11-е марта, положила конец всем колебаниям».

Энциклопедический словарь М. М. Филиппова, 1901 год, о Петре: «Был удален в Ропшу, где и погиб 7-го июня». О Павле: «Погиб вследствие заговора, составленного Паленом, Зубовым и др., в ночь с 11 на 12 марта».

Энциклопедический словарь Павленкова, вышедший в 1913 году, но представлявший собой переиздание прежних лет. О Петре: «Подписал отречение от престола и был отправлен в замок Ропшу, где скоропостижно скончался». О Павле: «В ночь на 11 марта 1801 г. П. неожиданно постигла кончина в крепком замке св. Архангела Михаила (ныне Михайловский замок)».

После 1905 года два видных психиатра попытались решить, наконец, вопрос о душевной болезни Павла либо ее отсутствии. П. И. Ковалевский выпустил выдержавшую восемь изданий книгу, где сделал вывод, что Павел принадлежал к «дегенератам второй степени с наклонностями к переходу в душевную болезнь в форме бреда преследования». Профессор же

В. Ф. Чиж написал, что «Павла нельзя считать маньяком», что он «не страдал душевной болезнью» и был «психически здоровым человеком». Доверия к работе Чижа у меня больше не оттого, что его точка зрения схожа с моей, а потому, что Чиж пользовался обширными архивными материалами о жизни и деятельности Павла, зато Ковалевский в основном ссылался на сплетни и анекдоты вроде истории о некоем полку, прямо с парада посланном пешком в Сибирь...

Увы, и в наши дни случается похожее... Лет пятнадцать назад один из виднейших чешских неврологов, профессор Иван Лесны выпустил книгу, название которой я бы лично перевел как «О немощах могучих». Книга интереснейшая, посвящена возможным душевным болезням многих известных монархов. Вот только в русском переводе из нее почему-то исчезла одна-единственная глава — о Павле.

Я не поленился отыскать чешское издание. Профессор бестрепетной рукой ставит диагноз «мегаломания», «явственные признаки невроза навязчивости» и даже «параноидальные черты характера». Однако, едва речь заходит о примерах и доказательствах, Лесны сплошь основывается на тех же старых анекдотах, вымыслах и сплетнях! С документами той эпохи он не знаком вообще, а из мемуаров отбирал только те, что работали на его версию. Кроме того, явным признаком душевной болезни Павла Лесны считает... «постоянный страх

Павла, что его постигнет судьба отца». Позвольте, но ведь так и произошло!

Естественно, Лесны считает, что Чиж был «чересчур благосклонен к Павлу». Сам он — безоговорочный сторонник Ковалевского. Бог ему судья. Хорошо, по крайней мере, и то, что Лесны не упустил случая описать склонности Павла, которые вряд ли служат признаком душевной болезни. «Император испытывал огромную склонность к чести с большой буквы «Ч» — как некогда древние рыцари». Что же тут от болезни? А впрочем, чехам, вечным капитулянтам и вечно чьим-то холопам, с готовностью поднимавшим лапки то перед вермахтом, то перед советскими танками, понятия чести, такое впечатление, не особенно и знакомо...

Сам же Лесны приводит прекрасный пример: в свое время Павел под честное слово освободил из тюрьмы предводителя польских повстанцев Костюшко и нескольких его сподвижников и разрешил им уехать за границу — при условии, что они дадут честное слово никогда более не поднимать оружия против России.

Белорусский шляхтич Костюшко и его друзья слово сдержали — вряд ли они считали Павла сумасшедшим, обещания, данные сумасшедшему, никто не исполняет. Они были в одном пространстве чести, вот и все...

ПУГАЛО ОГОРОДНОЕ

Александр прекрасно знал о готовящемся мятеже. Дело даже не во мнении историков, например Покровского, о том, что распоряжения, отданные им Конногвардейскому полку накануне переворота, могли быть сделаны лишь посвященным. Вожаки мятежа не стеснялись закладывать цесаревича.

Пален подробно рассказывает в своих записках, как обрабатывал великого князя. Муравьев-Апостол вспоминал: «В 1820 году Аргамаков в Москве, в Английском клубе, рассказывал, не стесняясь многочисленным обществом, что он сначала отказался от предложения вступить в заговор против Павла, но Великий Князь Александр Павлович, наследник престола, встретив его в коридоре Михайловского замка, упрекал его за это и просил не за себя, а за Россию вступить в заговор, на что он и вынужден был согласиться».

С императором-подельником, как видим, не церемонились — говорить открыто, в Английском клубе, средоточии знати, зная, что какая-нибудь добрая душа моментально передаст это императору... Аргамаков прекрасно понимал,

что император не рискнет даже нахмуриться... Он ведь повязан кровью!

О, разумеется, Александр, обсуждая с заговорщиками детали, проникновенно вещал, что ни один волос-де не должен упасть с головы отца... Лицемерил, стервец! Он был лицемером высочайшего пошиба — об этом столько свидетельств...

Не все это, правда, просекали. Державин вспоминал: «Трое ходили тогда (сразу после убийства Павла — А. Б.) с конституциями в кармане — речистый Державин, князь Платон Зубов с своим изобретением и граф Н. П. Панин с конституцией английскою, переделанною на русские нравы и обычаи. Новосильцеву стоило тогда большого труда наблюдать за царем, чтобы не подписать которого-либо из проектов; который же из проектов был глупее, трудно описать; все три были равно бестолковы».

Наивные Державин и Новосильцев! За Александром вовсе не было нужды «наблюдать» — он и не собирался вводить конституций по чьему бы то ни было проекту... Это в молодости он в переписке со своим швейцарским учителем Лагарпом яростно высказывался в защиту республиканского правления и крайне отрицательно отзывался о монархическом строе. Это в молодости он, посетив Англию, очаровал англичан обещанием непременно «учредить у себя оппозицию». Вступив на окровавленный трон, он все эти «грешки молодости» забросил в дальний угол...

Лицемером он был со всеми — сначала преспокойно кинул главарей мятежа, рассчитывавших на награды, почести и возвышение (иначе зачем было огород городить?) Пален и Беннигсен очень быстро оказались в отставке и были удалены от двора. Когда они поняли, кто кого цинично использовал и выкинул, было уже поздно... Потом какое-то время поддакивал своему «кружку молодых друзей» (тот же Чарторыйский, Новосильцев и прочие), поддерживая у них убеждение, будто вот-вот они с императором во главе развернут обширнейшие, просвещенные реформы. Дело кончилось пшиком. Никаких мало-мальски значительных реформ не последовало. «Молодые друзья», отодвинутые от рычагов власти, уныло сплетничали по углам... Поручив Сперанскому начать реформы, Александр очень быстро навесил на него букет обвинений, напоминающий процессы XX века (враг народа, французский шпиён...), и отправил в ссылку.

Все царствование Александра — удивительно бесцветное, пустомельное, какое-то нескладное. Оно полностью укладывается, как в футляр, в презрительные строки Пушкина:

Властитель слабый и лукавый,
плешивый шеголь, враг труда,
нечаянно пригретый славой,
над нами царствовал тогда...

Тут уж — ни убавить, ни прибавить. Царствование было нелепое и неказистое, как ого-

родное соломенное чучелко, на которое натянули раззолоченный придворный мундир...

То ли конституции ему хотелось, то ли севрюжинки с хреном. Порой его бросало в мистику — и тогда возле императора возникала знаменитая баронесса Крюденер со свитой своих юродивых, тогда выходил журнал «Столп Сиона». Этот печатный орган (не имевший никакого отношения ни к палестинской горе Сион, ни к сионизму, ни вообще к евреям) обрел сомнительную славу первого в нашей стране оккультного, эзотерического издания эмбриона ныне бушующего мутного потока...

При нем случилась Отечественная война — и он, как лицо номер один в государстве, автоматически приобрел лавры победителя Наполеона, зачем-то ввязавшись в поход до Парижа, от чего его предостерегали со всех сторон умные военные и политики. Тогда-то он и стал «нечаянно пригретым славой»... А попутно слицемерил перед крестьянами: крестьянство все-таки ждало после войны освобождения от крепостной неволи, но «плешивый шеголь» отделался знаменитой строчкой в манифесте: «Крестьяне, верный наш народ, да получают мзду свою от Бога».

И он, и Константин всю жизнь пребывали в непрерывном страхе, ставшем прямо-таки частью природы. Общеизвестно замечание Александра на доклад об обнаружившихся в армии тайных обществах: «Не мне их судить». Он и в самом деле был не вправе, потому что над

ним тяготел один из самых тяжких на земле грехов: грех цареубийства.

В 1804 году его страшно унижил Наполеон — в знаменитом некогда деле герцога Энгийенского. Англия тогда готовила заговор с целью свержения и убийства Бонапарта. Наполеоновская тайная полиция заподозрила, что заговор этот составлен в пользу юного члена французского королевского дома герцога Энгийенского (как было установлено позже — совершенно безосновательно). Герцог, сын герцога Бурбонского и внук принца Конде, мирно обитал у самой границы с Францией во владениях курфюрста Баденского...

Наполеон никогда не делал культа из международного права. По его приказу отряд конных жандармов на полном галопе влетел на суверенную баденскую территорию, герцога Энгийенского захватили и привезли в Париж, где, не утруждаясь даже пародией на заседание суда, поставили к стенке и расстреляли.

Вся коронованная общественность Европы возмутилась несказанно. Повсюду монархи вызывали французских послов и высказывали самое резкое осуждение. Вслед за прочими и Александр сунулся.

Французский посол (кажется, Лористон, хотя точно я не уверен), не моргнув глазом, ровным тоном светского человека поинтересовался у императора:

— Если бы в ту пору, когда Англия готовила убийство императора Павла, в Петербурге зна-

ли, что организаторы покушения располагаются вблизи границы, разве не постарались бы их захватить?

Это была даже не пощечина — смачный плевок в лицо!

Александр утерся — что ему оставалось делать?

Всю свою незадачливую жизнь он прожил под гнетом страха. Некоторые историки всерьез полагают, что в Таганрог — провинциальную дыру, жуткое захолустье — его загнал как раз страх перед готовившимся переворотом. Вроде бы даже есть доказательства и серьезные основания так думать. Но мне это, честно признаться, неинтересно, как неинтересен и сам Александр, виртуоз лицемерия и притворства, а в общем и целом — личность убогонькая.

Константин, мрачно окаянствовавший одно время в Петербурге под крылышком венценосного брата, по крайней мере, ярче. Боже упаси, ничуть не благороднее и чище — но определенно ярче. В его мерзостях было что-то от исполненной грязных, но бурных и пышных страстей эпохи Возрождения. Полное впечатление, что Константину достался не тот век.

Взять хотя бы историю с очаровательной француженкой, женой ювелира Араужо. Константин ее добивался, она отказала. Ее похитили на улице и привезли в Мраморный дворец Константина, где в его присутствии красавицу взяли насиловать скопом пьяные гвардейцы. Переусердствовали. Умерла.

Когда возле резиденции императрицы Елизаветы Алексеевны, супруги Александра, нашли зарезанного гвардейского подполковника, любовника Елизаветы, современники уверенно указывали на Константина, как убийцу.

Эти выходки принадлежат даже не XVIII столетию — это, скорее, стиль Возрождения с его незатейливыми, ни от кого особенно не скрывавшимися зверствами...

Константин тоже всю жизнь был гнетен страхом. Не зря же он отказался после кончины Александра стать императором. Слишком многие его варшавские приближенные вспоминали, как цесаревич говорил открыто:

— Задушат, сволочи, как отца задушили!

Он был незадачлив как наместник Польши — и умер от холеры в расцвете лет. Жизнь не удалась. Плохо быть отцеубийцей...

Но сквернее всех, господа мои, пришлось Палену! Княгиня Д. Х. Ливен, современница, оставила поразительные воспоминания: «Пален... закончил существование в одиночестве и в полном забвении... Он совершенно не выносил одиночества в своих комнатах, а в годовщину 11 марта регулярно напивался к 10 часам вечера мертвецки пьяным, чтобы опаматоваться не раньше следующего дня».

Пален прожил так четверть века! Это неспроста. Это не угрызения совести, не мнительность, не нервы. Ручаться можно, что к нему однажды бесшумной тенью пришел гость — и после этого Пален двадцать пять лет

не знал покоя, не мог оставаться один, не мог в полном сознании встречать ночь с одиннадцатого на двенадцатое...

Заговоры достали по закону возмездия и «плешивого щеголя»!

Сначала мне попало в одной из исторических книг упоминание о любопытном донесении от сентября 1807 года шведского посла в России графа Б. Стединга: «Недовольство императором усиливается, и разговоры, которые слышатся повсюду, ужасны... Слишком достоверно, что в частных и даже публичных собраниях часто говорят о перемене царствования... Говорят о том, что вся мужская линия царствующего дома должна быть отстранена... Военные настроены не лучше, чем другие подданные императора...»

Поскольку главная тема этой книги — заговоры Гвардейского Столетия, я встрепенулся, как охотничья собака. И очень быстро раскопал подробности...

Был заговор в этом году, был! Министр полиции Наполеона, знаменитый корсиканец Савари, оказался толковее шведа, а его петербургские агенты — пронырливее. Уже в ноябре того же года он сообщил Наполеону подробности: заговор затевала «английская партия», а заводилами были те самые «молодые друзья» императора Новосильцев, Кочубей и Строганов, сообразившие, наконец, что не быть им великими реформаторами...

Дело, конечно, было не только в эмоциях и обманутых надеждах. Как и шесть лет назад,

Россия, чьи войска разбил Наполеон, вынуждена была присоединиться к «континентальной блокаде» Англии. Чтобы узнать о настроениях дворянства и позиции Англии, следует вернуться на несколько страниц назад...

Но Александр тогда отбился. Был приближен Аракчеев. Подробности неизвестны, но вряд ли случайно Аракчеев, человек решительный (хотя опять-таки излишне вымазанный черной краской, демонизированный молвой) становится практически правой рукой императора. 14-го декабря (какова дата?!) 1807 года Александр предписывает «объявляемые генералом от артиллерии графом Аракчеевым высочайшие повеления считать именными нашими указами». Дальнейшее домыслить нетрудно: военных в заговоре, надо полагать, было мало, и они вряд ли занимали высокие посты. А Новосильцев с прочими были не более чем штатскими прожектерами невеликой храбрости. У Аракчеева особенно не забалуешь. Струхнули...

Тогда Александр отбился... Но в последние годы его царствования зародился гораздо более известный заговор, требующий отдельного и подробного рассмотрения...

Думаю, все давно догадались, о чем я...

КОНСТИТУЦИЯ И КАРТЕЧЬ

Люди на площади

Декабристов в советское время любили пылко и беззаветно — согласно объявленной после октября семнадцатого твердой идеологической линии на прославление и возвеличивание. Узок, конечно, был круг этих революционеров, и страшно далеки они от народа, как заметил глубокомысленно Ленин. Однако, как в христианстве почитается Иоанн Предтеча, так и в марксистско-ленинском евангелии (прошу прощения за столь кощунственное сравнение) полагалось уважать и почитать предтеч — от тупого вора-разбойничка Стеньки Разина до декабристов и народников. Им, конечно, вдоволь попеняли за дворянско-буржуазно-либеральную ограниченность и прочие недочеты, но все же признавали божками из пантеона. Улицы — и просто Декабристов, и конкретно главных персонажей — памятники и барельефы, огромная литература, выдержанная в жанре «житий святых». Фильмы, наконец... Всем, думаю, помнится мотылевская «Звезда пленительного счастья».

Дело не в социальном заказе. Очень многие творцы были совершенно искренни в прослав-

лении «людей 14-го декабря». Тем более что началось это отнюдь не при Советской власти. Энциклопедический словарь под редакцией доктора философии М. М. Филиппова, бесплатное приложение к журналу «Природа и люди», изданный в 1901 году, повествует о декабристах хотя и обширно (почти половина страницы убористого текста), зато сохраняет совершеннейшую беспристрастность. Декабристы там названы «участниками революции 14 дек. 1825 года». А все остальное — чисто информационный материал.

Зато в другом Энциклопедическом словаре, Ф. Ф. Павленкова, известного издателя, либерала и «просветителя народного», два раза попадавшего в административную ссылку за разные вольности, взята совершенно другая тональность: «...к д. принадлежали в большинстве случаев выдающиеся представители из военной аристократической молодежи. Одна из главных мыслей, одушевлявших их всех, несмотря на различие оттенков, была мысль о введении конституции в России, отмене крепостного права, введении свободн. Учреждений».

В этом весь Павленков, классический русский интеллигент в худшем смысле этого слова (а впрочем, лучшего смысла слово это, по моему глубочайшему убеждению, и не имеет). «Выдающиеся представители» — как резцом по камню высечено.

Да и стихотворение Марины Цветаевой написано до революции.

Вы, чьи широкие шинели
напоминали паруса,
чьи шпоры весело звенели
и голоса.
И чьи глаза, как бриллианты,
на сердце оставляли след...

Оно называется вообще-то «Генералам двенадцатого года», но, не будем лукавить, посвящено декабристам. Все оно целиком — лишь красивый футляр для одной-единственной заключительной строчки:

И ваши кудри, ваши бачки засыпал снег...

Это могло быть написано только о декабристах. Подразумевается исключительно снег на Сенатской площади, и никакой другой. Никакого другого снега в жизни «генералов двенадцатого года» попросту не могло и быть.

Проблема, как мы видим, сложнее и шире. Что бы там ни предписывали спецслужбы по идеологии, декабристов очень многие любили искренне. Потому что они, во-первых, были ужасно романтичны, а во-вторых, «хотели только хорошего», как в свое время сформулировала в беседе с автором этих строк одна умная, очаровательная особа, форменным образом фанатеющая от декабристов, как девочки попросту фанатеют от эстрадных кумиров.

Сама того не ведая, она сформулировала один из основополагающих законов российского интеллигентского сознания. Пожалуй, только в нашей многострадальной державе можно обрести любовь и поклонение народ-

ное, не сделав ровным счетом ничего. Достаточно, чтобы у кумира были намерения сделать что-то хорошее. В дальнейшем можно ничего и не делать — все равно неудачи и бездействие будут списаны на происки врагов. Человек хотел сделать много хорошего, он хотел, понимаете? Не его вина, что враги и обстоятельства не позволили ему даже перевести старушку через улицу. Главное, он хотел...

А ведь это, пожалуй, порочнейшая практика. Одни намерения, простите, не в счет. Нужны реальные дела. И, кроме того, следует еще хорошенько изучить: а чем кончилось бы превращение в жизнь этих насквозь благих намерений?

Когда восемь лет назад я в «России, которой не было», лишь коснулся этой темы, фактов и информации у меня было значительно меньше. За эти годы положение изменилось. Во-первых, вышла прекрасная книга В. В. Крутова и Л. В. Швецово-Крутовой «Белые пятна красного цвета», во-вторых, у меня самого накопилось немало материалов — от мемуаров декабристов до уникальных изданий начала двадцатых годов прошлого века. Так что теперь можно подступать к этой шайке, именуемой декабристами, обстоятельно и вдумчиво, рассматривая их жизнь и деятельность крайне подробно.

Вообще-то нельзя сказать, что касаясь декабристов нам все эти долгие годы советского периода старательно ввали. Все обстояло чу-

точку иначе: нам предъявляли лишь частичку правды.

А полная правда слишком многое меняет и на многое заставляет смотреть уже иначе...

«Жертвы мысли безрассудной» — это Тютчев.

«Полагал выступление декабристов своего рода провокацией, отбросившей Россию почти на полвека назад, прервавшей европеизацию страны и ужесточившей правление Николая I» — это Чаадаев.

«Ничтожное, богомерзкое и, так сказать, французско-кучерское воспитание получившие и себе собственно вредные шалуны, поколебать исполинских сил не имеют, тварь сия жалка, нежели опасна» — это Скобелев, современник событий, прославленный генерал, отличившийся во множестве сражений.

А вот это уже Пушкин:

Сначала эти заговоры
между лафитом и Клико
лишь были дружеские споры,
и не входила глубоко
в сердца мятежная наука,
все это было только скука,
безделье молодых умов,
забавы взрослых шалунов...

И он же, уже прозою: «Последние происшествия обнаружили много печальных истин. Недостаток просвещения и нравственности вовлек многих молодых людей в преступные заблуждения. Политические изменения, вы-

нужденные у других народов силою обстоятельств и долговременным приготовлением, вдруг сделались у нас предметом замыслов и злонамеренных усилий. Лет 15 тому назад молодые люди занимались только военною службою, старались отличать одну светскою образованностью или шалостями; литература (в то время столь свободная) не имела никакого направления; воспитание ни в чем не отклонялось от первоначальных начертаний. 10 лет спустя мы увидели либеральные идеи необходимой вывеской хорошего воспитания, разговор исключительно политический; литературу (подавленную самой своенравною цензурою), превратившуюся в политические пасквили на правительство, и возмутительные песни; наконец, и тайные общества, заговоры, замыслы более-менее кровавые и безумные... воспитание, или, лучше сказать, отсутствие воспитания, есть корень всякого зла. Не просвещению, сказано в Высочайшем манифесте от 13-го июля 1826 года, но праздности ума, более вредной, чем праздность телесных сил, недостатку твердых познаний должно приписать сие своеволие мыслей, источник буйных страстей, сию пагубную роскошь полупознаний, сей порыв в мечтательные крайности, коих начало есть порча нравов, а конец — гибель...»

При известии о казни пятерых главарей мятежа у Пушкина вырвалось невольное: «И я бы мог с ними, как шут...»

«Сто прапорщиков хотят переменить весь государственный быт России» — не без презрения бросил Грибоедов. Его вовлекали, поскольку он был известен, уважаем, авторитетен. В июне 1825 года в Киев, где Грибоедов тогда остановился, съехались паханы — Бестужев-Рюмин, Трубецкой, Артамон Муравьев, Сергей и Матвей Муравьевы-Апостолы. Уговаривали десять дней. Достоверно известно: в конце концов, Грибоедов хлопнул дверью и уехал не простившись...

По-моему, этого достаточно. Хотя без труда можно подобрать еще множество подобных отзывов о декабристах, принадлежащих в том числе и людям, которых смело можно называть славой России. Но не станем полагаться на суждения. Подробно изучим их самих. Кто они были, господа декабристы, как жили, чем дышали, чего хотели и какими путями этого добивались?

Цари на каждом бранном поле...

Давным-давно, неизвестно, с чьей легкой руки, утвердился расхожий штамп, ничего общего не имеющий с реальностью: будто все или, по крайней мере, большинство декабристов — «герои двенадцатого года».

Увы, это еще одна красивая, но лживая легенда. В книге В. Кустова приводится бесстрастная статистическая таблица. Так вот, из ста

шестнадцать осужденных по делу декабристов — только двадцать восемь участвовали в войне 12-го года. Четвертая часть. Остальные — и отроду не нюхавшие порошу офицерики, и штатские юродивые вроде Кюхельбекера, и, наконец, вовсе уж опереточные персонажи вроде небезызвестного Горского, о котором будет подробно рассказано далее...

Легенду о «витязях 12-го года» поддерживали и поразительно убогие по своему историческому невежеству творения вроде фильма Э. Рязанова «О бедном гусаре замолвите слово». Как умилительно там поет романс на цветаевские стихи юное создание в кружевах...

А ведь по своему соответствию исторической правде фильм поистине ублюдочен. Выбраны совершенно нереальные, фантазмагорические ситуации, каких просто не могло возникнуть в николаевской России — чего стоит сцена, где офицеров (!) штатский чиновник, пусть и с серьезными предписаниями, заставляет без суда и следствия расстреливать мужика. А «заграничная машинка для вырывания ногтей»? А вызывающий у знатоков гомерический хохот набор орденов на груди гусарского полковника, коего играет Валентин Гафт?

Напомню, у него — Георгиевский крест на шее и непонятная орденская звезда. Хорошо, предположим, Георгий у него — третьей степени, при котором звезда не полагается. И эта звезда, больше похожая на тарелку, — определенно не русская. Согласно тогдашним стро-

гим правилам к звезде должен прилагаться крест. Но его нет. Как нет на груди у персонажа Гафта того набора наград, который просто-таки обязан был иметь старый вояка, кавалерист, дослужившийся до командира полка...

Очаровательные франты минувших лет

Кто они были, какими они были? Извольте...

Вот Сергей Муравьев-Апостол, автор первой российской конституции. Детство провел в Гамбурге, затем воспитывался в Париже. На русском языке впервые в жизни заговорил на тринадцатом году жизни.

Александр Одоевский, виршеплет и убийца: «Когда с ним пытались перестукиваться через тюремные стены, он не мог понять и ответить по одной простой причине: не знал русского алфавита» (Эйдельман).

На русском говорили плохо, русского алфавита не знали, но хотели решительным образом перевернуть жизнь огромного государства, миллионов людей...

Жизнь, о насущных нуждах которой они и представления не имели. Согласно конституции Муравьева, крестьянам предполагалось дать на каждый двор по две десятины земли — во-первых, это гораздо меньше того, что предлагал в своем проекте Аракчеев (ага, тот самый!), во-вторых, этого мало для того, чтобы хоть как-то прокормиться...

«Конституция, написанная Никитою Муравьевым, как он сам сознавался впоследствии, не имела практического смысла, вследствие незнакомства с бытом русского народа и незнания существовавших законов... Н. Муравьев точно так же не знал быта русского народа, как большая часть его товарищей. Николай Тургенев объявил в первом издании «Опыта о налогах», что деньги, вырученные от продажи книги, назначаются для выкупа крепостных крестьян, посаженных в тюрьму за долги, между тем как крестьяне не могли сидеть в тюрьме за долги, по закону им можно было дать займы не более 5 рублей». Это не какой-нибудь реакционер из III отделения клеветает на «выдающихся представителей» — это отрывок из мемуаров декабриста А. Муравьева, родного брата вышеописанного Никиты...

Да и мотивы иных славных революционеров, мягко говоря, не блещут благородством...

Вот Якушкин, вызвавшийся в 1817 году на одном из секретных совещаний убить Александра I. «Будучи томим несчастной любовью и готов на самоубийство, вызвался на совещании в Москве покунуться на жизнь Императора». Печальник народный...

Вот Якубович, тоже порывавшийся убить Александра I. Причина опять-таки чисто бытовая и далека от светлых идеалов: Якубовича император считал человеком, спровоцировав-

шим знаменитую «дуэль Завадовского» — и, исключив из гвардии, отправил в драгунский полк на Кавказ. Якубович несколько лет таскал в кармане этот полуистлевший приказ, нарочно не залечивал рану на лбу, чтобы подольше не заживала — и обещал каждому встречному-поперечному, что проткнет императора «цареубийственным кинжалом». Когда Александр умер, поводов для вендетты вроде бы не стало, но Якубович, видимо, набрал такой разгон, что остановиться уже не мог. И заявился на Сенатскую — о его тамошних «подвигах» чуть позже...

Вот Анненков, блестящий кавалергард, прототип главного героя романа Дюма «Учитель фехтования» и возлюбленный французской красотки Полины Гебль. На одном из балов «из озорства» начал «настойчиво и некрасиво» ухаживать за женой своего товарища Ланского — так, что оскорбленный муж вызвал шалопая на дуэль. Она состоялась здесь же в парке. Первому выпало стрелять Ланскому, но он послал пулю в воздух — и честь соблюдена, и обидчик великодушно прощен. Анненков в ответ... долго целится, потом убивает товарища наповал. Наказание — три месяца крепости. Корнет Анненков был любимцем императора Александра...

И, наконец, Петр Каховский, убийца Милорадовича. Отдельная песня...

В 1816 году разжалован из юнкеров в рядовые и сослан на Кавказ в действующую

армию. По советским объяснениям — за вольнодумство. На самом деле — «за шум и разные неблагопристойности в доме коллежской ассессорши Вангерстейм, за неплатеж денег в кондитерскую лавку и леность к службе».

«Смоленский помещик, проигравшись и разорившись в пух и прах, он приехал в Петербург в надежде жениться на богатой невесте; дело это ему не удалось. Сойдясь случайно с Рылеевым, он предался ему и Обществу безусловно. Рылеев и другие товарищи содержали его в Петербурге на свой счет». Это о сподвижнике вспоминает декабрист Якушкин.

Рылеев, между прочим, кормил-поил приживальщика не зря. По документам Следственной комиссии, в день последнего перед мятежом собрания Рылеев уговаривал Каховского еще до присяги проникнуть во дворец и убить императора Николая — поскольку Каховский «сир», ни родных, ни близких у него почти что нет, а значит и плакать по нему особенно некому. Каховский пообещал, но струсил...

Да, вот еще что. Вступление Наполеона в Москву застало Каховского одним из воспитанников тамошнего пансиона. Пятнадцатилетний «шляхтич» быстро свел знакомство с французскими солдатами и вместе с ними мародерствовал по опустевшим домам...

Хорошенькая компания, право...

«Мечтательные крайности»

Так чего же они хотели для России?

Каждый — своего. Кому что в голову взбредет.

Трубецкой, представитель «умеренных», стоял за ограниченную конституцией монархию и освобождение крестьян на волю с небольшим наделом. Пестель был вроде бы радикальнее — он предлагал конфисковать половину всех помещичьих земель в особый фонд и наделять из него землей отпущенных на волю — и опять-таки без земли — крестьян. Вот только полковника подвело то же «знание жизни», что у вышеописанных: в своих теоретических расчетах он считал «среднее российское поместье» равным по площади тысяче десятин — но таких в стране было только пятнадцать процентов!

Так что споры о будущем России представляли собой не более чем те самые «мечтательные крайности» из записки Пушкина. При редких попытках перейти к реальному делу начиналась форменная комедия. Н. И. Тургенев предложил членам тайного общества ради практических шагов освободить собственных крепостных. Ему бурно аплодировали, но никто крестьян не освободил — сам Тургенев, впрочем, тоже. Как-то недосуг было.

Якушкин, правда, единственный из всех кое-какие действия предпринял. Собрав своих крестьян, он торжественно объявил, что наме-

рен их освободить из рабства... но без клочка земли! По мысли реформатора, он собирался разделить свою землю на две части — на одной половине работали бы за плату наемные батраки, вторую крестьяне брали бы у него в аренду.

Недолго думая, крестьяне отказались. Их слова вошли в историю: «Ну, так, батюшка, оставайся все по-старому: мы — ваши, а земля — наша».

Растроганно пересказывая это событие в мемуарах и говоря о себе самом в третьем лице, Якушкин дает такое объяснение: «Его любили, не хотели с ним расставаться...»

Он так ничего и не понял, придурок! Ни о какой любви и привязанности речь не шла вовсе, мужики попросту проявили здравую сметку и извечный крестьянский практицизм. Реформы в варианте барина обрекали их на полнейшую неопределенность будущей жизни. Никому не хотелось становиться безземельными батраками. А что до аренды, то и это, безусловно, было вилами на воде писано. В самом деле, трудно предугадать, что стукнет барину в голову завтра. Сегодня он согласен сдавать земли под пахоту, а там, чего доброго, выстроит на них какой-нибудь бельведер с фонтанами. А не он сам, так наследники, которым затеи предшественника могли прийтись не по нутру...

Одним словом, вместо толковых аграрных идей была сушая белиберда, совершенно ото-

рванная от реальной жизни. А посему наши герои как-то незаметно перешли к идее цареубийства — вот это было как-то привычнее для гвардейских хлыщей...

Никита Муравьев и Пестель решительно стояли за цареубийство. Остальные жеманились. Не столько из гуманности, сколько оттого, что это выставило бы их в невыгодном свете перед общественным мнением. Тогда родилась идея «обреченного отряда» — царя должна была убить группа заговорщиков, вроде бы не имевшая отношения к тайному обществу. Для пущей конспирации убийц предполагалось после «дела» отправить в изгнание или даже казнить, отсюда и предложение Рылеева Каховскому.

И, наконец, особого рассмотрения заслуживает «манифест», обнаруженный после разгрома мятежа в бумагах выбранного «диктатором восстания» князя Трубецкого. Его просто необходимо привести целиком.

«В манифесте Сената объявляется:

1. Уничтожение бывшего правления.
2. Учреждение временного, до установления постоянного выборными.
3. Свободное тиснение (книгоиздательство — А. Б.), а потому уничтожение цензуры.
4. Свободное отправление богослужения всем верам.
5. Уничтожение права собственности, распространяющегося на людей.

6. Равенство всех сословий перед законом, и потому уничтожение военных судов и всякого рода судебных комиссий, из коих все дела поступают в ведомство ближайших судов гражданских.

7. Объявление права всякому гражданину заниматься, чем он хочет, и потому дворянин, купец, мещанин все равно имеют право вступать в воинскую и гражданскую службу и в духовное звание, торговать оптом и в розницу, платя установленные повинности для торгов.

Приобретать всякого рода собственность, как то: земля, дома в деревнях и в городах, заключать всякого рода условия между собой, тягаться друг с другом перед судом.

8. Сложение подушных податей и недоимок по оным.

9. Уничтожение монополии, как то: на соль, на продажу горячего вина и проч., и потому учреждение свободного винокурения и добывания соли, с уплатой за промышленность с количества добывания соли и водки.

10. Уничтожение рекрутства и военных поселений.

11. Убавление срока службы военной для нижних чинов, и определение одного последует по уравнении воинской повинности между всеми сословиями.

12. Отставка без изъятия нижних чинов, прослуживших 15 лет.

13. Учреждение волостных, уездных, губернских и областных правлений и порядка выбо-

ров членов сих правлений, кои должны заменить всех чиновников, доселе от гражданского правительства назначаемых.

14. Гласность судов.

15. Введение присяжных в суды военные и гражданские.

Учреждает правление из 2-х или 3-х лиц, которому подчиняет все части высшего управления, то есть все министерства, Совет, комитет министров, армии, флот. Словом, всю верховную исполнительную власть, но отнюдь не законодательную и не судную. Для сей последней остается министерство, подчиненное временному правлению, но для суждения дел, не решенных в нижних инстанциях, остается департамент сената уголовный и учреждается департамент гражданский, кои решают окончательно и члены коих останутся до учреждения постоянного правления.

Временному правлению поручается приведение в исполнение:

1. Уравнение всех прав сословий.
2. Образование местных волостных, уездных, губернских и областных правлений.
3. Образование внутренней народной стражи.
4. Образование судной части с присяжными.
5. Уравнение рекрутской повинности между сословиями.
6. Уничтожение постоянной армии.
7. Учреждение порядка избрания выборных в палату представителей народных, кои должны утвердить на будущее время имею-

щий существовать порядок правления и государственное законоположение».

На первый взгляд дело состоит просто прекрасно: народу обещаны немислимые прежде вольности, страна семимильными шагами движется к свободе, процветанию, демократии, равенству и братству.

Справедливости ради следует уточнить, что, например, уже при Александре II кое-что из предлагавшегося Трубецким было проведено в жизнь: суды присяжных, земское самоуправление, отмена рекрутской системы и замена ее всеобщей повинностью...

Но остальное, остальное!

Лично я не знаю более подробного и детального проекта погружения страны в совершеннейшую анархию.

Судите сами. Отмена крепостного права, абсолютно не проработанная в деталях, — уже анархия. Пункт 7 опять-таки вносит жуткую анархию в сложившуюся систему, «объявляя право», но не приводя детали и механизма реализации этого права. Пункт 13 полностью разрушает аппарат государственного управления, оставляя взамен некие «правления», с которыми снова ничего толком неясно. А там еще и «уничтожение постоянной армии» и загадочная «внутренняя народная стража»... Мы уже знаем, к чему провозглашение практически тех же самых мер привело в 1917 году...

Отмена военных судов — вернейший способ потерять рычаги воздействия на армию. Дис-

циплина рухнет моментально, что особенно опасно в моменты масштабных социальных потрясений...

И, наконец, вся власть отдана «двум или трем лицам»... То есть, назовем вещи своими именами, хунте с неограниченными полномочиями — а какие же еще, как не неограниченные, им предоставить полномочия в обстановке всеобщего хаоса, вызванного этаким вот манифестом?!

Здесь кроются сразу две опасности: во-первых, есть серьезный риск, что хунта очень быстро начнет работать либо на себя, любимых, либо на одну из политических группировок, которой отданы ее симпатии в ущерб остальным течениям. Во-вторых, очень быстро отыщется масса народа, которая ни за что не станет подчиняться именно этим людям — по самым разным причинам, но в данной ситуации любая причина опять-таки вызовет разлад...

Короче говоря, манифест Трубецкого, с одной стороны, набит невыполнимыми благими обещаниями, с другой — несет в себе множество мин замедленного действия...

...Вы брали сердце и скалу

Неприменно нужно упомянуть, какими методами господ заговорщики рассчитывали добиваться своих целей.

В полном соответствии с традициями Гвардейского Столетия, с петровскими установлениями ставка делалась в первую очередь на армию. Если в Северном обществе все же присутствовало некоторое количество штатских, считавшихся вполне равноправными, то на юге, у Павла Пестеля, «штафирок» с самого начала не считали ни равными себе, ни достойными быть принятыми. Свидетельствует декабрист Горбачевский: «Относительно гражданских чиновников он (Бестужев-Рюмин) был вовсе противного мнения; в его глазах эти люди были не только бесполезны, но даже вредны; преобразование России должно было быть следствием чисто военной революции».

Вполне возможно, что и после гипотетической победы Бестужев-Рюмин мог остаться при прежних взглядах и не подпускать штатских к решениям важных вопросов. Последствия представить легко — опять-таки военная хунта, почище латиноамериканских.

Кое-кто из его же ближайших сподвижников понимал эту опасность уже тогда, задолго до кровопролития. Тот же Горбачевский подробно передает разговор, состоявшийся на одном из заседаний.

— Наша революция, — сказал он (Бестужев), — будет подобна революции испанской, не будет стоить ни одной капли крови, ибо произведется одною армиею без участия народа...

— Но какие меры приняты Верховной Думою для введения предполагаемой конституции, — спросил его Борисов 2-й, — кто и каким образом будет управлять Россией до совершенного образования нового конституционного правления?..

— До тех пор, пока конституция не примет надлежащей силы, — сказал Бестужев, — Временное правление будет заниматься внешними и внутренними делами государства, и это может продолжаться десять лет.

— По вашим словам, — возразил Борисов 2-й, — для избежания кровопролития и удержания порядка народ будет вовсе устранен от участия в перевороте, что революция будет совершена военная, что одни военные люди произведут и утвердят ее. Кто же назначит членов Временного правления? Ужели одни военные люди примут в этом участие? По какому праву, с чьего согласия и одобрения оно будет управлять десять лет целою Россией? Что составит его силу, и какие ограждения представит в том, что один из членов вашего правления, избранный воинством и поддерживаемый штыками, не похитит самовластия?

Вопросы Борисова 2-го произвели страшное действие на Бестужева-Рюмина; негодование изобразилось во всех чертах его лица.

— Как вы можете меня об этом спрашивать? — вскричал он со сверкающими глазами. — Мы, которые убьем некоторым образом

законного государя, потерпим ли власть похитителей?! Никогда! Никогда!

— Это правда, — сказал Борисов 2-й с притворным хладнокровием и с улыбкою сомнения, — но Юлий Цезарь был убит среди Рима, пораженного его величием и славою, а над убийцами, над пламенными патриотами, восторжествовал малодушный Октавиан, юноша 18 лет.

Борисов хотел продолжать, но был прерван другими вопросами, заданными Бестужеву о предметах вовсе незначительных. Бестужев-Рюмин сим воспользовался и не отвечал ничего Борисову 2-му...»

Судя по этому примечательному диалогу, Борисов 2-й был человеком умным и видел слабое место программы «военного правления». Во-первых, нет никаких гарантий, что при таком режиме (способном, как мы видим, задержаться и на десять лет) какой-нибудь энергичный властолюбец не захочет стать единоличным диктатором. Во-вторых, благородные намерения рыцарственных Бестужевых — опять-таки не гарантия. Хотя бы потому, что Бестужев смертен. Примерно то же самое, помнится, сказал мятежнику Арате Горбатому дон Румата:

— Вы тоже смертны, мой благородный Арата, и если молнии перейдут в другие руки, не такие чистые, как ваши, мне страшно подумать, чем может кончиться...

В особенности если учесть, что кандидат в Бонапарты был совсем недалеко от Бестужева

и Борисова — руководитель их же собственно-го тайного общества полковник Павел Пестель. О непомерных амбициях и моральном облике этого субъекта мы поговорим чуточку попозже.

А пока — снова о методах работы. Руководство упоминавшимся «обреченным отрядом», то есть своеобразными дворянскими камикадзе, которым предстояло убить императора и потом подвергнуться публичному шельмованию, а то и смерти, Пестель поручил Лунину..

Но сам Лунин об этом и понятия не имел! На следствии он упрямо твердил, что Пестель ничего подобного ему не поручал. И верить Лунину, мне думается, можно. Среди декабристов хватало откровенной мрази, но Лунин как раз из тех, к кому применим эпитет «благородный человек». Его объяснения логичны и убедительны — они с Пестелем просто-напросто никогда не встречались на протяжении довольно долгого времени. Лунин жил в Варшаве, Пестель — в Киеве. А обсуждать столь серьезное дело путем взаимной переписки никто не стал бы. Другими словами, Пестель предназначал Лунину определенную роль в событиях, но самого его не потрудились поставить о том в известность.

Так было и с другими. «Вот юнкер Лосев Николай Иванович, гусар. Для покушения на жизнь покойного государя (Александра I) считали и Лосева, но ему о сем не объявляли, и членом общества он не был».

Дальше, по-моему, ехать некуда. Человека назначают в царевубийцы при том, что он и не член Тайного общества вовсе! В том, что он был непричастен, убеждает решение Следственной комиссии — Лосев не подвергся судебному преследованию, к нему у властей не нашлось никаких претензий. Можно представить, какими словами потом честил гусарский юнкер «выдающихся представителей военной аристократической молодежи»!

Наверняка теми же самыми, что и капитан Пыхачев, по милости подонка Бестужева-Рюмина вынужденный просидеть пять месяцев в крепости. Дело в том, что весной 1825 года Бестужев среди своих сообщников объявил: капитан Пыхачев — член их Тайного общества. Хотя это была откровенная ложь. Мотивы просты: капитан Пыхачев был офицером заслуженным и уважаемым в армии. Участник Отечественной войны 1812 года и заграничных походов против Наполеона, кавалер многих орденов, за участие в «битве народов» под Лейпцигом получил золотую саблю... (Кстати, сам Бестужев пороку не нюхал.)

Именно Пыхачев, кстати, в январе 1826 года активнейшим образом участвовал в подавлении бунта Черниговского полка, но из-за бестужевской подлости, как уже говорилось, просидел потом за решеткой несколько месяцев...

А вот как они агитировали солдат... Вспоминает участник этого интересного мероприятия Николай Бестужев (не Рюмин, другой,

петербургский Бестужев): «Когда мы остались трое: Рылеев, мой брат Александр и я, то после многих намерений положили было писать прокламации к войску и тайно разбросать их по казармам; но после, признав это неудобным, изорвали несколько написанных уже листов и решили все трое идти ночью по городу, останавливаясь у каждого часового и передавать им словесно, что их обманули, не показав завещания покойного царя, в котором дана свобода крестьянам и убавлена до 15 лет солдатская служба. Это положено было рассказывать, чтобы приготовить дух войска для всякого случая, могшего представиться впоследствии. Я для того упоминаю об этом намерении, что оно было началом действий наших и осталось неизвестным комитету. Нельзя представить жадности, с какой слушали нас солдаты, нельзя изъяснить быстроты, с какой разнеслись наши слова по войскам; на другой день такой же обход по городу удостоверил нас в этом».

Благородно же ведут себя господа дворяне, печальники народные... Что поделать, намеченные ими цели как раз и требовали лгать тем полкам, которые они собирались повести за собой. Поскольку они, несмотря на поверхностное знание жизни, хорошо понимали, что за их правдой народ ни за что не пойдет...

И эта троица не была одинока. Вот воспоминания декабриста Батенькова: «Не помню уж, кого тут нашел (заехав к Рылееву — А. Б.).

Мое внимание обратилось на морского офицера, который говорил с большой самонадеянностью всякие несообразности (лейтенант Арбузов — А. Б.). Например, что ежели взять большую книгу с золотой печатью и написать на ней крупно «закон», и ежели пронести сию книгу по полкам, то все сделать можно, чего бы ни захотели, и тому подобное».

Насчет «несообразностей» Батеньков явно то ли кокетничает, то ли умышленно изображает дурачка. Лейтенант Арбузов держался в русле общей тенденции. Они все ставили на обман и разжигание самых низменных инстинктов. Сначала оба Бестужева и Рылеев. Потом Арбузов. Потом на совещании у Рылеева вечером 13-го декабря Якубович предложил, не мудрствуя, «разбить кабаки, позволить солдатам и черни грабить, потом вынести из какой-нибудь церкви хоругви...». Правда, от этого предложения хватило ума отказаться — опять-таки не из благородства. Они все были хозяевами многих сотен «душ» и хорошо понимали, какого джина можно выпустить ненароком. Барон Штейнгель напомнил расходившемуся Якубовичу, что в столице «90 тысяч одних дворовых», и в случае всеобщего пьяного бунта могут пострадать их же собственные родные и близкие.

Каховский, хотя и прямо считал, что его полагают «ступенькой для умников», драглотку за два дня до мятежа: «С этими филантропами ничего не сделаешь, тут просто на-

добно резать, да и только!» Резать он, правда, не будет, но станет стрелять — сначала Милорадович, потом полковник Стюрлер... Резать будут Оболенский со Щепиным-Ростовским, один штыком, другой саблей... Рылеев, правда, никого не резал, но всерьез предлагал в случае проигрыша и отступления сжечь Петербург, «чтобы и праха немецкого не осталось» (свидетельство Штейнгеля).

И, наконец, солдат вывели с помощью самого неприкрытого обмана — что в Петербурге, что на юге. Но и об этом чуть погодя. А пока что поговорим о Павле Пестеле...

Черный полковник

«Какова его цель? Сколько я могу судить, личная, своекорыстная. Он хотел произвести суматоху и, пользуясь ею, завладеть верховной властью в замышляемой сумасбродами республике. Достигнув верховной власти, Пестель сделался бы жесточайшим деспотом», — напишет позже в «Записках о моей жизни» И. И. Греч.

Быть может, этот человек, которого при Советской власти нас учили ненавидеть, ничего о нем не рассказывая, попросту оболгал святого революционера по врожденной гнусности своей, а то и по заданию Третьего отделения? Что ж, рассмотрим жизнь и взгляды «черного полковника» подробнее...

Вот слова самого Пестеля, прозвучавшие в разговоре с Рылеевым: «Вот истинно великий человек! По моему мнению, если иметь над собой деспота, то иметь Наполеона. Как он возвысил Францию! Сколько создал новых фортуна! Он отличал не знатность, а дарования!»

Первыми, задолго до Греча, убедились в бонапартистских поползновениях Пестеля сами же руководители Северного общества. С редкостным для них единодушием. Никиту Муравьева разглагольствования Пестеля о благе диктатуры оттолкнули сразу. Как и Сергея Трубецкого. Трубецкой выразился недвусмысленно: «Человек вредный, и не должно допускать его усилиться, но стараться всевозможно его ослабить». Это были не просто слова — через свои связи в Южном обществе Трубецкой усиленно пестовал оппозицию Пестелю...

Рылеев сказал: «Пестель человек опасный для России и для видов общества». Историк М. Н. Покровский охарактеризовал их встречу так: «...У Пестеля нельзя отрицать большого таланта приспособления: при первом свидании с Рылеевым автор «Русской правды» в течение двух часов ухитрился быть попеременно и гражданином Северо-Американской республики, и наполеонистом, и террористом, то защитником английской конституции, то поборником испанской». На буржуазно-честного петербургского литератора это произвело крайне неблагоприятное впечатление, и у него, ви-

димо, сохранилось воспоминание о Пестеле как о беспринципном демагоге, которому доверяться не следует.

А вот собственноручные воспоминания Сергея Трубецкого о вышеописанной встрече с Пестелем: «При первом общем заседании для прочтения и утверждения устава Пестель поселил в некоторых членах некоторую недоверчивость к себе: в прочитанном им вступлении он сказал, что Франция блаженствовала под управлением Комитета общественной безопасности. Восстание против этого было всеобщее, и оно оставило невыгодное для него впечатление, которое никогда не могло истребиться и которое навсегда поселило к нему недоверчивость».

И немудрено: Комитет общественной безопасности, если кто запомнил — это та либерально-филантропическая контора, что во времена Французской революции сотнями отправляла людей на гильотину по малейшему подозрению...

А вот каким оригинальным образом Пестель у себя на юге вел противоправительственную деятельность. Слово Горбачевскому: «Вятского полка командир Пестель никогда не заботился об офицерах и угнетал самыми ужасными способами солдат, думая сим возбудить в них ненависть к правительству. Вышло совершенно противное. Солдаты были очень рады, когда его избавились, и после его ареста они показали на него жалобы. Непонятно, как он не

мог себе вообразить, что солдаты сие угнетение вовсе не отнесут к правительству, но к нему самому: они видели, что в других полках солдатам лучше, нежели им; следовательно, понимали и даже говорили, что сие угнетение не от правительства, а от полкового командира».

Ну, а параллельно полковой командир Пестель, как бы это поделикатнее выразиться, порою путал полковую казну и свой собственный карман...

Флигель-адъютант, глава Следственной комиссии по делу о финансовых злоупотреблениях во Второй Южной армии, П. Д. Кисилев задолго до декабрьских событий выражался о Пестеле так: «Действительно много способностей ума, но душа и правила черны, как грязь».

Тогда Пестель еще не воровал — он был штабным офицером. Он пока что покрывал других. Когда командующий одним из корпусов Второй армии генерал Рудзевич серьезно проворовался, именно Пестель его «прикрыл», представив дело так, словно это интриганы и завистники по злобе оболгали честнейшего человека. Меж тем после ареста Пестеля в его бумагах нашли и собственноручное письмо Рудзевича, в котором он подробно каялся в махинациях с казенными суммами и слезно просил «любезного Павлика» его спасти.

«Любезный Павлик» не подвел, спас — но генерал Кисилев, выяснив правду, решил изба-

виться от человека с «душой, черной как грязь» — и выпихнул Пестеля из штаба армии командовать полком...

А уж на новом месте «любезный Павлик» и сам развернулся вовсю. Ревизия, проведенная после ареста Пестеля, оценила казнокрадство полкового командира в шестьдесят тысяч рублей. По тем временам — сумма фантазмагорическая.

Механизм был прост. Случилось так, что Вятский полк, которым командовал Пестель, получал двойное денежное довольствие. Сначала деньги поступали из Балтской комиссариатской комиссии. Потом полк перешел в ведение аналогичной Московской — но по случайности его забыли исключить из прежних списков. Сейчас уже не установить, была ли это и в самом деле случайность, или Пестель ее кому-то проплатил...

Одним словом, в полк шли двойные финансовые суммы. Двумя параллельными потоками: один — в полковую казну, другой — лично Пестелю. А кроме этого, «любезный Павлик» облегал еще и киевскую казну гражданского ведомства. Только в 1827 году всплыло, что Пестель давал взятки секретарю киевского гражданского губернатора, за что получил возможность устраивать махинации с казенными средствами губернии.

Он не стеснялся обворовывать даже своих солдат. Ревизия, помимо прочего, вскрыла еще и историю с солдатскими крагами — наклад-

ными голенищами. Когда пришла пора получать новые, Пестель взял с Московского комиссариата деньгами — по два рубля пятьдесят копеек за пару. Солдатам же выдал по сорок копеек, а некоторым и того меньше...

Так что на следствии над декабристами Пестель оказался единственным, кому, кроме политических обвинений, были предъявлены еще и чисто уголовные. Выяснилось, что Пестель «имел обыкновение удерживать у себя как солдатские, так и офицерские деньги. Естественно, не давая при этом никаких объяснений».

И, добавим, не брезгуя ничем. Вот в Вятский полк переводится из Ямбургского уланского некий поручик Кострицкий, а следом в полковую кассу поступает и его жалованье за службу в уланах — сто восемьдесят рублей. Денег этих поручик так и не увидел — прикарманены Пестелем...

Это, очевидно, наследственное. Папенька «любезного Павлика» в бытность свою сибирским генерал-губернатором казнокрадствовал вовсе уж фантастическим образом.

Вор и подонок, которого еще в начале XX века известный военный историк Керсновский назвал «негодяем, запарывающим своих солдат».

И доносчик к тому же. В 1926 году, к столетию декабристского бунта, было издано немало книг. Пара стоит у меня на полке. Естественно, все эти книги были апологетическими, но порой составители простодушно

помещали туда кое-что работавшее против прославляемых...

Например, письма Пестеля на французском, но с подробным переводом...

Пестель отчего-то невзлюбил одного из своих офицеров, майора Гноевого. В чем там было дело, сегодня уже не установить. Гораздо интереснее другое: методы «любезного Павлика». Он долго и упорно просил вышестоящее начальство Христом-богом убрать от него Гноевого. Начальство не реагировало. Тогда в очередном эпистолярии от 15-го ноября 1822 года (адресат — уже известный нам генерал Кисилев) Пестель, исчерпав, очевидно, все аргументы, открытым текстом «шьет политику». «Он (т. е. многострадальный Гноевой — А. Б.) даже опасен для действительной службы, так как он ее всегда критикует... Если б он был более образованным и просвещенным, я счел бы его за карбонария».

По меркам того времени — полноценный политический донос. Сделанный, впрочем, не без изящества: руководитель Тайного общества, ставящего целью решительную перемену власти, не называет впрямую подчиненного «карбонарием», но выражается достаточно ясно: опасен для службы, так как критикует...

Хорошо еще, что никаких последствий для майора этот донос не имел: Кисилев знал Гноевого как дельного офицера и попросту, чтобы прекратить склоку, перевел его подальше от Пестеля, в другой полк...

Публикаторы этой переписки не без смущения комментируют: «Розги солдатам, как средство искоренения дезертирства, употребляемые с такой расточительной щедростью, что могли заслужить новому командиру, по собственному его признанию, название жестокого тирана, и настойчивость в домогательствах к удалению из полка неугодного офицера, доходящая, можно сказать, до политического доноса в вольнодумстве (майор Гноевой — чуть не карбонарий) — вот те средства, которыми он, не стесняясь своими политическими идеалами, пользовался...»

Бедолаги, как им и по службе полагалось (а может быть, искренне) усматривали у Пестеля политические идеалы... Позвольте уж усомниться в существовании таковых. Перед нами — не столь уж редкий экземпляр, честолюбец с бонапартовскими замашками, собиравшийся, вне всякого сомнения, «в Наполеоны».

Очень уж многозначительные он написал проекты — я не об аграрных реформах, а о полицейских...

В «Русской правде» Пестель будущее полицейское устройство России проработал не в пример тщательнее, можно сказать, любовнее, нежели «декреты о земле»...

«Высшее благочиние (т. е. новая полиция) охраняет правительство, государя и государственные сословия от опасностей, могущих угрожать образу правления, настоящему поряд-

ку вещей и самому существованию гражданского общества или государства, и по важности сей цели именуется оно высшим...»

С первых строк начинаются неувязки: Пестель, помнится, предлагал свергнуть императорскую фамилию и установить парламентскую республику. Зная о его восхищении Бонапартом и диком честолюбии, поневоле задаешься не столь уж невероятной мыслью: уж не себя ли «любезный Павлик» видел новым императором? Вполне логичные мысли в голове почитателя Наполеона.

По Пестелю, деятельность Высшего благочиния с самого начала должна сохраняться в строжайшей тайне, оно «требует непроницаемой тьмы и потому должно быть поручено единственно государственному главе сего Приказа, который может оное устраивать посредством канцелярии, особенно для сего предмета при нем находящейся». Даже имена чиновников «не должны быть никому известны, кроме государя и главы благочиния».

До подобной секретности впоследствии не дотянул ни один репрессивный орган — ни ЧК, ни гестапо, ни охраны многочисленных латиноамериканских диктаторов...

Высшее благочиние должно развернуть самую широкую сеть доносчиков и тайных агентов: «Для исполнения всех сих обязанностей имеет высшее благочиние непременную надобность в многоразличных сведениях, из коих некоторые могут быть доставляемы обычным

благочинием и посторонними отраслями правления, между тем как другие могут быть получаемы единственно посредством тайных розысков. Тайные розыски, или шпионство, суть посему не только позволительное и законное, но даже надежнейшее и, можно сказать, единственное средство, коим высшее благочиние поставляется в возможность достигнуть предназначенной ему цели».

Естественно, чины «внутренней стражи» должны получать самое высокое жалованье: «Содержание жандармов и жалованье их офицеров должно быть втрое против полевых войск, ибо сия служба столь же опасна, гораздо труднее, а между тем вовсе не благодарна».

Численность будущих «ревнителей благочиния» предполагается огромная: «Для составления внутренней стражи, думаю я, 50 000 жандармов будут для всего государства достаточны».

Для сравнения: во времена царствования Николая I Корпус внутренней стражи, куда входили и жандармские части (несшие чисто караульные, патрульные, охранные обязанности) насчитывал вдесятеро меньше людей. К концу 1828 года значилось три генерала, сорок один штаб-офицер, сто шестьдесят обер-офицеров, три тысячи шестьсот семнадцать нижних чинов и четыреста пятьдесят семь нестроевых. Офицеров и чиновников было вовсе уж мало: сохранились воспоминания современника, который в 1861 году в одном из пе-

тербургских ресторанов увидел «все Третье отделение», отмечавшее какой-то свой праздник. За банкетным столом сидели тридцать два человека. Все Третье отделение...

Читателю предоставляется самому ответить на несколько нехитрых вопросов: какой режим предполагал утвердить в России Пестель? Возможно ли было при таком режиме претворение в жизнь либеральных проектов вроде манифеста Трубецкого? И наконец — собирался ли Пестель вообще делиться хотя бы частичкой власти с кем бы то ни было, располагая подобными вооруженными силами и сетью анонимных шпионов?

И, наконец, наш герой за сто с лишним лет до Гитлера предлагал весьма оригинальное «окончательное решение» еврейского вопроса... Считая евреев совершенно бесполезной нацией, Пестель предлагал собрать их всех вместе, вооружить и отправить в поход на завоевание Палестины. «Поскольку турки, несомненно, воспротивятся этому, а евреи сами с турками не справятся, то, естественно, в помощь евреям следует отрядить всю русскую армию». Кре-стоносец, ага...

Пестель, впрочем, в этой мысли был неоригинален. «Основатели в 1814 году первого тайного общества в России, «Ордена русских рыцарей», М. Ф. Орлов и М. А. Дмитриев-Мамонов пришли к идее насильственного обращения, по крайней мере, половины евреев в христианство и распределения их по малона-

селенным краям России» (современный исследователь В. Брюханов).

Вообще антисемитизмом явственно потянуло и от знаменитого бунта Семеновского полка в 1821 году. В 1925 году в Ленинграде в издательстве «Былое» вышел юбилейный сборник «Бунт декабристов». И С. Н. Чернова, автор обширной статьи «Из истории солдатских настроений в начале 20-х годов» закопалась в архивы тайной полиции императора Александра слишком глубоко, определенно не думая, что подпортила чересчур обширным цитированием образ «свободолюбивых солдатиков».

В 1821 году некий полицейский агент сообщил по начальству содержание разговоров, которые вел с сослуживцами писарь 3-й роты 2-го батальона гвардейского Измайловского полка Александр Степанов по прозвищу Карасев. «Когда прежде жидам вверяли полки? — патетически восклицал Карасев, имея в виду командира семеновцев полковника Шварца. — А ныне Шварц из жидов: каково он с христианами поступил? Варварски, как мститель еврейский, и до чего полк довел Семеновский!»

Вот такие настроения бытовали в гвардии. Не следует преуменьшать фигуру этого самого Степанова-Карасева: во времена Александра I, когда грамотной была ничтожно малая часть населения, писарь гвардейского полка был фигурой...

Шварц, между прочим, никакого отношения к евреям не имеет, он — чистокровный

немец. Но главная интрига тут в другом. Чрезвычайно похоже, что классическая история о бедных, забитых солдатиках, взбунтовавшихся против «тирана Шварца», якобы «лично выдиравшего усы рядовым», имеет мало общего с подлинными мотивами пресловутого «семеновского бунта»...

Н. И. Греч оставил прелюбопытнейшие воспоминания, меняющие всю картину самым решительным образом.

«Наконец, высшее начальство заметило ослабление дисциплины и фронта в войсках Гвардейского корпуса и сочло нужным подтянуть вожжи... (назначили) в Семеновском на место Потемкина армейского служаку, строгого исполнителя своих обязанностей, Федора Ефимовича Шварца... Шварца, человека чужого, не аристократа, приняли офицеры с явным презрением, которое вскоре выразилось эпиграммами и насмешками. Брат мой, служивший в Финляндском полку, предсказывал мне, что добра в Семеновском не будет. Он стоял однажды в карауле в семеновском гошпитале. Один баталион учился. Пошел сильный дождь. Офицеры укрылись в коридорах гошпиталю и, несмотря на присутствие солдат, издевались и ругались над полковыми командирами, и, как нарочно, по-русски... Офицеры дали прощальный обед Потемкину, произносили тосты, плакали, бранили Шварца (который приглашен не был), и после обеда некоторые из них, разгоряченные шампанским, подошли к квартире

Шварца и громко его ругали. По званию моему — директора полковых училищ, я познакомился со Шварцем и нашел в нем доброго, простого православного человека, в котором не было и тени немца. Он видел свое ложное положение, горевал о нем, предчувствовал беду и говорил о том, не зная, как вывернуться. Презрение к нему офицеров, неуважение и дерзость солдат доходили до высшей точки. Он нашелся принужденным наказать одного унтер-офицера, и пламя, таившееся под пеплом, вспыхнуло...»

Как видим, на глазах рассыпается очередной миф. Не было никакого садиста и тирана. Был дельный и исправный армейский офицер, которого назначили на место развалившегося дисциплину и военную подготовку родовитого янычара. Господам гвардейцам показалось унижительным находиться в подчинении у «армеута», им гораздо больше нравился свой, янычар из касты, который не обременял учебой и не требовал особенной дисциплины. Офицеры задали тон и подогрели солдат. Все «тиранство» свелось к наказанию одного-единственного унтера, наверняка за дело, за достигшие «высшей точки» «неуважение и дерзость».

Грустный парадокс в том, что миф о «бунте против тирана Шварца» по разным причинам оказался одинаково мил как александровским гвардейцам, так и большевикам — и на редкость живуч.

Гвардейские унтер-офицеры, между прочим, — публика непростая. Тот же Греч оставил описание: «Я был свидетелем обеда, данного в 1816 году гвардейским фельдфебелям и унтер-офицерам одним обществом (масонской ложе). Люди эти вели себя честно, благородно, с чувством своего достоинства; у многих были часы и серебряные табакерки. Некоторые вклеивали в свою речь французские фразы». Никак не сиволапая деревенщина...

Греч: «Не только офицеры, но и нижние чины гвардии набрались заморского духа: они чувствовали и видели свое превосходство пред иностранными войсками, видели, что те войска при большем образовании пользуются большими льготами, большим уважением, имеют голос в обществе. Это не могло не возбудить вначале просто их соревнования и желания стать наравне с побежденными».

Амбиций, как видим, на миллион. И тут является какой-то армейский дуболом, требует дисциплины и учебы...

Некоторые подробности о нравах руководимого Пестелем Южного общества. Снова Горбачевский: «Члены Южного общества действовали, большею частью, в кругу высшего сословия людей; богатство, связи, чины и значительные должности считались как бы необходимым условием для вступления в Общество; они думали произвести переворот одною военною силою, без участия народа, не открывая даже предварительно тайны своих намере-

ний ни офицерам, ни нижним чинам, из коих первых надеялись увлечь энтузиазмом и обещаниями, а последних — или теми же средствами, или — деньгами и угрозами. Сверх того, так как члены Южного общества были, большею частью, люди зрелого возраста, занимавшие довольно значащие места и имевшие некоторый вес по гражданским отношениям, то для них было тягостно самое равенство их свободного соединения; привычка повелевать невольно брала верх и мешала повиноваться равным себе, и тем более препятствовала иметь доверенность в сношениях по Обществу с лицами, стоящими ниже их в гражданской иерархии».

К этому обязательно нужно добавить, что Южное общество, в отличие от Северного, имело четко разработанную иерархию из трех степеней: с разной степенью осведомленности. На самом верху помещались так называемые бояре, так сказать, аристократия...

Эту систему Пестель в свое время попытался распространить и на деятельность своих северных коллег. Об этом подробно рассказывал потом в своих воспоминаниях Н. Муравьев.

«В 1824-м Пестель приехал в Петербург... жаловался на недеятельность Северного общества, на недостаток единства в действиях, на различие устройств на Севере и Юге и на недостаток положительных начал. На Юге были бояре, у нас их не было. И потому он предлагал соединить оба общества в одно,

признать боярами главных северных членов, признать в обоих обществах одних и тех же начальников, дела решать большинством голосов бояр и обязать бояр и прочих членов слепо исполнять решение большинства голосов.... Не сходясь с ним в правилах, я предложил другое соображение, в котором изложил невозможность слить в одно два общества, отделенные таким большим пространством и притом разделенных мнением. В Северном обществе всякий имел свое мнение, в Южном, как мне было известно по приезжающим из оною, не было никакого противоречия мнениям Пестеля. Итак, большинство голосов всегда было бы выражением одной его воли. Притом он не определял, сколько именно он мог иметь бояр, и предоставлял себе право вместе со своими боярами принимать новых. К тому же я объявил, что никогда не соглашусь слепо повиноваться большинству голосов, когда их решение против моей совести, и предоставляю себе право выйти из общества во всяком случае... С тех пор сношения Северного общества с Пестелем изменились, и он в пребывание свое не оказывал уже никакой доверенности главным его членам. Обещал прислать свою конституцию и не прислал (еще бы! — А. Б.) и вообще не входил ни в какие подробности насчет устройства Южного общества и его действий. Князь Волконский, который приезжал уже после него, не имел никаких поручений от него, а только

приветствовал членов Думы и хвалил согласие обоих обществ».

Одним словом, Пестель создал на юге под себя классическую военную хунту. Кстати, большинство означенных «бояр», когда на Юге все же удалось устроить мелкую заварушку, остались от бунта в стороне. То самое «высшее сословие», много лет протрепавшее языками, дружно устранилось. Кое-кому из них все же пришлось отвечать перед судом, как Волконскому — но большинство отделалось легким испугом.

Летом 1825 года, всего за несколько месяцев до бунта, случилось прямо-таки комическое событие: сподвижник Пестеля Бестужев-Рюмин обнаружил у себя под носом, в 8-й артиллерийской бригаде... еще одно тайное общество. Сформировавшееся, созревшее, с пылу с жару...

Именовалось оно «Соединенные славяне» — несколько десятков офицеров и прапорщиков. Правда, идеи у них были, мягко выражаясь, странноватыми: эта кучка всерьез намеревалась не только учредить в России республиканское правление, но и создать федерацию из десяти славянских государств: Россию, Польшу, Моравию, Далмацию, Крoацию, Венгрию с Трансильванией, Сербию с Молдавией и Валахией». Во как! Не больше и не меньше!

С какого перепугу эти сопляки зачислили в число славянских наций «Венгрию с Трансиль-

ваний и Молдавию с Валахией», я так и не установил, да это в принципе и неинтересно... Главное, и без того ясно, что это была за специфическая публика. Вот что пишет о них Горбачевский: «Славянский союз носил на себе отпечаток какой-то воинственности. Страшная клятва, обязывающая членов оного посвящать все мысли, все действия благу и свободе своих единоплеменников и жертвовать всей жизнью для достижения сей цели, проносилась на оружии; от одних своих друзей, от одного оружия славяне ожидали исполнения своих желаний; мысль, что свобода покупается не слезами, не золотом, но кровью, была вкоренена в их сердцах... сей слабый очерк достаточно показывает, что дух Славянского общества во многом отличался от духа Южного общества, и что даже в некоторых отношениях они были друг другу совершенно противоположны».

По моему глубокому убеждению, насчет «противоположности» Горбачевский кругом неправ... Но это, в конце концов, не главное. Главное, «бояре» с восторгом присоединили к себе исполненную столь радикального духа боевую единицу — наплетя «соединенным славянам» с три короба насчет того, как они все потом рука об руку двинутся под предводительством Пестеля освобождать Европу...

На следствии Пестель, нужно отдать ему должное, держался достойно — на коленях не

ползал, как иные, не юлил, слезами не обливался. Однако он подробнейшим образом закладывал всех, кто только был когда-то причастен к делам тайных обществ. Делал он это не из трусости, не из желания смягчить собственную участь. Тут другое...

Вспоминает А. Муравьев: «Когда Северное общество стало действовать очень нерешительно, тогда он объявил, что если их дело откроется, то он не даст никому спастись, что чем больше будет жертв, тем больше будет пользы — и он сдержал свое слово. В Следственной комиссии он указал прямо на всех участвовавших в Обществе, и если повесили только 5 человек, а не 500, то в этом Пестель нисколько не виноват: со своей стороны он сделал для этого все, что мог».

Каково? Честное слово, по-моему, уж лучше бы он развязал язык из простого страха за свою драгоценную шкуру — так получилось бы пригляднее, что ли...

Стоит ли удивляться, что поэт В. А. Жуковский охарактеризовал в свое время декабристов так: «Какая сволочь! Чего хотела эта шайка разбойников? Вот имена этого сброда. Главные и умнейшие Якубович и Оболенский, все прочее мелкая дрянь».

В том-то и беда Пестеля, что он не просто дрянь, а именно дрянь мелкая. По крайней мере, умереть сумел достойно, не скулил и не цеплялся за священника, как Каховский...

Итак, до выхода на Сенатскую площадь — сутки с небольшим. Наши герои и не вспоминают, что нынче, собственно, столетний юбилей Гвардейского Столетия — но, надо признать, собираются его отметить нешуточной заварушкой, превосходящей по размаху и намерениям все прошлые янычарские выступления. До сих пор российская гвардия, иных самодержцев возводя на престол, а иных еще и убивая, никоим образом не посягала на некие основы. Нынче все собираются сделать наоборот...

Поначалу диспозиция представляется четко: Гвардейский флотский экипаж, отказавшись присягать Николаю, с пушками двинется к Измайловскому полку, соединится с ним и с Конносаперным эскадром — и все вместе двинется к Сенату. Московский полк соединяется с Егерским. Гренадерский со всей артиллерией и Финляндский идут по отдельности. Есть надежда на кавалергардов (среди них — члены Общества Анненков, Арцыбашев и Свистунов), следует попробовать привлечь на свою сторону и командира Семеновского полка Шипова, который некогда был одним из активнейших членов Союза Спасения и Союза Благоденствия (предшественников Северного общества) и какое-то время состоял в самом Северном обществе. Если все получится, будет собран неплохой ударный кулак...

Но эта диспозиция рухнет почти мгновенно!

Измайловцы и финляндцы не выйдут. Конные саперы тоже. Полковник Шипов, выясняется, «передался совсем на сторону Николая». Блестящий кавалергард Свистунов отказывается вести агитацию среди сослуживцев и заявляет, что вовсе уедет из города переждать смутные времена. Точно так же отказываются бунтовать кавалергардов Анненков с Арцыбашевым — это уже не болтовня на тайных заседаниях, а реальное дело, которое пугает светских хлыщей...

Диспозиция рухнула! Трубецкой, избранный диктатором восстания, убеждается, что всерьез рассчитывать можно только на флотских гвардейцев, Московский полк и Гренадерский. И ни единого орудия у мятежников уже не будет.

Он меняет план на ходу. Теперь главная задача — арест и убийство царской семьи. Якубович и Арбузов должны занять Зимний дворец. В Обществе хорошо понимают, что за этим последует — «буйное свойство Якубовича, конечно, подвергнет оных опасности». Понимают, но особенно не протестуют, а Рылеев, как уже упоминалось, вдобавок поручает Каховскому пробраться в Зимний и убить Николая.

Потом, на следствии, Трубецкой будет вилить и юлить: он-де никому не поручал занимать Зимний, Сенат и Петропавловскую кре-

пость, не говоря уж о том, чтобы «спустить с цепи Якубовича». А уж об убийстве царской семьи он, ангел кротости, и вовсе помышлять не мог...

Чуть позже он начинает вспоминать: что-то такое и в самом деле говорил тогда, вроде бы даже и об аресте царской фамилии, но был в «совершеннейшем беспамятстве», а потому и не помнит толком, что же наплел...

Тогда ему предъявляют показания Рылеева. Отставной офицер и посредственный поэт категоричен: Трубецкой представил четкий план занятия вышеозначенных объектов и ареста всей императорской фамилии. Им дают очную ставку, и Трубецкой признает: вообще-то было... Но — в совершеннейшем беспамятстве! В помрачении ума! Прошу учесть как смягчающее обстоятельство!

Но эти слезы, сопли и увертки будут гораздо позже. А пока что еще не закончилось 13-е декабря, завтра будет 14-е...

День Фирса

День Фирса — так в православных Святцах обозначено 14-е декабря...

Итак, они выступили!

А Николай уже все знает. Поручик Ростовцев уже сообщил ему, не называя, правда, никаких имен, замысел «северян» — о чем тут же поставил в известность руководителей Север-

ного общества, активным членом которого был (эту загадочную историю мы подробно рассмотрим чуть позже). Уже написали свои доносы Шервуд и Майборода, уже арестован на юге Пестель. Уже, разрушая окончательно замыслы Трубецкого, присягнул Николаю Сенат. Уже поднимает по тревоге своих саперов полковник Александр Клавдиевич Геруа — вскоре мы с ним познакомимся поближе, с незаслуженно забытым героем 12-го года.

Все! Уже ничего нельзя остановить! Они поднялись!

Знаменитый в начале XX века сатирик и поэт Дон-Аминадо писал как-то в одной из своих юморесок: «В приличном обществе принято, чтобы перевороты производились генералами. Если генерала нет, то это не общество, а черт знает что».

С этой точки зрения декабристов никак не отнести к приличному обществу».

Генералы у них, правда, имеются. Целых четыре. Вот только эти генералы, как бы это по-деликатнее выразиться, второй свежести. Толку от них никакого.

Генерал-майор Фонвизин давно в отставке, следовательно, полностью бесполезен для практических целей, не располагает воинской силой, которую можно было бы взбунтовать с помощью очередного обмана, как это у декабристов было в обычае. Еще один любитель теоретической болтовни — но все равно получит свой каторжный срок...

Генерал М. Ф. Орлов — еще один велико-светский трепач. Долгие годы сотрясал воздух на всех собраниях, но, когда дошло до расследования, ему смогли предъявить лишь хлипко-конькое, прямо-таки комическое обвинение: «Поручив Раевскому юнкерскую школу, оставил без внимания действия его относительно внушения юнкерам вредных правил, из чего произошли все неурядицы в 16-й дивизии и буйственный поступок нижних чинов Камчатского пехотного полка, коим Орлов объявил прощение, не имея на то никакого права».

Всего-то... Очередная мелкая дрянь. Полгода просидел в крепости, потом отправили под надзор полиции в Калужскую губернию...

Третий — одна из центральных фигур декабристского мифа, Сергей Волконский. Это в мифах он — центральная фигура, а на деле опять-таки годами занимался трепологией. Даже взвода не взбунтовал, даже стекла на три копейки не выбил. Правда, срок ему тем не менее навесили...

Четвертый генерал, член Южного общества Алексей Юшневский — личность абсолютно загадочная. Известно только, что его лишили чинов и дворянства и закатали на каторгу вместе с прочими, но что он вообще делал, мне установить так и не удалось, а это позволяет думать, что и здесь мы имеем дело с очередным трепачом.

Самое интересное — род его занятий. Интендантский генерал. Этому-то что понадооби-

лось среди карбонариев российских? Записному ворюге?

А в том, что он был записным ворюгой, сомнений нет ни малейших даже при том, что мы о нем ничегошеньки не знаем. Нет необходимости. И без того прекрасно известно, что собою представляли армейские интенданты. Большой знаток этого вопроса, А. В. Суворов говорил, что любого военного интенданта после нескольких лет службы можно спокойно вешать без суда и следствия — и в принципе не шутил...

Быть может, интендант оттого и связался с Пестелем, что имел с ним какие-то общие гешефты? И рассчитывал, что «революция» спишет все его грехи? Когда речь идет о военном интенданте, именно такое предположение представляется самым верным.

Вернемся в Петербург. Итак, около девяти часов утра Михаил Бестужев и князь Щепин-Ростовский принялись поднимать Московский полк...

Рассказами о народном благе и светлом будущем?

Вовсе нет!

Оба мятежника уверяют солдат, что их обманули: цесаревич Константин не отказывался добровольно от престола, а злодейски схвачен узурпатором Николаем, закован в цепи и ввергнут в сырое узилище. А высочайший шеф Московского полка, великий князь Михаил ехал, дескать, поднять своих верных солдатую-

шек на помощь брату, но был схвачен на городской заставе тем же узурпатором и тоже посажен в железа... Словом, спасай, братцы, законного государя!

Только такой брехней и удалось поднять солдат. Ничего удивительного, что они в простоте своей орали «Ура Конституции!», полагая, что означенная Конституция... супруга цесаревича Константина! Это не анекдот, а доподлинный факт...

Солдаты по команде заговорщиков строятся, берут боевые патроны...

И вот она, первая кровь!

Далеко не все горят энтузиазмом, многие не хотят очертя голову кидаться в мятежную стихию — и находятся гренадеры, которые не отдадут восставшим знамен. Штабс-капитан и князь Щепин-Ростовский полосует их саблей — ранен солдат Красовский, унтер Моисеев. Когда две мятежные роты (две из шести) все же покидают казармы, наперерез бегут подоспевшие старшие командиры: бригады — генерал Шеншин, полка — генерал Фредерикс, батальона — полковник Хвошинский. Пытаются остановить...

Щепин-Ростовский уже нюхнул крови и совершенно осатанел. Фредерикса он бьет саблей по голове сзади. Затем сабельным ударом сбивает наземь Шеншина и еще долго бьет лежащего. Князь. Его сиятельство... Потом, с каторги, он будет писать Николаю исполненные скулежа прошения, уверяя, будто ни к какому

заговору не принадлежал, и все «случилось по воле обстоятельств»...

Остается Хвощинский. С ним ситуация несколько сложнее — в свое время, давно, и он, как многие, похаживал на заседания тайного общества. И помнящий об этом Бестужев пытается уговорить его примкнуть к мятежу (у бунтовщиков маловато старших офицеров, а полковник Хвощинский в столичной гвардии пользуется авторитетом).

Хвощинский, однако, отказывается — и получает три сабельных удара от Щепина. Солдаты направляются к Сенату. По дороге Щепин, непонятно почему, оборачивается и орет Бестужеву:

— Долой конституцию!

Что ему надо от жизни, уже совершенно неясно. Мятеж раскручивается, как вырванная из часов пружина...

Но янычары уже не те. Все пошло наперекосяк. Каховский даже и не собирается претворять в жизнь замысел Рылеева, он с грозным видом прохаживается возле выстроившегося вокруг Медного всадника каре, ни в какой Зимний не идет, императора поражать «цареубийственным кинжалом» не намерен...

Зато начинает цедить кровушку там, на Сенатской. Полковник Стюрлер пытается убедить солдат уйти — и Каховский стреляет в него в упор, а князь Оболенский добивает полковника саблей. Вслед за тем Каховский

совсем уж ни с того ни с сего ранит кинжалом какого-то свитского офицера — тот отказался кричать «Ура!» Константину..

Все идет наперекосяк! Якубович отказался брать Зимний, Булатов не пошел в Петропавловскую крепость. Убедившись, что его планы рухнули, диктатор Трубецкой так и не появляется на площади. Он прячется тут же, неподалеку, за углом Главного штаба, созерцая происходящее, как самый обычный зритель. Рылеев очень быстро исчезает с площади, громко объявив, что «идет искать Трубецкого» — да так и не вернется более.

И все же некоторые пытаются следовать планам. Поручик Панов во главе девяти сот гренадер врывается во двор Зимнего дворца, где нет самого Николая, но осталась вся его семья. Сначала он уговаривает караульных пропустить его по-хорошему, но, встретив отказ, мятежники попросту отбрасывают заметно уступающих им в численности часовых. Итак, они врываются во двор...

Но там стоит в безукоризненном порядке, с заряженными ружьями, лейб-гвардии саперный батальон. Тысяча человек.

Это не просто гвардия. Это единственная воинская часть, на которую император Николай может полагаться в эти часы хаоса и неуверенности, когда облеченные властью генералы ведут себя предельно странно (об этом — в свое время), и неизвестно, кому можно верить.

Собственно, это личная гвардия Николая. Он — высочайший шеф батальона, знает в лицо и по фамилиям всех офицеров и большинство солдат (память у Николая была феноменальная). Он тщательно отбирал в свой батальон лучших, тратил на нужды саперов личные деньги. Саперы готовы драться за него насмерть. Командует ими полковник Александр Клавдиевич Геруа, воевавший в Отечественную с 1812 года и до взятия Парижа.

Силы примерно равны — девятьсот человек у Панова, тысяча — у Геруа. Но у Панова, двадцатидвухлетнего мальчишки, в жизни не нюхавшего пороха, — расхристанная толпа мятежников, а у Геруа, сорокалетнего ветерана — стройные шеренги верных императору солдат.

И Панов дрогнул, кишка оказалась тонка. Он увел свою толпу на площадь, а потом, на следствии, принялся юлить, по обычаю многих своих сообщников: мол, во двор Зимнего он забежал чисто случайно, перепутал ворота, принял саперов за братьев-мятежников...

Его вранье тогда же было разбито в пух и прах свидетельскими показаниями. Все его поведение свидетельствовало о том, что гренадер он привел к Зимнему умышленно — и какое-то время взвешивал шансы. Вне всяких сомнений, выполнял задание. Но не осмелился бодаться с саперами. Семья Николая в заложники не попала.

На этом кончается суэта мятежников и начинается знаменитое «великое стояние» на Се-

натской. Уже окончательно ясно, что никто их более не поддержит, не примкнет...

Тут, кстати, и появляется совершенно комическая фигура «дня Фирса» — несмотря на всю кровь и грязь этого дня, случались и редкие, по-настоящему юмористические моменты...

Тот самый Горский, о котором я уже упоминал и обещал рассказать подробнее. Мемуары декабриста Якушкина: «Граф Граббе-Горский, поляк с Георгиевским крестом, когда-то лихой артиллерист, потом вице-губернатор, а в то время, находясь в отставке, был известен как отъявленный ростовщик. Он не принадлежал к Тайному обществу и даже ни с кем из членов не был близок. Проходя через площадь после присяги в мундире и шляпе с плюмажем, по врожденной ли удали, или по какому особенному ощущению в эту минуту, он стал проповедовать толпе и возбуждать ее; толпа его слушала и готова была ему повиноваться».

Действительно, один Бог ведает, что творилось в голове у человека со столь примечательной биографией. Но в том, что Якушкин описал его очень точно, убеждает реакция Следственного комитета: Граббе-Горский так и не был привлечен к ответственности «ввиду падучей болезни».

Они стоят на площади... Юродивый Кюхельбекер, вооружившись пистолетом, то и дело собирается совершить какой-нибудь подвиг, сиречь убить первого попавшегося под

руку «тирана». Он целится в великого князя Михаила, приехавшего уговаривать солдат...

Но не суждено было Вильгельму Карловичу угодить в тираноборцы. Советские историки уверяли, будто у него «произошла осечка». На самом деле, увидев его целящим в Михаила, на него накинулись трое матросов из мятежного флотского экипажа и выбили оружие. Все трое известны поименно — Дорофеев, Федоров, Куроптев. Пистолет упал в снег, порох подмок. После этого Кюхельбекер пытался выпалить и в генерала Воинова, но выстрела не получилось...

Появляется граф Милорадович — ученик Суворова, известнейший в армии генерал... и человек, ведущий какую-то свою игру. Пытается привести мятежников в чувство...

Каховский стреляет в него в упор. А Одоевский, выхватив ружье у солдата, ударяет штыком в спину.

Автор рисунка, сделанного в 1862 году, А. И. Шарлемань, совершенно неумышленно, надо полагать, облагородил поступок Каховского: здесь он стоит со своей жертвой лицом к лицу, как и подобает дворянину. Увы, в реальности все выглядело совсем иначе: Каховский стрелял, правда, не в спину, а в бок Милорадовичу, но зашел все же со спины...

После этого начинается Великий Драп. Рылеев смылся с площади давным-давно. Поручик Панов раздобыл у кого-то из зевак штатскую шинель, накинул ее на мундир и скрыл-

ся. Потихонечку убрались Якубович и Глебов. Одоевский, увидев прибывших однополчан-конногвардейцев, попытался привлечь их на сторону мятежников. Его обматерили, и он, поразмыслив, тоже исчез с Сенатской.

Барон Штейнгель и Батеньков на площадь к соратникам по тайному обществу не пошли вообще. Кавалергард Свистунов, как и соби-рался, уехал в Москву. Трубецкой, помаячив за углом, убрался восвояси и спрятался в доме сестры, княгини Потемкиной. Сбежали с пло-щади Николай Бестужев, Коновницын, Репин, Чижев, Цебриков — и прочие, и прочие...

Где Анненков, кстати? Он-то на площади — стоит в рядах своего Кавалергардского полка, водит свой эскадрон в атаки и на сотоварищей по тайному обществу: авось обойдется, авось не узнает никто... Не обошлось. Анненкова моментально заложили подельники, и его тоже арестовали.

Ну, а дальше... Пушечные залпы, картечь валит шеренги. Марина Цветаева немного погрешила против истины со своей чеканной строкой: «И ваши кудри, ваши бачки засы-пал снег». Ни один барин не пострадал. Никто из благородных не получил ни цара-пины. На Сенатской остались лежать мерт-выми более тысячи обманом выведенных солдат и зевак из простонародья — таков печальный и закономерный итог. Гвардей-ское Столетие завершилось совершенно бес-славно для гвардии.

Буквально через несколько месяцев, как мы помним, султан Махмуд Второй сметет картечью своих зажавшихся и обленившихся янычар...

Южный нарыв

На Юге все обошлось меньшей кровью и кончилось гораздо быстрее.

Сергей Муравьев-Апостол и Бестужев-Рюмин, узнав о случившемся в Петербурге, в последних числах января кинулись поднимать сообщников. Увы, подавляющее большинство тех, кто витийствовал на собраниях и клялся собственноручно прикончить всех тиранов, двух поджигателей слушать не стали. И выступать отказались категорически. Горбачевский подробно описывает, как эта парочка металась по округе, по декабристскому обыкновению будоража членов Южного общества развлекательными байками: мол, все восстали, одни вы топчетесь!

Им не верили, не считали за достойных подчинения главарей. В Пензенском пехотном — облом, в Саратовском... Артамон Муравьев, тот еще вития, отказался поднимать свой Ахтырский гусарский. Отставной полковник Повало-Швейковский, обещавший поднять на бунт чуть ли не всю Вторую армию, попросту спрятался от опасных визитеров...

Пометавшись по округе, как дворняжки с консервной банкой на хвосте, они направи-

лись к своей последней надежде — Черниговскому полку. Там им нечаянно повезло — среди черниговских офицеров сыскалось достаточное количество буйных голов. Правда, командир полка полковник Гебель попытался пресечь беспорядок...

Тогда Гебеля начали убивать. Все с тем же присущим «выдающимся представителям» дворянским благородством и истинно офицерским достоинством...

Вот они, господа офицеры, любуйтесь!

Щепилло бьет Гебеля штыком в живот. Полковник пытается выбежать из избы, но его перехватывает Соловьев и валит на пол. Подбегает Кузьмин. Гебеля колют шпагами, штыком, бьют прикладом. Появляется Сергей Муравьев, отвешивает полковнику затрешины.

Каким-то чудом Гебелю удается все же вырваться во двор, но там его догоняет Муравьев и принимается лупить ружейным прикладом по голове. Горбачевский вспоминает, что вид окровавленного Гебеля заставил чувствительного Соловьева «содрогнуться». Соловьев выскочил в окно, чтобы «как можно скорее кончить сию отвратительную сцену»...

Правда, кончить ее Соловьев намеревался весьма оригинально — «схватил ружье и сильным ударом штыка в живот повергнул Гебеля на землю. Обратясь потом к С. Муравьеву, стал его просить, чтобы он прекратил бесполезные жестокости над человеком, лишенным возмож-

ности не только им вредить, но даже защищать свою собственную жизнь».

Определенно что-то было не в порядке с головой и у Соловьева, и у Горбачевского, если один подобным образом «прекращал жестокости», а другой это сочувственно описывал.

Мучения Гебеля на этом не кончились. Муравьев от него, правда, отстал, но выскочил Кузьмин и вновь принялся рубить шпагой.

Окровавленного полковника бросили посреди улицы, там его подобрал какой-то рядовой, уложил на сани и отвез в дом местного управителя. Муравьев, узнав об этом, намеревался все же нагрянуть туда и Гебеля добить, но от этой идеи пришлось отказаться — управитель собрал к себе в дом немало вооруженных крестьян. Похоже, он-то расценивал события не как славную революцию, а как примитивный бунт...

Впрочем, рядовые участники «черниговского» мятежа и не подозревали, что они мятежники. Сергей Муравьев-Апостол в лучших декабристских традициях в два счета смастерил фальшивый приказ, согласно которому он был назначен вместо Гебеля полковым командиром. И объявил, что полк выступает... поддерживать законного императора Константина против всевозможных «узурпаторов». Та же брехня, что и в Петербурге, но как иначе поднять солдат? Не болтовней же о парламентской республике...

Что интересно, на следующий день Муравьев-Апостол послал полкового адъютанта... из

виниться перед женой изувеченного (14 ран от холодного оружия, сломанная рука) Гебеля. Вспомнил о правилах благородного обхождения, надо полагать.

Жена Гебеля велела передать Муравьеву: «Она благодарна и за то, что уже сделано». Муравьев утерся.

Между прочим, когда Муравьев поднял бунт, явственно замаячил призрак пугачевщины. Группа солдат поняла «свободу» на свой манер. Они ворвались в дом Гебеля и, как сообщает Горбаневский, «оскорбляли несчастную жену своего командира, а некоторые даже предлагали убить ее вместе с малолетними детьми». Сухинову удалось выгнать их из дома, только махая саблей под носом и угрожая убивать к чертовой матери. Но далась эта победа с превеликим трудом, «солдаты вздумали обороняться, отводя штыками сабельные удары, и показывали явно, что даже готовы покуситься на жизнь любимого офицера». Наглядная иллюстрация в доказательство правоты тех, кто считает, что «потрясение основ» очень быстро обернулось бы анархией, всеобщим бунтом и совершеннейшим хаосом. Уж если «любимого офицера» солдаты были готовы поднять на штыки, посторонним пришлось бы и того хуже, вздумай они помещать вольнице...

Дальше все было просто, жестоко и вполне предсказуемо. Самозванный командир Муравьев повел полк бездорожьем, чтобы еще кого-

нибудь поднять, причем немало офицеров успели к тому времени разбежаться. Вскоре их остановил заслон правительственных войск. Залп из орудий, картечь стелется над полем, гусары окружают бегущих и сгоняют в кучу, как овец...

Здесь, правда, в отличие от Петербурга, «белая кость» все же чуточку страданаула: Щепилло картечь положила на месте, а троих офицеров ранила. Но погибло и восемьдесят человек «из простых», увлеченных в поход обманом...

Есть какая-то зловещая мистика в этом совпадении фамилий: в Петербурге лютовал Щепин, на юге — Щепилло...

Да, исторической точности ради следует упомянуть, что в Полтавском пехотном полку все же произошло выступление «революционных офицеров». Заключалось оно в том, что два «пылких и решительных», по аттестации Горбаневского, сопляка, поручик Троцкий и подпоручик Трусов, на утреннем построении полка «обнажили шпаги и, выбежав вперед, закричали:

— Товарищи солдаты, за нами! Черниговцы восстали: стыдно нам от них отстать! Они сражаются за вашу свободу, за свободу России, они надеются на нашу помощь. Пособим им, вперед, ура!»

Командир полка Тизенгаузен отдал приказ, обоих крикунов тут же схватили, связали и отвели на гауптвахту. Тем и кончилась революция в Полтавском полку.

Троцкий и Трусов определенно были неопытными борцами за народное счастье, не прошедшими выучки у старших товарищей — имели глупость кричать о свободе, а не декламировать поддельные манифесты от имени императора Константина и супруги его Конституции...

Слезы капали

Как они вели себя на следствии?

Как слякоть. Умели пакостить, но не умели отвечать. Трубецкой на первом же допросе упал на колени и молил о прощении. Каховский заливался слезами. Пестель мрачно и сосредоточенно выдавал всех, кого только мог вспомнить — правда, как уже рассматривалось, не из трусости, а в силу своих идей.

Остальные виляли, крутили, изворачивались неумело и неуклюже. Панов, мы помним, уверял, будто случайно забежал в главные ворота Зимнего дворца, понятия не имея, что за домишко там располагается — столичный гвардеец, великолепно знавший Петербург.. Оболенский, ударивший Милорадовича штыком в спину, с честными глазами объяснял, что он-де так неудачно споткнулся, пытаясь просто «отстранить ружьем» лошадь генерала — а его, не повышая голоса, уличали свидетельскими показаниями...

Рылеев... Ну, тут уж слово авторам той самой книги «Бунт декабристов», изданной в пролетарском Ленинграде в 1925 году.

«Рылеев, мучительно переживавший крушение своей общественной работы и еще более страх грядущей вечной, может быть, разлуки с семьей, после ареста был сразу же доставлен на допрос к императору. В бессильном гневе на Трубецкого за его «измену» Рылеев на первом же допросе указал, что Трубецкой должен был принять начальство на Сенатской площади, что «неявка Трубецкого главная причина всех беспорядков и убийств, которые в сей несчастный день случились», и признался, что Тайное общество «точно существует». А далее Рылеев «почел долгом совести и честного гражданина» предупредить Николая о том, что и на Юге, в полках около Киева, тоже есть Тайное общество и что нужно «взять меры, дабы там не вспыхнуло восстание», «Трубецкой, — добавил он, — может назвать главных».

И там же — о Трубецком. В слезах целовавшем руки Николая и молившем: «Жизнь, ваше величество, жизнь!»

Александр Дмитриевич Боровков, правитель дел Следственной комиссии, в своих «Автобиографических записках» оставил основанные на собственных долгих наблюдениях характеристики декабристов...

«Полковник князь Трубецкой. Надменный, тщеславный, малодушный, желавший действовать, но по робости и нерешительности ужасавшийся собственных предначертаний — вот Трубецкой. В шумных собраниях, перед началом мятежа в С.-Петербурге, он большею ча-

стью молчал и удалялся, однако единогласно избран диктатором, по-видимому, для того, чтобы во главе восстания блистал княжеский титул знаменитого рода. Тщетно ожидали его соумышленники, собравшиеся на Петровскую площадь: отважный диктатор бледный, растрепанный просидел в Главном штабе Его Величества, не решившись высунуть носу. Он сам признал себя виновником восстания и несчастной участи тех, кого вовлек в преступление своими поощрениями (так в оригинале), прибавляя хвастливо, что если бы раз вошел в толпу мятежников, то мог бы сделаться исчадием ада... Судя по его характеру — сомнительно».

«Полковник Пестель. Пестель, глава Южного общества, умный, хитрый, просвещенный, жестокий, настойчивый, предприимчивый. Он безпресстанно (так в оригинале) и ревностно действовал в видах общества; он управлял самовластно не только южною думкою, но имел решительное влияние и на северную. Он, безусловно, господствовал над всеми членами, обворожил их обширными, разносторонними познаниями и увлекал силою слова к преступным его намерениям. Равнодушно по пальцам считал он число жертв, обрекаемых им на умерщвление. Для произведения этого злодейства предполагал найти людей вне общества, которое после удачи, приобретя верховную власть, казнило бы их, как неистовых злодеев, и тем очистило бы себя в глазах света. Замыс-

ловатее не придумал бы и сам Макиавель! Если бы он успел достигнуть своей цели, то, по всей вероятности, не усомнился бы пожертвовать соумышленниками, которые могли бы затемнять его. Пестель чинил «Русскую правду» в республиканском духе».

«Поручик Каховский. Неистовый, отчаянный и дерзкий. В собрании общества, за два дня до мятежа, он с запальчивостью кричал: ну, что ж, господа! еще нашелся человек, готовый пожертвовать собою! Мы готовы для цели общества убить кого угодно».

В нетерпении своем Каховский накануне восстания говорил: «С этими филантропами ничего не сделаешь, тут надобно резать, да и только!» Неистовство Каховского проявлялось и в самом действии: во время мятежа он прогнал митрополита Серафима, подошедшего с крестом в руках увещевать заблудших; он пистолетными выстрелами убил графа Милорадовича, полковника Стюрлера и ранил свитского офицера».

«Полковник Артамон Муравьев. Вот другой неистовый только на словах, а не на деле. Суетное тщеславие и желание казаться решительным вовлекли его в общество... с бешеною запальчивостью настаивал о неотложном ускорении возмущения, но когда оно проявилось в Василькове, к нему приехал Андреевич 2-й с приглашением присоединиться, Муравьев отвечал: «Уезжайте от меня ради Бога! Я своего полка не поведу, действуйте там, как хотите,

меня же оставьте, не губите, у меня семейство!»

Это — личные заметки Боровкова. В официальных характеристиках, которые он составлял для императора, Боровков сохранял предельную объективность, убирая эмоции.

Вряд ли его оценки можно признать преувеличенно-карикатурными. Все, что мы уже узнали о декабристах, прекрасно соответствует мнению Боровкова...

К тому же есть множество других свидетелей, писавших в том же ключе. Вот что вспоминал о Рылееве отлично его знавший Н. И. Греч: «Воротимся к Рылееву. Откуда залезли в его хамскую голову либеральные идеи? Прочие заговорщики воспитаны были за границею, читали иностранные книги и газеты, а этот неуч, которого мы обыкновенно звали цвибелем, откуда набрался этого вздору? Из книги «Сокращенная библиотека», составленной для чтения кадет учителем корпуса, даровитым, но пьяным Железниковым, который помещал в ней целиком разные республиканские рассказы, описания, речи из тогдашних журналов. Заманчивые идеи либерализма, свободы, равенства, республиканских доблестей ослепили молодого необразованного человека! Читай он по-французски и по-немецки, не говорю уже по-английски, он с ядом нашел бы и противоядие. За улыбающимися обещаниями и светлыми мечтами 1789 года разверзла бы перед ним пасти свои гидра 1793 года!.. Рылеев был не злоумышлен-

ник, не формальный революционер, а фанатик, слабоумный человек, помешавшийся на пункте конституции. Бывало, сядет у меня в кабинете и возьмет «Гамбургскую газету», читает, ничего не понимая, строчка за строчкою, дойдет до слова Constitution, вскочит и обратится ко мне: «Сделайте одолжение, Николай Иванович, переведите мне, что тут такое. Должно быть очень хорошо!»

Воспоминания Греча никак нельзя назвать пасквилем — он написал о тридцати с лишним декабристах, всегда сохраняя объективность, а иногда, на мой взгляд, проявляя и излишнюю мягкость. Вот он про Оболенского: «Благородный, умный, образованный, любезный, пылкого характера и добрейшего сердца». И ни словечка о том, как Оболенский добивал саблей раненого Стюрлера и ударил Милорадовича штыком в спину..

Кстати, о Рылееве Греч приводит и совершенно противоположное суждение: «В одном отношении Рылеев стоит выше своих соучастников. Почти все они, замышляя зло против правительства и лично против государя, находились в его службе, получали чины, ордена, жалованье, денежные и другие награды. Рылеев, замыслив действовать против правительства, перестал пользоваться его пособием и милостями».

Вернемся к Следственной комиссии. Картина будет неполной, если не упомянуть об одном препикантнейшем моменте: наряду с дру-

гими в ней заседал генерал-адъютант П. В. Голенищев-Кутузов... один из заговорщиков 1801 года! Сам он, правда, императора табакеркой в висок не бил и шарфом не душил, но был одним из тех, кто вошел тогда с Паленом в Михайловский замок, а значит, с полным на то правом может быть поименован «цареубийцей».

Кое-кто из декабристов не удержался от язвительных замечаний. Когда следователи повышали на них голос или чересчур уж укоряли в «цареубийственных замыслах», они не без сарказма чуть ли не открытым текстом уточняли: у них, по крайней мере, были всего лишь неосуществленные замыслы, а вот тут, совсем близехонько, если присмотреться, есть кое-кто, участвовавший в убийстве самодержца... Известно, что подобные ехидные реплики отпускали и Николай Бестужев, и Штейнгель, и Пестель...

Крыть было нечем. Как к декабристам ни относиться, но в данном случае возразить нечего: среди тех, кто судит мятежников, мягко говоря, неуместно присутствие цареубийцы, не понесшего никакого наказания...

Тени за сценой

Давным-давно писано и переписано, что Следственная комиссия с некоторых пор, следуя прямому приказу Николая, не стала копать

глубоко. «Глубокая вспашка» наверняка позволила бы отправить на каторгу в несколько раз больше виновных, чем их туда угодило. Слишком многие отделались легким испугом за те же грешки, за которые другие надели каторжные халаты. Найдено и объяснение: Николай, непрочно сидевший на престоле, не хотел широкими репрессиями обострять отношения с дворянством.

Это объяснение истине, в общем, наверняка соответствует. Но фокус тут в том, что все было гораздо сложнее, запутаннее, изощреннее, коварнее. Слишком просто было бы полагать, что вся загадка в том, будто «декабристов было больше, и иные остались невыявленными». Загадки на этом не кончаются.

Очень уж их много. События «дня Фирса» никак не умещаются в примитивное противостояние «Николай — мятежники». И В. О. Ключевский, пожалуй, зря назвал декабристов «исторической случайностью, обросшей литературой»....

Опять-таки давным-давно подмечено, описано подробно предельно странное поведение графа Милорадовича — генерал-губернатора столицы, располагавшего шестьюдесятью тысячами штыков и разветвленной агентурной сетью собственной тайной полиции. Граф явно вел какую-то свою игру.

Еще 12-го декабря Милорадович получил от Николая список заговорщиков, в том числе находившихся в Петербурге Рылеева и Бесту-

жева. Тогда же было принято решение немедленно их арестовать.

Но Милорадович этого решения не выполнил! Николай писал потом: «Граф Милорадович должен был верить столь ясным уликам в существовании заговора и в вероятном участии других лиц, хотя о них не упоминалось; он обещал обратить все внимание полиции, но все осталось тщетным и в прежней беспечности».

Схожие свидетельства оставил адъютант Милорадовича Башуцкий: «...генерал-губернатор непрерывно получал записки, донесения, известия, по управлению секретной части была замечена особая хлопотливость, все люди Фогеля (начальник тайной полиции графа — А. Б.) были на ногах, карманная записная книжечка графа была исписана собственными именами, но он не говорил ничего, не действовал... в книжке этой, найденной по смерти графа на его столе, были вписаны его рукою почти все имена находившихся здесь заговорщиков».

Милорадович мог расправиться с мятежом еще до его начала... но явно не хотел!

Между прочим, Трубецкой упорно твердил на следствии, что именно Милорадович в некотором роде был «соавтором» мятежа, поскольку до последнего момента скрывал от всех полное и бесповоротное отречение Константина от престола: «Если б это объявление не было скрыто, а было объявлено всенарод-

но, то не было бы никакого повода к сопротивлению в принятии присяги Николаю и не было бы возмущения в столице».

В самом деле, при таком обороте дел уже не увлечешь солдат сказочками о посаженном в цепи Константине...

Милорадович сам рассказывал известному драматургу Шаховскому, как, получив известие о смерти императора Александра, разговаривал с великим князем Николаем.

Он требовал, чтобы Николай немедленно присягнул Константину. Когда Николай заикнулся, что, по словам его матери, в Государственном совете, в Сенате и Успенском соборе лежат запечатанные пакеты с завещанием покойного, Милорадович настоял, чтобы Николай сначала присягнул, а уж потом они будут вскрывать пакеты и знакомиться с последней волей усопшего...

Шаховской резонно заметил: а если Константин все же не отречется? Что-то слишком уж смело поступает граф и много на себя берет...

Милорадович, ухмыляясь, хлопнул себя по карману:

— Имея здесь шестьдесят тысяч штыков, можно быть смелым!

А ведь все знали уже, что Константин отрекся от престола!

С этими воспоминаниями перекликаются свидетельства принца Евгения Вюртембергского. В беседе с ним Милорадович крепко сомневался, что войска удастся привести к при-

сяге Николаю — гвардия, мол, «очень привержена Константину».

Принц удивился:

— Коли уж Константин отрекся, престол естественным образом переходит к Николаю. При чем здесь гвардия?

Милорадович ответил загадочно:

— Ей бы не следовало тут вмешиваться, но она привыкла к тому и сроднилась с такими понятиями...

Этот разговор произошел то ли 8-го, то ли 9-го декабря. Получается, уже тогда Милорадович знал, что гвардия вмешается? Откуда?

В доме Милорадовича, оказывается, своим человеком был Якубович. Другой вхожий к графу офицер, полковник Глинка, членом тайного общества не был, но у Рылеева бывал частенько и о замыслах знал...

А если вспомнить, что 14-го декабря Якубович и Булатов не выполняли поручения Трубецкого, а действовали в соответствии с указаниями руководителя «заговора внутри заговора» Батенькова, получается совсем интересно. Батеньков как раз был за то, чтобы ничего не захватывать, а попросту с самого начала встать у памятника, провести чистой воды демонстрацию, пойти на переговоры с Николаем, начать торг... Так что Якубович и Булатов не трусили, отказавшись занимать назначенные им объекты, а выполняли другой приказ — человека, которому повиновались по-настоящему...

К этому тесно примыкает история с Ростовцевым. Он выдает Николаю замыслы мятежников, но руководители восстания относятся к этому со странным спокойствием, а Оболенский настаивает, что Ростовцев никого не предавал, мало того, выполнял самые ответственные поручения «штаба»!

А потому не вчера и не сегодня родилась версия, что «сообщение Ростовцева» не было доносом. Что Ростовцев всего лишь выполнял инструкцию руководителей Общества, пытавшихся запугать Николая заранее и обойтись без шумихи с выводом войск...

Не один Милорадович вел себя странно. Унтер-офицер Шервуд, сообщивший Аракчееву о существовании Южного общества еще в последние дни жизни императора Александра, отмечал загадочное поведение генерала. Шервуд, отправив Аракчееву сообщение, добавил в конце, что просит срочно прислать к нему в Харьков доверенного человека, которому можно изложить те подробности, что никак нельзя доверять бумаге...

Аракчеев молчит. И не реагирует десять дней!

Шервуд писал позже: «Не будь этого промедления, никогда бы возмущения 14 декабря на Исаакиевской площади не случилось; затеявшие бунт были бы заблаговременно арестованы... не знаю, чему приписать, что такой государственный человек, как граф Аракчеев, которому столько оказано благодеяний импе-

ратором Александром I и которому он был так предан, пренебрег опасностью, в которой находилась жизнь государя и спокойствие государства...»

А в самом деле, чему приписать столь странное бездействие? Учитывая, что Шервуд сообщает о планах Пестеля арестовать императора Александра вместе с семейством? Не дождавшись ответа от Аракчеева, Шервуд обратился непосредственно к Александру, но царь действует со странной медлительностью...

Может быть, Александр уже никому не верит?

А вскоре он умрет — и Аракчеев затаится, маяча где-то в отдалении и никак себя не проявляя в событиях 14-го декабря.

Зато в «день Фирса» чертовски странно ведет себя и начальник всей гвардейской пехоты генерал Бистром.

Николай I: «Станным казалось тоже поведение покойного Карла Ивановича Бистрома, и должен признаться, что оно совершенно никогда не объяснилось... в минуту бунта Бистрома нигде не можно было сыскать; наконец он пришел с лейб-гвардии Егерским полком, и хотя долг его был — сесть на коня и принять начальство над собранной пехотой, он остался пеший в шинели перед Егерским полком и не отходил ни на шаг от оногo под предлогом, как хотел объяснить потом, что полк колебался, и он

опасался, чтоб не пристал к прочим заблудшим... Поведение генерала Бистрома показалось столь странным и малопонятным, что он не был вместе с другими генералами гвардии назначен в генерал-адъютанты, но получил сие звание позднее...»

Это еще не все подробности. Бистром, непонятно для какой цели, долго объезжает в тот день гвардейские полки — якобы для того, чтобы проследить за принесением присяги Николаю, но...

Измайловцы давным-давно присягнули, но Бистром торчит у них. Зато надолго задерживает присягу Егерского полка — так, что тамошние командиры начинают откровенно нервничать. А потом, как и описывал Николай, стоит перед своим полком — Егерским он командовал двенадцать лет, солдаты пошли бы за ним куда угодно. И они, что характерно, не хотели поначалу присягать Николаю...

Одним словом, Бистром чего-то выжидал, стоя во главе преданного ему полка. Чего? Распространения мятежа?

Кстати, Оболенский был его адъютантом. И Оболенский, и Ростовцев были соседями генерала по квартире, у них в последние перед восстанием дни устраивались многочисленные офицерские сборища, о которых Бистром не мог не знать...

В своих показаниях и Трубецкой, и другие утверждали, что к мятежу были причастны и

достаточно высокие сановники государства: П. И. Сумароков, М. В. Сперанский. Сейчас принято считать, что Трубецкой их «оговорил». А если — нет?

Сильные подозрения существовали на счет адмиралов Сенявина и Мордвинова, людей с репутацией «либералов». Косились на генерала Ермолова...

12-го декабря на совещании у Рыльева барон Штейнгель, человек в годах, занимавший в свое время серьезные государственные должности, предлагал совершить выступление в пользу вдовствующей императрицы Елизаветы Алексеевны, приведя массу неких оставшихся нам неизвестными доводов, которым Рылеев вроде бы не нашел что возразить. Штейнгель вызвался даже составить манифест «в этом смысле».

Что это было — импровизация или попытка претворить в жизнь чьи-то планы?

И наконец, современный историк М. М. Сафонов пишет:

«При дворе у нее (Марии Федоровны, вдовы Павла, матери Александра, Николая, Константина и Михаила — А. Б.) была своя — немецкая партия. Основу ее составляли родной брат вдовствующей императрицы Александр Вюртембергский, главноуправляющий ведомством путей сообщения, и Е. Ф. Канкрин, также германского происхождения, министр финансов. Стронниками Марии Федоровны были председатель Госу-

дарственного совета П. В. Лопухин и замещающий его на этом посту А. Б. Куракин. Мария Федоровна возглавляла ряд благотворительных учреждений и весьма успешно занималась коммерцией на почве благотворительности. Она была связана с финансовыми вельможно-аристократическими кругами, объединенными интересами Российско-Американской компании, которая стремилась направить русскую экспансию в Северную Америку, в Калифорнию, на Гаити, Сандвичевы (Гавайские) острова. Для осуществления своих грандиозных планов эти круги нуждались в своем монархе и желали видеть на престоле слабую женщину. Мария Федоровна была самой подходящей кандидатурой для них. В числе сторонников вдовы Павла был военный губернатор Петербурга М. А. Милорадович, которому в те дни, по-видимому, уже мерещилась будущая роль Орлова, Потемкина или Платона Зубова».

Вот этот вариант лично мне представляется крайне правдоподобным, поскольку основан не на романтических «стремлениях к свободе», а на приземленной экономике. К сожалению (о чем я уже подробно писал в первой части), за последних два столетия среди историков по всему миру было слишком много «романтиков» и слишком мало тех, кто ставил экономику во главу угла. Самому яркому представителю этого направления М. Н. Покровскому фатальным образом не везло: сначала его ото-

двинули в тень при Сталине, обвинив в «вульгаризаторстве» истории, а в новой, независимой России, не прочитав толком, записали от невеликого ума в «сталинисты» (правда, в последние годы ему отдал должное в интереснейшей книге «Россия. Периферийная империя» Борис Кагарлицкий).

Честно признаюсь: при всем моем уважении к государю Николаю Павловичу виртуальность, о которой пишет Сафонов, представляется прямо-таки идеальным выходом для России: у руля страны стоят не замшелые аристократы, а финансово-торгово-промышленные круги, распространяющие экспансию в Северную Америку. При слабости тогдашних Северо-Американских Соединенных Штатов и имевшихся уже у России позициях в Новом Свете наша планета могла бы стать совершенно неузнаваемой. Ах, какой сюжет для фантаста! Если какая-нибудь зараза перехватит, морду набью!

Между прочим, Рылеев как раз и служил в Российско-Американской компании...

Сафонов о хитросплетениях «дня Фирса»: «...Если Штейнгель и Батенков настаивали на прежнем варианте действий, который предполагал ввести конституцию посредством совершения дворцового переворота в пользу Марии Федоровны*, то Рылеев и Трубецкой задумали

* Тут какая-то неувязка: Штейнгель определенно говорил не о Марии Федоровне, а о Елизавете Алексеевне.

совершить переворот государственный, предполагавший захват дворца, арест императорской фамилии, проведение радикального социального переворота. Их план строился на предположении, что противники Николая запустят в ход механизм дворцового переворота, а лидеры тайного общества сумеют овладеть ситуацией и сыграть свою игру. Примечательно, что главной ударной силой восставших должен был стать Гвардейский морской экипаж».

Как видим, версии и гипотезы появляются до сих пор. Но, боюсь, по скудости сохранившихся сведений нам уже не установить со стопроцентной точностью, чего же хотели различные группировки и сколько их было вообще. Одно ясно: события 14-го декабря 1825 года — это то ли матрешка, то ли головоломка со множеством загадочных ходов, уровней и потайных отделений. Современники событий наверняка знали и понимали гораздо больше, чем мы сегодня. Но Николай I, вынужденный к тому серьезнейшими обстоятельствами, запретил, в конце концов, работать вглубь и вширь. И осталась одна-единственная версия: о полутора сотнях «злоумышленников», которые и вывели солдат. А уж потом только одну эту версию изучали скрупулезнейшим образом, вынося оценки согласно требованиям времени, идеологическим пристрастиям и настроениям эпохи.

Люди с другой стороны

Но вот что интересно: при Николае, в первые же годы после разгрома декабристского мятежа, родилась еще одна версия — точнее, мотивы тайного общества...

Офицеры Третьего отделения отчего-то все-ррез полагали, что основным мотивом, подвигнувшим декабристов на мятеж, было... желание освободиться от своего кредитора, то есть — императорской фамилии!

Шеф жандармов Леонтий Васильевич Дубельт (именно так, с двумя «б», его фамилия тогда писалась) так и утверждал в своем докладе (подчеркиваю, строго секретном, отнюдь не предназначавшемся для всеобщего распространения!): «Самые тщательные наблюдения за всеми либералами, за тем, что они говорят и пишут, привели надзор к убеждению, что одной из главных побудительных причин, породивших отвратительные планы «людей 14-го декабря», было ложное утверждение, что занимавшее деньги дворянство является должником не государства, а императорской фамилии. Дьявольское рассуждение, что, отделавшись от кредитора, отделываются от долгов, заполняло главных заговорщиков, и мысль эта их пережила...»

А ведь это версия, господа! Крайне интересная и серьезная!

В самом деле, к 1825 году большая часть дворянских имений была заложена в Кресть-

янском банке. Дворянство российское в большинстве своем жило в кредит. Маркиз де Кюстин, посетивший Россию в 1839 году, писал, что император является «не только первым дворянином своего государства, но и первым кредитором своего дворянства».

Почему бы не поискать в этом направлении? Нужно всего лишь вдумчиво покопаться в архивах. И если обнаружится, что имения «людей 14-го декабря» и в самом деле были заложены в казну, все подозрения превратятся в уверенность, и Дуббельт окажется абсолютно прав...

Тьфу ты! Анненков!

Незадолго до «дня Фирса» Анненков заложил несколько принадлежавших ему деревень — естественно, по правилам того времени, вместе с «душами». При аресте у него отобрано шестьдесят восемь тысяч рублей. Но это далеко не вся сумма. В июле 1825-го за четыреста восемнадцать своих «душ» Анненков получил от Московского опекунского совета восемьдесят три тысячи рублей. Стало быть, прокутил тысяч пятнадцать — зная его привычку к разгульной жизни, нет сомнений, что именно прокутил... Интересный вопрос: нужно ли было ему отдавать эти деньги, если в результате победы заговорщиков перестали бы существовать и учреждения посолднее Опекунского совета?

Вот вам и мотив — с пылу с жару! По крайней мере, в отношении одного-единственного

«карбонария» можно говорить уверенно: был должен и надеялся, что революция его долги спишет к чертовой матери!

И, коли уж возвращаться к экономике, то какова была ситуация перед 14-м декабря?

После падения Наполеона рухнула установленная им «континентальная блокада» Англии, и на международный рынок были выброшены огромные запасы товаров, прежде не находившие сбыта — в том числе и зерно. Западно-европейское зерно. Следовательно, сократился экспорт зерна из России:

1817 год — 143,2 миллиона пудов.

1820 год — 38,2 миллиона пудов.

1824 год — 11,9 миллиона пудов.

Вдобавок цены на Берлинской бирже упали втрое!

Что отсюда проистекает? Из этой скучной экономики?

Да то, что помещики российские, чье благосостояние основывалось главным образом на вывозе зерна, резко обеднели! Да и государство тоже: с 1820 по 1822 год государственный доход сократился с 475,5 миллиона рублей ассигнациями до 399,0 миллиона рублей. Дефицит бюджета вырос с 24,3 миллиона рублей до 57,6 миллиона. Осенью 1825 года министр финансов Канкрин писал Аракчееву: «Внутреннее положение промышленности от низости цен на хлеб постепенно делается хуже, я, наконец, начинаю терять дух. Денег нет».

И тут появляются декабристы. Бестужев весной 1826 года пишет из Петропавловской крепости Николаю: «Мелкопоместные составляют язву России; всегда виноватые и всегда ропщущие и желая жить не по достатку, а по претензиям своим, мучат бедных крестьян своих нещадно... 910 имений в России распродано и в закладе».

Что же, будем и дальше насмеяться над тем мотивом, что предложил в своем докладе Дуббельт?! Лично я не намерен.

Поговорим лучше о жандармах, в которых нас приучили видеть едва ли не монстров, грызущих по ночам человеческие кости...

Это опять-таки набрало разгон отнюдь не при Советской власти. В упоминавшемся не раз Энциклопедическом словаре Павленкова начальнику Третьего отделения Александру Христофоровичу Бенкендорфу, разумеется, досталось на орехи. Вскользь упоминается, что он «в 1806—1814 гг. отличился в войнах с французами» чем боевые подвиги Бенкендорфа отнюдь не исчерпываются, но далее автор статьи припечатывает: «Один из деятелей, имевших очень недоброе значение в жизни Пушкина». С Леонтием Васильевичем Дуббельтом обошлись и вовсе уж бесцеремонно: «Был предметом всеобщего ужаса в виду своей деятельности».

Этот «ужас всеобщий» существовал только в воспаленных мозгах немногочисленных либералов вроде Герцена, которого Греч, не миндальничая, печатно называл «скотом»,

именно Герцен-Искандер из уютного лондонского далека пускал в оборот перлы вроде: «Бенкендорф образовал целую инквизиционную армию наподобие тайного общества полицейских масонов, которое от Риги до Нерчинска имело своих братьев-шпионов и сыщиков».

Бог ему судья. Как мы помним, даже в 1861 году численность сотрудников Третьего отделения составляла тридцать два человека. Такая «могучая кучка», даже если бы работала по двадцать пять часов в сутки, не смогла бы создать ничего даже отдаленно напоминавшего ночные лондонские кошмары Герцена после несвежих устриц. Тем более что сам Герцен, против всякой логики опровергая собственные «страшилки», писал как-то: «Нельзя быть шпионом, торгашом чужого разврата и честным человеком, но можно быть жандармским офицером, не утратив всего человеческого достоинства».

Бесстрастная статистика свидетельствует, что с 1827 по 1846 год в Сибирь было сослано всего четыреста сорок три человека по политическим мотивам, причем подавляющее большинство из них составляли поляки, участники восстания 1830—1831 годов. И одновременно в течение того же периода в Сибирь было сослано триста пятьдесят восемь человек — за ложные доносы! Актер П. П. Каратыгин вспоминает о Бенкендорфе и Дуббельте, что они «презирали доносчиков-любителей, зная очень

хорошо, что в руках подлецов донос часто бывает орудием мести».

Многие ли знают, что в рабочей практике Третьего отделения политические дела, собственно говоря, стояли на последнем месте?

Вот точный перечень просьб и жалоб, которыми занималось Третье отделение.

«Просьбы.

а) содействие к получению удовлетворения по документам, не облеченным в законную форму;

б) освобождение от взысканий по безденежным заемным письмам и тому подобным актам;

в) в пересмотр в высших судебных местах дел, решенных в низших инстанциях, остановление исполнения судебных постановлений;

г) отмена распоряжений правительственных мест и лиц; восстановление права апелляции на решения судебных мест;

д) домогательство о разборе тяжёбных дел вне порядка и правил, установленных законами;

е) помещение детей на казенный счет в учебные заведения;

ж) причисление незаконных детей к законным вследствие вступления родителей их в брак между собою;

з) назначение денежных пособий, пенсий, аренд и наград;

и) рассрочка и сложение казенных взысканий;

й) возвращение прав состояния, облегчение участи состоящих под наказанием, освобождение содержащихся под стражею;

к) с представлением проектов по разным предприятиям и изобретениям.

Жалобы были двух родов: а) на поступки частных лиц и б) на действия присутственных мест и должностных лиц.

Жалобы первого рода:

а) на личные оскорбления;

б) на нарушение супружеских обязанностей с просьбами жен о снабжении их видами (паспортами — А. Б.) для отдельного проживания и обеспечения их существования за счет мужей;

в) на обольщение девиц;

г) на неповиновение детей родителям и на злоупотребление родительской властью;

д) на неблагоприятные поступки родственников по делам о наследстве;

е) на злоупотребление опекунов;

ж) по делам о подлоге и несоблюдении форм в составлении духовных завещаний.

Жалобы второго рода преимущественно обращены были:

а) на бездействие и медлительность по денежным взысканиям;

б) пристрастие, медленность и упущения при производстве следствий при рассмотрении дел гражданских и уголовных, при исполнении судебных решений и приговоров;

в) на оставление просьб и жалоб без разрешения со стороны начальствующих лиц.

В некоторых просьбах и жалобах заключались, кроме того, указания на злоупотребление частных лиц по взносам казенных пошлин, по порубке, по поджогу казенных лесов, по питьевым откупам, по подрядам и поставкам и т. п.».

Интересно, много ли остается времени у жандармов после того, как они обязаны заниматься любой жалобой, затрагивающей входящие в этот перечень вопросы? Где уж тут выкраивать время, чтобы создавать «армию шпионов от Риги до Камчатки...».

Советский историк тридцатых годов с детской наивностью писал: «17 лет стоял Бенкендорф во главе Третьего отделения и, как это ни странно, не сумел приобрести не то что не любви, а даже ненависти со стороны угнетавшихся Третьим отделением».

Не означает ли это признание, что «угнетавшиеся» существовали только в мозгу почтенного ученого мужа? Реальные современники Бенкендорфа и Дуббельта относились к жандармам, можно сказать, ровно-спокойно, как к неизбежной детали государственного механизма.

А что до «угнетаемых»... Вот два характерных случая, не имеющих никакого отношения к политике.

Крестьяне одной из губерний надоедают властям сообщениями о том, что им-де «известно подземелье, где клад зарыт». В конце концов, доходит до императора. Николай накладывает резолюцию: «Объявить доносите-

лям, что если вздор показывают, то с ними поступлено будет, как с сумасшедшими: хотя бы на сие решиться, и если настаивать будут, то послать».

Донесителям объявляют резолюцию. Они настаивают. С ними посылают жандармского офицера. Не находят ни клада, ни подземелья. Крестьяне ноют, «что судили по преданию и приметам, сами в погребке не были, а поверили другим, и что, впрочем, подземных сокровищ без разрыв-гравы открыть нельзя».

Царское слово нарушать негоже, и следует новая резолюция Николая: «Так как было им обещано, что с ними поступлено будет, как с лишенными ума, то послать их на год в ближний смиренный дом».

Кто-то скажет: «Угнетение!», а лично я скажу: «Но ведь честью предупреждали, чтобы отвязались, пока не поздно, и не дурили голову занятым людям...»

Случай второй. Отставной гвардейский офицер князь Трубецкой увез в неизвестном направлении законную жену сына коммерции советника Жадимировского. Беглецов после долгих поисков отловили жандармы, беглянку вернули мужу, а князя загнали в рядовые на шесть лет.

Кто-то скажет: «Угнетение!», а я скажу: «Блядовать нужно не так демонстративно...»

Как-то совсем уже забылось, что Дуббельт сам проходил по делу декабристов... Греч: «Одним из первых крикунов-либералов» в Южной

армии был знаменитый впоследствии начальник Штаба жандармов Леонтий Васильевич Дуббельт. Когда арестовали участников мятежа, все спрашивали: «Что же не берут Дуббельта?».

Оттого, что Дуббельт, надо полагать, не запачкался. Вовремя понял, где следует остановиться, и вместо либеральных воплей занялся реальным делом. Снова Греч: «...Дуббельт ...вел себя, как честный и благородный человек, если не сделал много добра, то отвратил много зла и старался помочь и пособить всякому».

А не угодно ли отрывок из воспоминаний одного очень известного человека, относящийся ко времени задолго до 1825 года?

«В числе сотоварищей моих по флигель-адъютантству был Александр Христофорович Бенкендорф, и с этого времени мы были сперва довольно знакомы, а впоследствии — в тесной дружбе. Бенкендорф тогда воротился из Парижа при посольстве и, как человек мыслящий и впечатлительный, увидел, какую пользу оказывала жандармерия во Франции. Он полагал, что на честных началах, при избрании лиц честных, смысленных, введение этой отрасли соглядатаев может быть полезно и царю, и отечеству, приготовил проект о составлении этого управления и пригласил нас, многих своих товарищей, вступить в эту когорту, как он называл, добромыслящих, и меня в их числе; проект был представлен, но не утвержден. Эту мысль Ал. Хр. осуществил при восшествии на престол Николая».

Знаете, кто этот мемуарист? Декабрист Волконский! Который в свое время был с Бенкендорфом в «тесной дружбе», даже после своего осуждения высоко ценил моральные качества старого приятеля... При другом раскладе — разреши Александр Бенкендорфу учредить «когорту» — Волконский, чего доброго, мог вместо каторжного халата надеть голубой мундир...

Между прочим, с Волконским Бенкендорф в 12-м году воевал в одном партизанском отряде.

И, наконец, самое время привести полную военную биографию Бенкендорфа, взятую из «Военной энциклопедии», вышедшей в одно время со словарем Павленкова... Строго по тексту.

«Род. в 1783 г. В 1803 г., командированный в Грузию, к князю Цицианову, участвовал во взятии крепости Ганжи и делах с лезгинами. В войну 1806—1807 гг. участвовал в сражении под Прейсиш-Эйлау, а затем принял участие в войне с Турцией и в сражении под Рушуком 22 июня 1811 г. во главе Чугуевского уланского полка бросился на неприятеля, обошедшего наш фланг, и опрокинул его; за этот подвиг был награжден орденом св. Георгия 4-й степени. В войну 1812—1814 гг. проявил выдающиеся качества боевого кавалерийского генерала. Командуя авангардом в отряде Винценгероде, участвовал в сражении при Велиже, а затем с 80 казаками установил связь главных наших

сил с корпусом Витгенштейна и произвел смелое и искусное движение на Волоколамск, напав на неприятеля и взяв в плен более 8 тысяч человек; по обратном занятии Москвы, будучи назначен комендантом ея, он захватил 3 тыс. французов в плен и отбил 30 орудий. При преследовании французской армии до Немана состоял в отряде генерал-адъютанта Кутузова* и взял в плен более 6 тысяч человек и 3 генералов. В 1813 г. получил в командование отдельный летучий отряд, с которым в Темпельберге разбил неприятельскую партию и взял в плен 48 офицеров и 750 нижних чинов, за что был награжден орденом св. Георгия 3 степени. Принудив капитулировать город Фюрстенвальде, переправился через Эльбу у Гасельберга, взял Вербен и занял Люнебург. За трехдневное прикрытие своим отрядом корпуса графа Воронцова получил золотую с бриллиантами шпагу. В битве под Лейпцигом командовал левым крылом корпуса Винценгероде, а после нея был отправлен с отдельным отрядом в Голландию, где быстро очистил от неприятеля Утрехт и Амстердам и взял ряд крепостей и

* Это тот самый Павел Васильевич, что участвовал в убийстве Павла и судил декабристов. Он, конечно, царубийца, но еще, из песни слов не выкинешь, герой русско-турецкой войны 1806—1807 годов и войны с Наполеоном. Участвовал во взятии Парижа, как и Бенкендорф. Боевые ордена и золотая сабля за храбрость.

более ста орудий. По освобождении от неприятеля Голландии перешел в Бельгию, занял Лювен и Мехельн. В сражении под Краоном командовал всею кавалерией, а при Сен-Дизье — левым крылом».

Каково? Когда Бенкендорф закончил войну в Париже, ему было всего тридцать. Вот вам классический, без всяких кавычек, герой двенадцатого года! Генерал двенадцатого года... Ни один из воевавших декабристов даже отдаленно похожим послужным списком похвастаться не может.

Дуббельт, кстати, тоже боевой офицер, пусть и не такой заслуженный. Теперь понятно, кто противостоял декабристам? И какой была репутация настоящих, а не рожденных фантазиями Герцена офицеров Третьего отделения?

Потом все переменялось, конечно. Когда закопошились разночинцы, когда столбовые дворяне совместно с люмпенами двинули в народвольты, когда «всякий интеллигентный человек» просто обязан был презирать жандармов... Когда Российская империя покатила под откос.

В «Обзоре общественного мнения», составленном в 1829 году в Третьем отделении, содержится примечательный абзац:

«Молодежь, то есть дворянчики от 17 до 32 лет, составляет в массе самую гангренозную часть империи. Среди этих сумасбродов мы видим зародыши якобинства, революционный и реформаторский дух, выливающийся в разные формы и чаще всего прикрывающийся маркой русского патриотизма. Тенденции, незаметно

внедряемые старшинами в них, иногда даже собственными отцами, превращают этих молодых людей в настоящих карбонариев. Все это несчастье происходит от дурного воспитания. Экзальтированная молодежь, не имеющая никакого представления ни о положении в России, ни об общем ее состоянии, мечтает о возможности русской конституции, уничтожении рангов, достичь коих у них не хватает терпения, и о свободе, которой они совершенно не понимают, но которую полагают в отсутствии подчинения».

К превеликому прискорбию для будущих поколений, авторы этого документа вряд ли подзревали, что составили не обзор умонастроенный в тогдашнем обществе, а долгосрочный политический прогноз. «Революционный и реформаторский дух» со временем только креп, распространяясь до невероятных пределов, а из «зародышей якобинства» вылупились чудовища, перед которыми монстры из голливудских ужастиков меркнут. Потому что наши монстры по внешнему облику совершенно не отличались от обычных людей, и зубы у них были не длиннее, чем надлежит, но в головах у них бродили идеи, вызвавшие грандиозные жертвы...

Мне как-то попались воспоминания светской дамы — не из Рюриковичей, но и не захудалой. Она подробно повествовала, как в семье одного ее знакомого генерала-армейца приключилось «несчастье». Его дочка, умница, красавица, не без образования, вдруг всерьез

собралась, глупышка, замуж за жандармского офицера... Пассаж! Отговаривали всем семейством, от папы-генерала и мамы-генеральши до многочисленной родни — сытой, высокопоставленной, либеральной. И нашу даму привлекли для укрепления рядов. Мотив был прост: жандармский офицер — это нечто настолько низменное и постыдное, что девушке из приличной семьи никак невозможно связать с ним свою судьбу.

Отговорили, в конце концов, всем скопом... Свадьба сорвалась.

Вот такие настроения царили в нашем высшем обществе — всего-то за пару лет до Первой мировой. А мы потом сваливаем всю вину за Октябрь на «кучку большевиков».

Я не помню фамилий, и не тянет уточнять, но лично мне очень хочется верить, что в семнадцатом году именно этого генерала «восставший пролетариат» поставил к стенке, а его генеральшу вдоволь попользовали революционные матросики.

И черт с ними, если честно. Поговорим лучше о том, как наши страдальцы-декабристы стонали, бедные, в тюрьмах и на каторге...

Хранители гордого терпенья

Приведенный здесь рисунок знаменитого Брюллова у человека чувствительного и привыкшего относиться к декабристам восторжен-

Сон декабриста С. Г. Волконского.
Рисунок К. П. Брюллова

но, способен вызвать не одну-единственную горячую слезу, а целый водопад на манер尼亚гарского. Но меж тем...

Боже упаси, я вовсе не хочу сказать, что великий мастер кисти и мастихина погрешил против истины. Брюллов добросовестно изобразил правду.

Точнее, что очень существенно — кусочек правды. Совсем крохотный кусочек...

Вот как до решения своей участи сидел кавалергард Иван Анненков: «В Выборге сидеть было довольно сносно. Офицеры и солдаты были народ добрый и сговорчивый, большой строгости не наблюдалось, комендант был человек простой, офицеры часто собирались в шлосс, как на рауты. Там всегда было вино, потому что у меня были деньги, я рад был угостить, офицеры были рады выпить, и каждый день расходились очень довольные, а комендант добродушно говаривал: «Я полагаюсь на ваше благоразумие, а вы моих-то поберегите». Чувствительные немки, узнав о моей участи, принимали во мне большое участие, присылали выборгские крендели и разную провизию, даже своей работы. Однажды кто-то бросил в окно букет фиалок, который я встретил с чувством глубокой благодарности; цветы эти доставили мне несказанное удовольствие. Так прошло три месяца».

Напоминаю, это государственный преступник описывает свое пребывание в тюремном замке!

Может быть, перед нами счастливейшее исключение из правил? Послушаем декабриста Басаргина...

«Плац-майор каждую неделю присылал мне по пяти рублей (из отобранных при аресте тысячи семисот рублей — А. Б.), и этих денег мне доставало и на табак, и на белый хлеб, и на проч. Посредством сторожа моего я даже абонировался в книжном французском магазине и брал оттуда книги. В крепости (Петропавловской — А. Б.) я прочел все романы того времени Вальтера Скотта, Купера и тогдашних известных писателей... С Луниным и Кожевниковым мы свободно разговаривали. С первым каждый день после обеда я играл в шахматы...»

Скорее правило, чем исключение, а? Вот, кстати, барон Штейнгель жаловался, что его, заарестовавши, на гауптвахте подвергали нешуточным лишениям: за весь день пребывания там он только и скушал, что ломоть белого хлеба с икрой. А Поджио устроил скандал, получив на ужин тушеную телятину — для него это было чересчур уж простое блюдо...

«В той же общей передней (снова гауптвахта — А. Б.) содержались арестанты из Гвардейского экипажа — два брата Беляевых, Бодиско, Акуловых, которым приносили такой же обед роскошный, какой приносили караульным офицерам; крох от их стола было бы достаточно на пропитание такого же числа арестантов», — мемуары барона Розена.

Лореру «добрый сторож» проносил апельсины корзинами...

Вот как они ехали в сибирскую каторгу.

«В Каменске городничий, бывший фельдъегерь, преподнес огромную корзину с вином и припасами всякого рода».

«Повсеместно, от Тобольска до Читинского острога, принимали нас отменно и усердно навязывали булки на сани, укутывая нас, чем могли», — это барон Розен. В Тобольске его с товарищами два дня принимал в гостях полицмейстер Алексеев. Братьев Борисовых встречал на почтовой станции советник красноярского губернского правления Коновалов.

А вот как ехали в Сибирь Басаргин с Фонвизиним: «Фонвизин рассказал мне, что жена... передала ему 1000 руб., которых достанет нам и на дорогу, и первое время в Сибири... Жандармы нам прислуживали... По приезде в Тобольск нас поместили в доме полицмейстера, где и отдохнули мы суток трое... В Тобольске Фонвизин купил повозку, запаслись еще теплым одеялом... В Красноярске губернатор угостил нас с истинным радушием... Приехав на какую-то станцию в Нижнеудинском округе, мы остановились в лучшей квартире одного большого селения... Вскоре по возвращении моем в острог прибыл к нам генерал-губернатор Восточной Сибири Лавинский, ласково обошелся с нами, предложил зависящие от него услуги...»

В каких условиях отбывал срок Басаргин: «Мы выписывали также много иностранных и русских журналов (семь французских и три немецких — А. Б.)... комендант Лепарский посещал нередко нашу тюрьму и обращался с нами самым вежливым образом. Он никогда, бывало, не зайдет в затворенную комнату, не постучавши и не спросивши, можно ли войти... Плац-майор ежедневно обходил нас, принимал от нас просьбы, они большею частью заключались в дозволении выйти куда-нибудь из тюремного замка к коменданту, и был с нами не только ласков, но и почтителен. Прочие офицеры следовали примеру своих начальников. Бывало, нам самим было странно слышать, как унтер-офицер, обходя казематы, говорил: «Господа, не угодно ли кому на работу?» Кто хотел, тот выходил, а нежелающие оставались покойно дома. Эти работы были утомительны и очень часто прекращались на месяц и на два, под самыми пустыми предлогами: или по случаю сильного холода, сильного жара, дурной погоды или существования повальных болезней. Они были те же, что и в Чите, т. е. молонье на ручных жерновах муки, и точно так же, как и там, приходившие на работу садились читать книги, газеты или играть в шахматы. В Петровском нас посетили бывшие генерал-губернаторы Восточной Сибири Сулима и Броневский...»

Вот на одном из иркутских соляных заводов горбится под гнетом непосильного труда Обо-

ленский: «На другой день, после свидания с начальником (за кофе и булками — А. Б.) урядник Скуратов приносит нам два казенных топора и объявляет, что мы назначены в дровосеки и что нам будет отведено место, где мы должны рубить дрова в количестве, назначенном для каждого работника по заводскому положению; это сказано было вслух, шепотом же он объявил, что мы можем ходить туда для прогулки и что наш урок будет исполнен без нашего содействия».

Другими словами, работу Оболенского разложили на менее привилегированных заключенных, добавив им трудов.

А вот и пресловутые рудники, где всего восемь «узников» проработали под землей всего полгода — кстати, без всяких кандалов, вопреки рисунку Брюллова.

Самое интересное, что они сами потом не хотели уходить из-под земли! Потому что в руднике никак нельзя было перетрудиться. Оболенский: «Работа была нетягостна: под землею вообще довольно тепло, но нужно было согреться, я брал молот и скоро согревался». В подземной работе не было назначено никакого ручного труда (т. е. не было нормы выработки — А. Б.); мы работали, сколько хотели, и отдыхали так же; сверх того работа оканчивалась в одиннадцать часов дня, в остальное время мы пользовались полной свободой».

Ничего удивительного, что от безделья Волконского «во глубине сибирских руд» посеща-

ли эротические мечтания, запечатленные Брюлловым со всей добросовестностью. Ничего удивительного, что, узнав о переводе «на чистый воздух», наши «труженики», как вспоминает Оболенский, «единогласно утверждали, что работа под землю нам вовсе не тягостна и что мы ее предпочитаем работе на воздухе... Наши представления не были уважены, и на другой день мы были высланы на новую работу, нам назначенную: часть причин, по которой мы предпочли подземную работу, нами не была высказана...»

Еще бы! Причина была единственная — где еще можно так лодырничать? Но, впрочем, и «работа на чистом воздухе» выглядит тяжелой только с точки зрения белоручки Оболенского. Заключалась она в том, что ему с напарником следовало тридцать раз в день перенести на расстояние в двести шагов восьмидесятикилограммовые носилки с рудой... Всего-то. Две тонны за день. В молодые годы, подрабатывая на железнодорожной станции, автор этих строк с друзьями разгружали вчетвером за день вагон цемента — тонн шестьдесят...

А вскоре, уже через пару месяцев, восьмерку «подземных рудокопов» перевели в Читинский острог, где началось и вовсе уж райское житье, о котором грех не рассказать подробно.

Даже автор классического, апологетического труда «Во глубине сибирских руд. Декабрис-

ты на каторге и в ссылке» А. Гессен ненароком проговорился: «Это была своеобразная тюремная вольница».

Еще бы! В Чите, по тому же Гессену, декабристы всего лишь «чистили казенные хлевы и конюшни, подметали улицы, копали рвы и канавы, строили дороги, мололи зерно на ручных мельницах». Гессен и тут по наивности своей дал полное описание:

«Но и этой работой тюремщики не очень обременяли заключенных... На место работы несли книги, газеты, шахматы, завтрак, самовары, складные стулья, ковры. Казенные рабочие везли тачки, носилки и лопаты.

Приходил офицер и спрашивал:

— Господа, пора на работу! Кто сегодня идет?

Если слишком уж многие сказывались больными и не хотели идти, он просил:

— Да прибавьтесь же, господа, еще кто-нибудь! А то комендант заметит, что очень мало.

— Ну, пожалуй, и я пойду! — раздавались отдельные голоса.

Место работы превращалось в клуб. Кто читал газету, кто играл в шахматы. Солдаты, а иногда и офицеры угощались остатками завтрака декабристов. Когда вдали показывался кто-нибудь из начальников, часовые вскакивали и хватали ружья с возгласом:

— Да что ж это вы, господа, не работаете?

Начальство проходило мимо, и все снова возвращалось в прежнее положение...»

Напоминаю — это пишет советский историк, усердно восхваляющий и превозносящий! Этого бы и достаточно, но грех не добавить к этому разыскания В. Кустова...

Согласно запискам Завалишина, «один каземат получал в год до 400 000 рублей ассигнациями» — на содержание наших народных печальников. Всего пятая часть от сделанных в 1829 году Россией за рубежом займов...

«Когда стало совсем тепло, нас два раза водили в день купаться... снимали железа, а по возвращении опять надевали их». А впрочем, через год и кандалы насовсем сняли...

Но тут возникла другая проблема, классически тюремная. К некоторым приехали жены, и мужья к ним переселились — немногие счастливы. Остальным, людям молодым, тоже, разумеется, жаждалось утех амуровых. Вот и пришлось выходить из положения, кто как сумел...

«Еще в первом самом каземате в Чите начали с того, что стали заставлять мальчишек-каморников приносить тайно водку, поили их допьяна и завели с ними педерастию... Вдруг открывается, что два главных деятеля 14 декабря, Щепин-Ростовский и Панов, находятся в гнусной связи... в Петровском каземате, когда даже тюремщик не считает нужным запираеть комнаты заключенных на замок, Щепин на ночь запирает Панова, чтобы никто другой не мог воспользоваться его благосклонностью... Затем разврат начал искать всевозможных вы-

ходов. Под предлогом, что Бярятинского, нахолившегося в сильной степени заражения сифилисом, нельзя лечить в общем каземате... Вольф выхлопотал ему разрешение жить в отдельном наемном домике, и как товарищам Бярятинского дозволялось ходить туда к нему... то его домик сделался притоном разврата, куда водили девок... Все, кто имел средства, захотели также иметь домики. Так Александр Муравьев и Сутгоф построили домик при главном каземате, Артамон Муравьев во 2-м каземате... в 3-м каземате на крутом косогоре построил избушку и Ивашев, прикрывая настоящую цель будто бы приготовлением к побегу, чем надувал других и приятель его Басаргин, когда, в сущности, дело шло просто о том, что в этот домик очень удобно было приводить девок... Вследствие этого разврат распространился по всей Чите...»

Разврат?! А нам толковали, что ссыльные декабристы распространяли просвещение... Хорошо еще, никто в советское время не додумался уверять, будто сифилисом Бярятинского заразили агентессы Третьего отделения...

Тот самый блестящий кавалергард Свистунов, что за день до восстания, прикрывшись командировкой, сбежал из Петербурга, чтобы не участвовать: «Находясь на каторге и в ссылке, ни в чем не нуждался, один из самых богатых осужденных, на каторге предавался крайним степеням разврата, был коноводом той группы, что действиями своими бросала

ть на все казематское общество... деньги, которые допускались для вспоможения товарищам, употреблял на развращение невинных девушек... Он сманил одну живущую у супруги его товарища В-го (вероятно, Волконского — А. Б.) семейную девушку Александру и сумел развратить ее до того, что она продала родную сестру... Свистунов с товарищами довели бесчестность до такой степени, что, соединяя подлость с трусостью, осмеливались на случай, если откроются их дела, называть себя девкам, увлекаемым ими в каземат, именами наиболее чистых людей казематского общества...

Кстати, мальчишек в педерастию вовлекала в Петровском заводе как раз компашка Бярятинского-Свистунова.

«Брат посылал Свистунову много денег, но он в артель вносил очень мало, употребляя получаемый им излишек на оргии и на соблазнение и на покупку у бесчестных родителей по деревням молодых невинных девушек, которых затем переодетыми приводили в каземат... само начальство смотрело на это легкомысленно...»

Завалишин, рассказав обо всем этом, ограничился таинственной фразой, касавшейся декабристских жен: «К сожалению, надобно сказать, что и некоторые дамы подавали повод к соблазну». Надо полагать, и декабристки были слабы на передок — но эти подробности покрыты мраком неизвестности.

Те, кто смотрел «Звезду пленительного счастья», помнят, разумеется, и красиво снятый роман Ивана Анненкова с французской подданной Полиной Гебль: их играют Игорь Костолевский и очаровательная Эва Шиккульска. Так красиво и романтично они барахтаются в сене под тенорок Окуджавы:

— Кавалергарда век недолог..

Означенная Полина потом ухитрилась проврататься к императору, выплакала у него позволение уехать в Сибирь и выйти замуж за государственного преступника Анненкова. Мотыль и это красиво показал. Однако в Сибири было и кое-что еще, достойное камеры уже не Мотыля, а скорее «студии Терезы Орловски».

«Большая часть арестантов Петровского острога были холосты, все люди молодые, в которых пылала кровь, требуя женщин. Жены долго думали, как помочь этому горю. Анненкова наняла здоровую девку, подкупила водовоза, который поставлял воду в острог, подкупила часовых. Под вечер девку посадили в пустую бочку, часовой растворил ворота острога, и, выпущенная во двор, проведена была часовым в арестантские комнаты. Голодные декабристы, до 30 человек, натешились и едва не уморили девку. Тем же порядком на следующее утро девку вывезли из острога. Анненковой и после этого несколько раз удалось повторить ту же проделку. Быть может, об этом знали или догадывались начальники, но смотрели сквозь

пальцы. Сколько было благодарностей от арестантов!»

Замечу сразу: в адрес самой Полины Гебль-Анненковой я не скажу ни единого худого слова и другому не позволю. Все, что нам известно, позволяет с уверенностью сказать: чувства там были неподдельные. История Анненкова и Полины — чуть ли не единственный по-настоящему красивый и чистый эпизод декабристской «эпопеи». И, кроме того, чисто по-мужски я ей аплодирую: посылать в каземат собственному мужу «здоровую девку» в водовозной бочке — подвиг нешуточный. Образцовая супруга, мне б такую...

Меня, даже вспомнив иные юношеские проказы, поташнивает от другой детали — одна девка и тридцать клиентов. Простите, в конце концов, есть пределы... Какое быдло!

Но Полина — вне конкуренции, честно... Аплодирую и восхищаюсь без притворства! Начальную бы буковку от французской фамилии ей еще убрать...

У Полины и Ивана роман был настоящий — а вот другую подобную историю, Ивашева и французенки Камиллы Ле-Дантю вдумчивый исследователь Крутов вывел на чистую воду, откопав записки Завалишина. В этом случае не было никакой любви, якобы заставившей возвышенную девушку отправиться в Сибирь к предмету своего сердца. Все оказалось проще и циничнее.

«Мать Ивашева купила за 50 тысяч ему невесту в Москве, девицу из иностранок, Ледантю, но чтобы получить разрешение от Государя, уверили его, что будто бы она была еще прежде невестою Ивашева; хотя оказалось, что он все путал в рассказе о ней товарищам; и о происхождении ее, и о наружности, а она, приехавши, бросилась на шею Вольфу, приняв его за своего жениха, несмотря на то, что между ними не было ни малейшего сходства».

Это до маменьки Ивашева, надо полагать, дошли, наконец, из Сибири известия, какую жизнь ведет ее сыночек — домик на окраине деревни, педерасты, девки, сифилис... Она подсуетилась — и успела вовремя. Другим уже не повезло. Завалишин: «Но это и удалось только один раз, а когда, рассчитывая на это, стали и другие сочинять истории о мнимых невестах, например, о дочери Василия Давыдова, якобы невесте Александра Муравьева, то было отказано...»

Впрочем, зная, какая вольность нравов царила «во глубине сибирских руд», не сомневаюсь, что Муравьев утешился с доступными и недорогими девками, благо за этим зорко следила игривая и заботливая Полина Е.

Между прочим, в 1838 году ссыльный Ивашев, супругник задорого купленной французской секс-игрушки, заявил властям, что у него из дома украли отложенные на хозяйство деньги. И виновника, и деньги нашли. Было тех денег десять тысяч пятьсот рублей. Для

справки: на год всему Военному Московскому госпиталю выдавалось на продукты, припасы и материалы... двадцать тысяч рублей! Кучеряво обитал в Сибири государственный преступник Ивашев...

Пуд пшеничной муки тогда стоил 5 рублей 19 копеек. Пуд говядины — 7 рублей 39 копеек. Ведро рейнского вина — 27 рублей 70 копеек. Сотня куриных яиц — 4 рубля 30 копеек.

Еще о жизни в Чите: «Надобно сказать, что потребность провизии развилась до больших размеров вследствие несоразмерного количества прислуги, которую держали как в каземате, так и в домах некоторых женатых. У Трубецкого и Волконского было человек по 25, в каземате более сорока. Кроме сторожей и личной прислуги у многих, и у каземата, были свои повара, хлебники, квасники, огородники, банщики, свинопасы, так как свиней каземат... держал своих собственных, и только я (Завалишин — А. Б.) уничтожил все, находя гораздо выгоднее иметь покупную свинину. Кроме простой прислуги у Трубецких была акушерка и экономка, у Муравьева — гувернантка, у многих швей и пр. Все это не только питалось за наш счет, но и страшно воровало. Кроме того, и вся школа, человек до 90, кормилась за счет каземата, и много сверх того посылалось еще, как подаяние бедным на острог. Караульных, разумеется, кормили также в каземате. Когда же впоследствии ослаблены были препятствия к сношению с посторонними, то в

Петровский завод стали съезжаться, как для лечения, так и для удовольствия. Пошли праздники, пикники в поле, обеды и балы...»

Знал ли об истинном положении дел Пушкин, когда сочинял стихотворное послание в Сибирь, как вольготно, сыто и пьяно жилось на самом деле обитателям этого санатория? Ручаться можно, что нет. Перед его мысленным взором наверняка представляли ужасы с рисунков Брюллова.

А вот как «страдали» братья Бестужевы, по воспоминаниям няни из их латифундии: «Хозяйство было большое, держали лошадей, коров, свиней, птицу: кур, уток, индеек, разводили мериносовых овец — до 1000 голов. Летом шерсть сушили и куда-то отправляли... При доме был большой огород и сад. В парниках выращивались арбузы и дыни. Были мастерские — слесарная, столярная, две кузницы. В них работали русские, буряты и еврей».

Латифундия!

«Жестокая» императорская администрация все это время регулярно выплачивала денежные субсидии «необеспеченным» государственным преступникам. «Необеспеченными» считались те, кто не получал денег от родных или получал в год менее четырехсот рублей ассигнациями. Годовое пособие «необеспеченным» составляло сто четырнадцать рублей двадцать восемь копеек серебром, в пересчете на ассигнации сумма еще выше. Каковы были цены на

основные продукты, мы уже знаем. Жрать можно в три горла...

И потому один правительственный чиновник из моего родного Минусинска оставил примечательные воспоминания: «Однажды в Минусинске приходит ко мне разжалованный поручик Свешников, который ранил своего полкового командира, сослан был в каторжную работу, а оттуда, по слабости здоровья, выпущен на поселение* и считался в числе обыкновенных преступников.

— Позвольте мне, Александр Кузьмич, — говорит он, — подать вам просьбу.

— О чем? — спрашиваю я.

— Хочу прочиться из простых преступников в государственные: им дают пенсии, а я, по бедности, умираю с голоду.

Признаюсь, я не скоро нашелся, что ему ответить.

Означенному поручику Свешникову не повезло — своего полкового командира он, недотепа, ранил в частном порядке. Спьяну, надо полагать, без идейной подоплеки. Вот и умирал с голоду. А если бы, тыча в командира саблей, кричал что-нибудь насчет конституции и свободы — катался бы, как сыр в масле, подобно нашим героям... Не повезло. Не позаботился, простая душа, об идейной подоплеке заранее...

* Черт знает, что за зверские порядки были при сатрапе Николае! Достаточно слабости здоровья, чтобы тебя выпустили с каторги.

К чести господ декабристов, следует непременно уточнить, что не все из них предавались разврату. Далеко не все пользовали дешевых девок, мальчиков или друг друга. Двадцать пять человек за время поселения в Сибири создали семьи — как официальные, так и неофициальные, но постоянные. У многих за долгие годы родились дети...

А. Ф. Бриген, покидая Сибирь по амнистии, увез с собой в Россию прижитого таким образом сына Николашу. Это был единственный ребенок, увезенный из Сибири! Больше никто из двадцати пяти (даже те, у кого не было в России законных жен), не забрал с собой ни детей, ни жен, с которыми прожили столько лет. Дворяне. Печальники народные. Авторы конституции. Кстати, Бриген, забрав сына, двух дочерей оставил все же в Сибири...

Быдло!

Барон Штейнгель прожил с «походно-полевой женой» двадцать лет. Имел от нее двух сыновей — шестнадцати и пятнадцати лет. Уезжая в Россию, бросил. Как все остальные... Как, меж иными, благородный друг Пушкина Иван Иванович Пущин.

И они еще скулили! Вот отрывок из донесения из Тобольска, отправленного в столицу в 1827 году: «...оплакивает свою участь, которая, по его словам, тем более жестока, что он никоим образом не принадлежал к большому заговору, о котором он совершенно не знал, но что обстоятельства, первая присяга, при-

несенная Цесаревичу, и пр. бросили его в эту бездну».

Хотите знать, что это за безвинная жертва обстоятельств плачется на свою горькую участь?

Да наш старый знакомый Щепин-Ростовский, что в «день Фирса» тяжело ранил саблей двух солдат и трех старших офицеров, причем одного из них ударил сзади, а другого бил и лежачего...

Мне не раз встречались книги, авторы коих, определенно возмущенные декабристским мифом, сравнивали вольготное житье-бытье «государственных преступников» с последующей практикой НКВД. По-моему, такие сравнения неуместны. Достаточно спросить: а что ждало бы в том же 1825 году офицеров, совершивших нечто подобное во Франции или Англии?

Уж там-то не церемонились бы! Какие там девки в бочках, слуги в казематах, сотни тысяч рублей на содержание и парники с дынями! Французы наверняка запечатали бы своих мятежников в Кайенну, филиал ада на земле, лет на сорок, в цепях круглосуточно, под строжайший надзор. Англичане — в пустыне Австралии или другое милейшее местечко вроде описанных в полном соответствии с правдой Конан Дойлем андаманских болот. Это — в лучшем случае. Но девять шансов из десяти за то, что своих эполетоносных путчиков цивилизованные европейские державы быстренько повесили бы или отвезли на помост, украшен-

ный неким механизмом изобретения доктора Гильотена. В просвещенных Европах с такими не миндальничали. Это у нас, в дикой и варварской Московии император Николай мог проявлять фантастический по европейским меркам гуманизм...

Английский историк Ч. Поулсен: «Пятерых... отправили отбывать наказание в Новый Южный Уэльс (провинция Австралии — А. Б.), Джорджа Лавлесса... отправили другим пароходом. Там он работал некоторое время на строительстве дороги, а затем был переведен на государственную ферму, где с него наконец-то сняли кандалы и заставили пасти скот. Пятерых его товарищей... распределили на фермы поселенцев в разных частях Австралии; поселенцы имели возможность «покупать» заключенных у правительства за один фунт за человека. Так что в любом случае сосланных заключенных можно было считать рабами».

Хотите знать, за что этих шестерых в 1834 году по приговору английского суда отправили фактически в рабство?

За попытку создать профсоюз сельскохозяйственных рабочих! И только! Они лишь собрались в укромном местечке и создали организацию, чтобы сообща добиваться повышения зарплаты. За подобное вольнодумство по английским законам того времени полагались каторжные работы на срок до семи лет. Правда, всех шестерых освободили досрочно, уже через четыре года, но исключительно оттого, что в

Англии на их защиту поднялись десятки тысяч демонстрантов...

Теперь представьте: умирает король Англии, и несколько гвардейских офицеров поднимают три полка на бунт, не желая присягать официальному наследнику, убивают генерала, пытающегося мятеж пресечь, тяжело ранят нескольких старших офицеров. И то же самое — в Париже.

Всех их долго потом раскачивал бы ветерок на виселицах — туда-сюда, туда-сюда... Это — в Англии. А во Франции господ офицеров, ободрав эполеты, быстренько бы побрили «национальной бритвой»... Прецеденты известны.

И напоследок... Коли уж зашла речь о пребывании декабристов в Сибири, их настоящем, а не мифическом житье-бытье, то просто невозможно обойти вниманием известную историю с «заговором Сухинова» в Читинском остроге. Сначала дадим слово товарищу Гессену, апологету и трубадуру, а уж потом перейдем к более подробным источникам...

Итак, Гессен. «И здесь у Сухинова возникла смелая и отчаянная мысль: возмутить узников Зеренутского рудника, где он работал, пойти во главе их по другим рудникам и заводам, поднимать и освобождать повсюду каторжан и посельщиков Нерчинского округа и затем освободить заключенных в Читинском остроге декабристов. Находившиеся с ним в Зеренуте товарищи по восстанию, Мозалевский и Соловьев, люди твердые, храбрые и

непреклонные, однако, не поддержали его: они опасались привлеченных Сухиновым к своему замыслу каторжан. Предубеждение это порождалось их классовой природой: они не понимали, что вся царская каторга состояла на три четверти из жертв крепостного режима, мертвящей солдатчины и социальной несправедливости... Двое из этой безликой каторжной массы стали помощниками Сухинова: разжалованные и наказанные кнутом фельдфебели Голиков и Бочаров... оказался, однако, предатель: в пьяном виде ссыльный Козаков донес о заговоре начальству. Началось следствие. Суду было предано девятнадцать человек».

Сухинова, Голикова и Бочарова приговорили к смертной казни, а еще трёх каторжан — к наказанию плетью. Сухинов каким-то образом раздобыл мышьяка и отравился. Яд не подействовал, Сухинова откачали, но он был человеком упорным — и повесился. Со всеми остальными поступили в точности согласно приговору. Рассказывая об этом, Гессен приводит воспоминания декабриста Горбачевского, назвавшего процедуру «адским представлением».

Горбачевского он цитирует по оригиналу мемуаров, но исключительно именно это место. И не удивительно: обширные воспоминания Горбачевского, мягко говоря, не особенно и сочетаются с нарисованной Гессеном картиной.

Сведения из первых рук... Рассказывает Горбачевский.

«Любовь к отечеству, составлявшая всегда отличительную черту его (Сухинова — А. Б.) характера, не погасла, но, по словам самого Сухинова, она как бы превратилась в ненависть к торжествующему правительству... Решившись на что-либо однажды, для исполнения предпринятого им дела, он не видел уже никаких препятствий, его деятельности не было границ; он шел прямо к цели, не думая ни о чем более, кроме того, чтобы скорее достигнуть оной (классический портрет большевика — А. Б.).

Голиков, разжалованный и наказанный кнутом фельдфебель какого-то карабинерского полка, и Бочаров, сын одного богатого астраханского, кажется, купца... (кстати, нет ни малейших сведений о том, что оба были «жертвами царизма», и Бочаров вовсе не «жертва солдатчины», как писал Гессен — А. Б.).

«...Ссылные принимали с радостью предложения Бочарова и Голикова. Они не думали ни о каких важных предприятиях; не думали об улучшении своей участи; для них довольно было и того, чтобы освободиться на некоторое время от работ и от тягостной подчиненности; грабить и провести несколько веселых дней в пьянстве и различного рода буйствах: вот их цель».

Не забывайте, что Горбачевский сам жил среди этих людей и должен был неплохо их изучить.

вне всякого сомнения, вдоволь пограбили бы тамошний «санаторий», а декабристских жен незамедлительно разложили прямо посреди улицы.

Но Сухинов, видимо, был ослеплен пресловутой блатной романтикой и остановиться уже не мог — незадачливый родоначальник большевистской политики на союз с «социально близким» ворьем (и интеллигентского восхищения всевозможными челкашами)...

А теперь то, о чем Гессен умолчал — конечно же, умышленно, ведь он читал мемуары Горбачевского и не мог кое о чем не знать...

Козаков, и точно, пошел к управляющему рудниками и заложил будущий мятеж. Однако он был изрядно пьян, и управляющий, не поверив, отправил его проспаться. Тем временем Голиков с Бочаровым об этом проведали. Не теряя времени, убили Козакова, разрубили тело на части и закопали в разных местах.

Однако нашелся второй доносчик, и был он, видимо, трезвехонек, потому что ему-то управляющий поверил и немедленно отдал приказ заковать заговорщиков в кандалы. Бочарову удалось бежать. Про Козакова поначалу думали, что он тоже бежал...

Горбачевский: «По прошествии нескольких недель голодная собака, вырыв из земли руку убитого человека, принесла в завод. Этот случай заставил сделать розыски, и открыто было разрубленное на части тело Козакова. Однако ж его смерть оставалась загадкой до тех пор,

пока пойманный Бочаров не сознался в своем преступлении».

Как видим, Сухинова и его сообщников приговорили к столь тяжкому наказанию вовсе не за попытку к побегу и даже не за бунт. Вообще царские законы насчет беглых были удивительно либеральны. Вплоть до Февральской революции, например, беглец из Сибири не подлежал дополнительному наказанию, если он был пойман в Сибири же. Вот если ему удавалось перевалить Уральские горы, и его ловили уже на территории Европейской России, — тогда уж навешивали новый срок...

Сухинова и его приятелей, таким образом, судили в первую очередь как членов преступной группы, совершившей убийство. Отсюда и суровость приговора...

Да вдобавок из-за Сухинова пострадали Соловьев и Мозалевский. Их признали непричастными к этому делу, но все же сгоряча отослали на самые отдаленные рудники, где они «провели два месяца в скуке и бедности».

Правда, вскоре их перевели на тот самый Петровский завод, в котором житье-бытье, как мы убедились выше, было самое развеселое...

Можно еще добавить, что самые теплые отношения с каторжными варнаками поддерживали наши благородные дамы, Трубецкая и Волконская. Дадим слово товарищу Гессену:

«Она (Трубецкая — А. Б.) встречалась с каторжниками во время своих прогулок, была с ними неизменно вежлива и добра, давала

деньги, всячески помогала. И все они относились к ней с уважением. Но хозяйка домика, в котором жила Трубецкая, была груба и зла, и каторжники решили обокрасть ее. Они предупредили об этом прислуживающую Трубецкой девушку и просили не пугаться, если услышат ночью шум и возню. Они добавили, что Трубецкую не тронут, так как очень уважают ее. Девушка не хотела волновать Трубецкую и ничего не сказала ей о готовящемся налете. Но поднявшийся ночью шум разбудил Трубецкую. С большим волнением две одинокие женщины прислушивались к тому, что происходило на половине хозяйки. Воры быстро справились со своим делом и бесшумно удалились».

Прелестно, не правда ли? Хозяйку, видите ли, решили обокрасть за то, что она «была груба и зла»... За придурков держал товарищ Гессен своих читателей, не иначе. И Трубецкая мила — в авторитете наша княгинюшка у живорезов...

Гессен: «Здесь, на каторге, славился в то время знаменитый разбойник Орлов. У этого человека была своя жизненная философия: он ненавидел богатых и жестоких властителей жизни, но никогда не обижал бедных и обездоленных (а на каторгу, надо понимать, попал за то, что отбирал у проезжающих портмоне и на эти денежки пряники детям покупал?! — А. Б.). Как и все его товарищи по каторге, он очень уважал Волконскую, которая покоряла их своей душевной красотой и глубокой чело-

вечностью. Однажды осенью Орлов бежал. На вечерней прогулке Волконскую неожиданно нагнал его приятель, каторжник, и вполголоса сказал:

— Княгиня, Орлов прислал меня к вам. Он скрывается в этих горах, в скалах над вашим домом. Он просит вас передать ему денег на шубу, ночи стали уже холодные.

Волконская испугалась, но не могла оставить несчастного без помощи. Показав посланному место под камнем, где положит деньги, она пошла за ними домой...

Как-то вечером Волконская оставалась одна, сидела за клавирами и пела, сама себе аккомпанируя. Неожиданно кто-то вошел и стал у порога. Это был Орлов, в шубе, с двумя ножами за поясом.

— Я опять к вам, — сказал он. — Дайте мне что-нибудь, мне нечем больше жить...

Волконская дала ему пять рублей...

Среди ночи вдруг раздались выстрелы... Выяснилось, что группа каторжан решила бежать, и Орлов, празднуя побег, угостил всех. Всех, кроме Орлова, поймали; ему удалось бежать через дымовую трубу. Несчастных били плетями, чтобы заставить сказать, от кого они получили деньги на водку, но ни один не назвал Волконскую...»

Этакая уголовно-политическая идиллия. Право слово, я нисколечко не удивлюсь, если где-нибудь в пыльных недрах архивов сыщутся и агентурные донесения, что наши княги-

нюшки ещё и ложились где-нибудь на сеновале под особенно романтических и обаятельных воров-разбойничков — пикантных приключений ради. С великосветскими дамами такое случилось и в более благополучных местах. Даже в мемуарах иных декабристов встречаются глухие намеки на то, что моральный облик кое-кого из декабристок был, деликатно выражаясь, далек от идеала...

Нужно еще добавить, что своей неудавшейся заварушкой Сухинов, очень похоже, спас еще много жизней. В Читинском остроге в то же самое время (как вспоминают и Басаргин, и Завалишин) готовили еще более масштабный проект массового побега — на сей раз без всяких уголовных, с опорой исключительно на собственные силы.

Подробные записки об этом оставил Басаргин. Первая часть плана — внезапным нападением разоружить караульных — выглядит вполне реальной и, несомненно, имеет огромные шансы на успех. Декабристов было семьдесят человек — все молодые, здоровые, как один, недавние офицеры. Караульных было около сотни, и это не армейцы, а, говоря современным языком, разленившиеся в глуши вертухаи, в жизни не сталкивавшиеся с массовым бунтом, тем более налетом семи десятков офицеров... К тому же «под ружьем» находились не все они, а какая-то часть, дежурная смена. Словом, первая часть задуманного — предприятие с огромными шансами на успех.

Но дальше начинается даже не маниловщина — суший бред, смертельно опасный для того, кто взялся бы его проводить в жизнь...

Басаргин: «...запасаясь провиантом, оружием, снарядами, наскоро построить барку или судно, спуститься реками Аргунью и Шилкою в Амур и плыть им до самого устья его, а там уже действовать и поступать по обстоятельствам. Этот план, я уверен, очень мог быть исполнен».

Этот план, так и тянет ответить давным-давно умершему человеку, привел бы всех прямиком на небеса...

Во-первых, никто из жаждавших вольности декабристов в жизни не строил судов. Можно только представить, что за «Ноев ковчег» они соорудили бы.

Во-вторых, ни Басаргин, ни остальные, судя по всему, не знали толком географии Сибири. Иначе Басаргин не писал бы про Аргунь. Река Аргунь протекает гораздо южнее Шилки — на несколько сот километров (по территории нынешнего Китая), и попасть в нее из Читы физически невозможно, разве что на самолете. Кроме того, Шилка — река суровая, там хватает и порогов, и прочих коварных мест, не зря в справочниках до сих пор указывается: «Шилка судоходна от г. Сретенска». А Сретенск — это опять-таки несколько сотен километров ниже по течению от Читы...

В-третьих. Ладно, предположим, одолевшим охрану авантюристам удалось построить нечто напоминающее судно, и эта посудина способна плыть по реке. На «ковчег» грузятся человек сто, и женщины в том числе — нельзя же бросать жен, они сами не захотели бы остаться в глуши. Значит, и все жены с ними — Трубецкая, Волконская, Полина Анненкова-Гебль и прочие. В Иркутске ничего пока не знают, никто не преследует беглецов, они грузятся на судно и плывут...

Куда?

За Читой лежат земли, населенные лишь аборигенами — бурятами, кочевыми эвенками, якутами. Дальний Восток практически пуст, если не считать крохотных племен вроде нивхов, он вообще еще не принадлежит России. До устья Амура, между прочим, примерно три тысячи километров...

Куда же плыть? На сколько хватит припасов сотне человек? И что же потом? Предположим, чудом они добрались до устья Амура — но ведь за ним нет никакой обетованной земли!

Есть побережье, редко-редко населенное китайцами и корейцами. Сахалин практически необитаем. Япония далеко. Аляска еще дальше. На Камчатке — горсточка русских.

Так куда же им плыть? В открытое море, надеясь добраться до Америки? На каких парусах, кстати?

Сто шансов против одного за то, что экипаж этого доморощенного «Титаника» погиб бы до единого человека, и, быть может, даже сегодня никто не знал бы, где зверье обглодало косточки незадачливых странников.

Была и еще одна серьезная причина, по которой они рисковали не уплыть особенно далеко.

Местные буряты в массовом порядке отправлялись летом на ловлю беглых, из которой, как пишет сам Басаргин, «сделали род промысла». За доставленного живьем в острог беглого им платили по десять рублей, за мертвого — по пять.

Из чего проистекали весьма прелюбопытные жизненные коллизии. Вспоминает Басаргин: «...Масленников, бывший орловский помещанин, негодуя на бурят, решил объявить им войну и каждый год в летнее время отправлялся в поход, чтобы, в свою очередь, убивать их. Когда же наступали морозы, он возвращался в Завод и сам объявлял начальству, сколько ему удалось истребить так называемых неприятелей. Часто даже брал на себя преступления других. Его заковывали, судили, секли кнутом, держали некоторое время в остроге, но, наконец, выпускали, и в первое же лето он опять повторял то же самое. В продолжение 10 лет шесть раз делал он такие походы, убил человек до 20 и шесть раз был нещадно сечен кнутом».

Представляете, с каким энтузиазмом буряты кинулись бы зарабатывать пятерки и десятки? Шилка — река неширокая, стрела из лука, пущенная умелой рукой, мишень найдет вмиг, а если учесть, что стрелков было бы немало...

Так что разоблачение Сухиновского заговора подвернулось как нельзя более кстати и спасло не один десяток жизней...

ВМЕСТО ЭПИЛОГА: БЕШЕНАЯ КАРУСЕЛЬ

Теперь самое время задаться вопросом: а что ждало бы Россию в случае успеха мятежа 14-го декабря? Быть может, процветание и благоденствие?

Давайте свернем с магистрального пути, чуть-чуть переместимся во времени и пространстве и рассмотрим сначала судьбу венгерской революции 1848—1849 годов, подавленную войсками Николая I, которого за это иные недоумки именовали «жандармом Европы».

Если кто-то решит, что революция эта была светлым, демократическим, направленным на благо народное предприятием, которое варварски разрушили николаевские войска, крупно ошибется.

В первую очередь это была задумка венгерских магнатов, которые о всеобщем благе и не задумывались. Все наоборот. Максимум, чего им хотелось — это построить уютное, независимое, суверенное государство для себя. Дворянство, по замыслу «творцов революции», должно было процветать и далее, освободившись от некоторых обременительных ограничений, вытекавших из подчинения Вене. А на-

род обязан был, оставаясь безземельным, гнуть спину на магнатов. Разве что налоги, которые раньше приходилось отправлять в Вену, теперь можно было бы оставлять в своем кармане.

Из шестимиллионного населения Венгрии, так уж исторически сложилось, каждый двадцатый был дворянином. Правда, ко времени революции из ста тридцати шести тысяч дворянских семейств сто тысяч практически разорились и утратили поместья — но они-то как раз и рассчитывали вновь разбогатеть в новой, независимой Венгрии. «Вожжи и далее должны оставаться в руках дворянства», — с простодушным цинизмом заявил, выступая в сейме, будущий глава революционного правительства Лайош Кошут.

А крестьяне... Из сорока четырех миллионов хольдов* плодородной земли лишь тринадцать миллионов были в руках крестьян. Крепостных крестьян. Шестьсот двадцать четыре тысячи семейств обрабатывали эту землю, неся на себе все тяготы крепостного права — барщину, «десятину», «девятину» и прочее.

Кроме них, в Венгрии существовало девятьсот десять тысяч батрацких семей (в те времена было принято считать не по головам, а по семьям), в сезон работавших в крупных поместьях. Они тоже, кстати, никакими особыми правами не пользовались — батрака, ушедшего от помещика до окончания срока договора,

* Хольд = 0,56 га.

могли на законном основании бить палками и заключать в тюрьму (Л. Корзимича, «Венгерский хозяин», 1846).

Упоминавшаяся «десятина», кстати, — это десятая часть урожая, которую крепостной должен был отдавать сельскому священнику или певчему. «Девятина» — девятая часть урожая, уходившая помещику. А кроме этого — сто четыре дня барщины в год, отработки вместо перевозок и королевского оброка, погрузка дров, рубка дров, участие в барской охоте, работы на пользу общины, работы для деревни — и так далее, и тому подобное...

Изменила ли что-нибудь революция?

Немногое. Крепостных освободили без земли. Теперь они были свободными, но еще более нищими.

Сталин писал когда-то: «Что касается крестьян, то их участие в национальном движении зависит, прежде всего, от характера репрессий. Если репрессии затрагивают интересы «земли», то широкие массы крестьян немедленно становятся под знамя национального движения».

В полном соответствии с этой формулировкой венгерские крестьяне развернули прямотаки общенациональное движение — за землю и против революционного правительства. В комитатах* Бекеш и Чанад батраки захватили графские пастбища, ворвались в архивы и сожгли древние грамоты магнатов на право вла-

* Комитат — область.

дения землями. За два месяца по всей стране вспыхнули двадцать четыре подобных бунта. Крестьяне Мезебереня, высказав здравую мысль: «Если нас заставляют проливать кровь ради родины, то пусть и господское добро станет нашим», захватили помещичьи земли.

Против них послали войска — войска нового, революционного правительства. Зачинщиков казнили, а восемьдесят два «активиста» оказались в тюрьме.

В Орошхазе без особых судейских формальностей повесили тамошних зачинщиков. Тут как раз началась война с опомнившейся Венной, но крестьяне, чистокровные мадьяры, идти на нее не хотели! Сохранилась масса их посланий «революционному парламенту».

«Беднота говорит: зачем пойдут наши сыновья в солдаты, ведь у нас нет ничего? Что им защищать? Поля помещиков? Так пусть помещичьи сынки и идут в солдаты!»

Из Береня: «Пусть идут в солдаты те, кому принадлежит земля». Из Шиклоша: «Кому принадлежит наша родина, что можем считать своим мы, народ Венгрии, какие блага получаем мы? Об этом вы избегаете говорить... Мы прежде должны защищать родину, а потом вы вознаградите нас, как вам будет угодно.... Многие из нас ведь думают, что не лучше ли было бы перейти на сторону хорватов... Жесткие помещики бездушно отталкивают нас от себя, когда мы обращаемся к ним с просьбой хотя бы вернуть нам те земли, которые отня-

ты у нас незаконно, а ежели мы пытаемся прибегнуть к силе, то сразу находятся сотни и сотни солдат...»

Такая вот была революция, такие реформы. До сих пор мы говорили исключительно о мадьярах. Положение национальных меньшинств было еще хуже.

Сербы, румыны, словаки, хорваты не требовали для себя каких-то особенных привилегий — всего лишь разрешения на местное самоуправление и права уравнивать их языки с венгерским. Всего лишь!

Революционное правительство им в этом отказало. Во время неудачных переговоров о языковом равноправии сербов сам Кошут открыто заявил: «Пусть решит меч!»

И против меньшинств выступили те же революционные войска. Одновременно изменили земельную реформу — теперь бывшим крепостным все же давали землю, но с выкупом. Это уже не могло ничего спасти...

Создавался классический «двойной стандарт» — когда венгры хотели освободиться от австрийского правления, это считалось священной борьбой за свободу. Когда венгерские национальные меньшинства хотели всего лишь автономии — это объявлялось контрреволюцией...

Хорватские части развернули наступление на Будапешт (впрочем, тогда это были два города — Буда и Пешт). Отряды румынского лидера Янку, неожиданно подвергшись нападению

нию венгерских войск, тоже повернули оружие против мадьяр. К сожалению, начали они с того, что окружили и почти полностью уничтожили так называемый Вольный отряд Ракоци под командованием одного из лидеров «левых» Пала Вашвари, которого и в Будапеште всерьез мечтали повесить. Отряд этот воевал не под трехцветным «революционным», а под красным знаменем...

Одним словом, для «революционного правительства» в Будапеште почти весь окружающий мир был врагами — собственные крестьяне, румыны, сербы, хорваты, словаки, то крыло в революционном движении, которое мы сегодня назвали бы «левыми» и «социалистами». Шандора Петефи, друга и единомышленника Вашвари, лишили офицерского звания, держали в тюрьме, чудом не повесили...

Именно в этот гадючник, по какому-то недоразумению именовавшийся «революционной Венгрией», вошли войска Николая I. По сути, он, подавив венгерскую «революцию», спас всю Европу. В те годы бунтовали практически повсюду — Испания, германские государства, Франция, Италия... Европе оставалось совсем немного до того, чтобы превратиться в ад крошечный — и Николай ее уберег от этого ужаса. За что и был наречен «жандармом Европы» — субъектами вроде Маркса с Энгельсом.

Должно быть, в мозгах у Лайоша Кошута к тому времени все перепуталось. Он, узнав о

вторжении российских войск, воскликнул: «Какая узкая и противославянская политика — поддерживать Австрию!» Забыв о собственных противославянских репрессиях. Вот и получилось, что Николай I даже не Австрию спасал, а предотвратил геноцид славянских народов, на что у нас как-то не принято обращать внимание.

Что любопытно, среди тех, кто всерьез боролся за венгерскую революцию, насчитывается непропорционально большое число инородцев. Сам Кошут — словацкого происхождения. Поэт революции Шандор Петефи — никакой не Шандор и не Петефи, а натуральнейший славянин. Только в двадцать лет (1843) он начал писаться по-мадьярски, а до этого звался Александр Петрович.

Лучшие боевые генералы венгерской армии — поляки Бем и Дембинский. Видович и Дамьянич — то ли сербы, то ли хорваты, во всяком случае, уж никак не мадьяры. Аулих и Мессенгауэр — австрийцы.

Именно «инородцы», кстати, и погибли в большинстве своем. Чистокровный мадьяр генерал Гергей, назначенный главнокомандующим, а после диктатором, быстренько вступил в переговоры с австрийцами и Николаем, выторговав себе помилование. В 1867 году, после амнистии, он преспокойно вернулся в Венгрию, а бывшие витии и баре революции Клапка и Перцель смиренхонько заседали в имперском парламенте.

Шандор Петефи пропал без вести после битвы под Шегешваром. Вероятнее всего, закопан неузнанным в общей могиле. Этот благородный славянский парень был настоящим поэтом...

Скользкий снег хрустит, сани вдаль бегут.
А в санях к венцу милую везут.
А идет к венцу не добром она,
волею чужою замуж отдана.
Если б я сейчас превратился в снег,
я бы удержал этих санок бег —
я бы их в сугроб вывернул сейчас,
обнял бы ее я в последний раз.
Обнял бы ее и к груди прижал,
этот нежный рот вновь поцеловал,
чтоб любовь ее растопила снег,
чтоб растаял я и пропал навек...

Через много лет, в 1917 году, задолго до Октября, Сталин в одной из статей в «Правде» напишет жестокие и верные слова: «Революция не умеет ни жалеть, ни хоронить своих мертвецов».

Венгерский опыт, думается мне, наглядно нам показывает, какое будущее ждало бы Россию в случае успеха декабристского мятежа. Известно, что приключается, когда революции вспыхивают явно преждевременно.

Даже если допустить, что декабристы действовали не сами по себе, а были ширмой для более серьезных и высокопоставленных людей — все равно Россию ждали страшные потрясения, перед которыми пугачевщина пока-

залась бы скандальчиком в младшей группе детского сада. В 1917 году в России, если при-смотреться, никакой «революции» не произошло, ни Февральской, ни Октябрьской. Всего-навсего рванул перегретый паровой котел, и то, что творилось примерно год, где-то до осени восемнадцатого, правильнее именовать Всеобщей Смутой. Потом только большевики навели относительный порядок, и грандиозная заваруха приняла более упорядоченную форму «борьбы белых с красными»...

А ведь в 1825 году все те противоречия, что привели к всеобщему кровавому хаосу 1917—1918 годов, были еще жгучее, острее, мучительнее!

Вспомните солдат Черниговского полка. Первое, что они сделали, осознав, что началась смута, — кинулись убивать жену полкового командира вместе с малыми детушками. Мало того — когда командиры повели их в неизвестность, солдатушки-бравы ребятушки порывались громить еврейские местечки, и Муравьев их с превеликим трудом удержал... Представляете, что могло начаться по всей России, когда пронеслась бы весть, что царя в Питере больше нет, а есть непонятно кто?!

Горбачевский в своих мемуарах рассказывает примечательную историю, показывающую отношение «простонародья» к «барам».

В числе нижних чинов Черниговского полка, приговоренных к наказанию шпицрутенами за бунт, были два рядовых, еще прежде раз-

жалованные из офицеров за другие прегрешения...

«Мщение и негодование возродилось в сердцах солдат, они радовались случаю отомстить своими руками за притеснения и несправедливости, испытанные более или менее каждым из них от дворян. Не разбирая, на кого падет их мщение, они ожидали минуты с нетерпением; ни просьбы генерала Вреде, ни его угрозы, ни просьбы офицеров — ничто не могло остановить ярости бешеных солдат; удары сыпались градом; они не били сих несчастных, но рвали кусками мясо с каким-то наслаждением; Грохольского и Ракузу вынесли из линии почти мертвыми».

И вы всерьез полагаете, что обуреваемые такими эмоциями солдаты и мужики, степенно собираясь за чайком, обсуждали бы чинно и благородно «Манифест» Трубецкого и общим голосованием принимали бы поправки к конституции Пестеля?

Более реалистичен другой вариант. Война всех против всех — крепостных против бар, деревни против города, одних армейских группировок против других. Поляки немедленно взбунтовались бы и по старой польской привычке предъявили претензии не только на Киев, но и на прилегающие к Черному морю земли. А ведь в Башкирии были живы еще старики, помнившие восстание Салавата Юлаева! А многочисленные казахские и ногайские роды российской короне подчинялись чисто

номинально и вполне могли добавить огоньку ко всеобщему пожару!

Я не собираюсь подробно разрабатывать виртуальность, которая могла бы возникнуть в результате успеха мятежа «дня Фирса». Всю работу проделали до меня: замечательный историк Натан Эйдельман (как документалист в книге «Апостол Сергей») и мой хороший друг, талантливый писатель Лев Вершинин в романе «Хроники неправильного завтра». Вот краткое изложение.

Революционная армия очень быстро раскалывается на несколько непримиримых лагерей, которые начинают войну по всем правилам. Параллельно в стране действуют верные уцелевшим членам императорской фамилии войска, польские повстанцы и массы крестьян, поднявшиеся на «бессмысленный и беспощадный» русский бунт. Как минимум несколько лет в стране тянется повсеместная гражданская война без тылов и фронтов. Как не раз случилось в истории многих государств при подобном обороте дел, соседи начинают интервенцию. В лучшем случае отыщется, в конце концов, сильная личность вроде генерала Боливар, генерала Франко, Пилсудского, Наполеона Бонапарта — и жесточайшими мерами восстановит порядок. Но к тому времени страна будет залита кровью, разграблена и выжжена. Точно так же и Западная Европа в случае невмешательства Николая в мадьярские дела рисковала превратиться в кипящий котел,

на десятилетия стать ареной войн, войнушек и вялотекущих мятежей. Получилась бы вторая Латинская Америка. И глупо думать, что Россию это обошло бы...

Комендант Петропавловской крепости Сукин, не столь уж выдающийся мыслитель, простой служака, тем не менее оказался, на мой взгляд, мудрее многих образованных философов. Он как-то сказал Якушкину: «Вы затеяли пустое. Россия обширный край, который может управляться только самодержавным царем. Если бы даже и удалось 14-е, то за ним последовало бы столько беспорядков, что едва ли через 10 лет все пришло бы в порядок».

А Пушкин в разговоре с великим князем Михаилом Павловичем подверг сомнению высочайший манифест, утверждавший случайность событий 14-го декабря и их европейское происхождение. И сделал страшное предсказание, не зная, что оказался пророком...

«Кто были на площади 14-го декабря? Одни дворяне. Сколько же их будет при первом новом возмущении? Не знаю, а кажется, много».

Через несколько десятков лет его слова получают полное подтверждение.

Но это уже другая история — и другая книга...

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

В истории России, как и других стран, хватает странных, порой мистических совпадений. Ну, например, ведь и в самом деле первый Романов был Михаил, и последний — Михаил, и началось царствование в Ипатьевском монастыре, а кончилось — в Ипатьевском доме...

Точно так же есть то ли щекочущая нервы мистика, то ли продиктованный неизвестной силой символизм в том, что декабристы, пренебрегши более удобными и просторными площадями, встали в каре вокруг памятника отцу-основателю гвардии. Истукан, чья смерть дала начало Гвардейскому Столетию, зелеными медными бельмами смотрел, как хлещет картечь по рядам последних мятежников этого самого Столетия, последним трубадурам гвардейской вольности, последним, кто попытался вновь воспользоваться старинной привилегией гвардии решать судьбу трона и того, кто на троне восседает...

Быть может, это злая насмешка некоей силы? Или их неосознанно потянуло к Медному Всаднику, чтобы подпитаться бешеной энергией Петра? Я не сторонник болтовни

обо всех этих «энергетических подпитках» и «ауре монументов» — но как знать, как знать... Истина, как ей и водится, где-то посередине. В конце концов, не Пушкин первый выдумал, что зеленый всадник ночами срывается с пьедестала и гулко топчет по темным улицам — есть, знаете ли, интересные свидетельства... Как есть они и о Михайловском замке, где ночами порою проходит... Пален-то знал точно!

Работая над этой книгой, я долго рассматривал по ночам портреты — благообразный Пален, душка, да и только, если ничего о нем не знать. Юные красавицы Екатерина и Елизавета с полотен Луи Каравакка. Ольга Жеребцова — как она была хороша... И все прочие — Миних, Меншиков, императоры и фрейлины, генералы и поручики, убивцы и добрые малые...

Я держал в руках боевые шпаги — тяжелые аннинские, вертучие елизаветинские, оттягивавшие руку павловские. Бюст Фридриха Великого все это время стоял на столе. Я добросовестно пытался их всех понять — и вроде бы приблизился к этому. Я пытался рассказать о них подробно, избежав карикатурных крайностей. Получилось или нет — не знаю.

Но что-то, как всегда, остается недосказанным.

Знать бы нам, что...

И как это вообще передать — чеканный шаг Миниха к плахе, сладострастный прищур Оль-

ги Жеребцовой в объятиях британца, скрипучее карканье неисчислимой вороньей стаи в темноте, тухлый запах пороховой гари вокруг николаевских пушек? Можем ли мы вообще понять это бурное, шалое, великое, грязное, яркое и унылое Гвардейское Столетие?

Я не знаю. Даже тяжесть шпаги в руке не передать нашими словами.

Все они — были...

И глупо думать, что мы ничем на них не похожи.

И вовсе уж глупо считать, что мы умнее и лучше. Они все-таки были ярче! Бог им судья...

Красноярск, 2004

ПРИЛОЖЕНИЕ

Из «Записок» А. В. Поджио.

Петр I

Завидная участь тех избранных на царство, понявших свое истинное значение. И как жизнь этих лиц, обставленных законом, и счастлива, и спокойна, и безмятежна! Завидная, право, их участь, хотя, конечно, прямых мыслителей на престоле было и есть мало! Спрашивается, почему же это число так мало? Лица ли лично виноваты, или люди, или среда, в которой они кружатся до первой случайности, до первой ломки? Во всяком случае, скажу и я с другими, что народ имеет то правительство, которое он переносит, а потому и заслуживает. Я, по справедливости, а может быть по чувству чистой зависти, заглядывал в чужое и невольно восклицал: «Там-то, там хорошо и подручно и то, и другое, а у нас-то!» Теперь воскликну, наконец: «Да! У нас-то, у себя, на дому, на Руси!..» Господи! прости нам более чем согрешение, прости нам нашу глупость! Да, знать не знаем и ведать не ведаем, что сотворили, и это в течение тысячи лет!.. Обок нас соседи, современники этого времени, двигались, шли и опережали нас, а мы, только и славы, что отделались от татар, чтобы ими же и остаться. Посмотрим на наших просветителей.

Петр, например, как тень выступает из царства этих мертвых! Конечно, он велик! В нем были все зародыши великого, но и только. Предпринятая ломка отзывалась той же наследственной татарщиной. Он не понимал русского человека, но видел в нем двуногую тварь, созданную для проведения его цели. Цель была великанская, неместимая в бывших границах России, и взял он ее, сироту, и, связав ей руки и ноги, окунул головой в иноземщину и чуть-чуть не упустил ее из длани и под Нарвою, и под Полтавою, и на Пруте. Счастье вынесло его на плечах и выбросило его целым во всей его дикой наготе на открытый им и им заложенный берег. Волны его смущали и обнимали страхом, который он не мог и не умел побороть. Берег, напротив, его одушевлял, окрылял его воображением и придавал ему нужные силы. Там, на берегу, хотя пустынном, зарождались его мечты, замыслы и пророческие вдохновения. Там он вздумал отложиться от прошлого, от всего русского и заложить основание новой России. Он бросил старую столицу, перенес свое кочевье на край государства только для того, чтоб жить всем, и ему в особенности, по-своему и заново!

Бросить Москву было немыслимо, но для него возможно. Москва еще стояла при всей своей вековой, исторической святости, и это послужило ей в гибель. Все бывшее его раздражало, язвило, и он, не выносив попов, начал с храмов. Там священнодействует патриарх — он

сан патриарший хочет уничтожить и для этого православно заявить себя главой церкви!.. Там великолепные царские терема, напоминающие византийский склад и вместе строгость нравов царей; он хочет завести свое зодчество, свои нравы, и пойдут пирушки, ассамблеи и вместе весь иноземный разврат.. Там стояла изба, куда стекались выборные от всех городов, от всея русской земли и решали в земской думе, чему быть; он не хотел этой старины, он заведет и свой Синод, и свои коллегии, и свой Сенат! Здесь будет все собственно свое и все свои! Там были стрельцы; он их перебьет тысячами и разгонит; у него на болоте и в заводе их не будет; наконец, там одно чисто русское, а русские-то ему не под руку. Не с нами же ему ломку ломать, да и не с нами же жить! Он обзаведется и немцами, и голландцами, и одними чужими людьми! Москве не быть, а быть на болоте Петербургу, сказал он себе, и быть по сему. Назвав кочевье свое не градом, а бургом, он не Петр, а уже Pitter, да и говорит, и пишет порусски уже языком ломаным французско-немецким и т. д. И чего стоит это задуманное на чужбине кочевье, сколько тут зарыто сокровищ, казны, как говорили, а еще более — сколько тут зарыто тысяч тел рабочих, вызванных из отдаления и падших без помещения от холода и изнурительных работ! Нужны были пути сообщения, правда, сам он лично бродит по болотам, по лесам; сам он решает меты, ставит вехи, — но сколько здесь пало народу! Нужна была для

этой цели его творения стальная длань при помощи мягкой восковой руки русской! Но пусть Москва, пусть народ молча глядит и переносит всю тяжесть ломки — то было их время и то были люди того времени; но мы, отдаленные их потомки, прямые наследники, с одной стороны, этого чудовищного бесправного своеволия, с другой — этого подобиюстрастия, которое не допустило нигде и ни в чем выразиться ни малейшему сопротивлению, могли ли мы, сочувствуя всем бедствиям, перенесенным Россиею, и свидетели таких последствий Петрова строя, могли ли мы не отнестись с должным вопиющим негодованием против того печального прошедшего, из которого вырабатывался так последовательно жалкий, плачевный русский быт настоящего времени? Ненавистно было для нас прошедшее, как ненавистен был для нас Великий, заложивший новую Россию на новых, ничем не оправданных основаниях. Ломовик-преобразователь отзывался какою-то дикостью, не соответствующею условиям призвания человека на все творческое, великое! Он был варвар бессознательно, был варвар по природе, по склонности, по убеждению! Характер его сложился и развивался при обстоятельствах, тогда же вызванных, но не менее того раздражительно на него действовавших. Он шел неуклонно, безустально к заданной себе цели и везде, и всегда, до конца жизни, он видел... нет, ему чудились поборники всего старого, а он, как неусыпный страж своего нового дела, должен

казнить, преследовать мнимых или действительных врагов своих. Воля его росла, укоренялась наравне с неистовой жестокостью. Сердце его не дрогнет даже над участью собственного сына, и он приносит его в жертву с какой-то утонченной злобою! То был не порыв страсти, быть может, оправданный мгновением, запальчивым бешенством, понятным в такой натуре,— нет, это было действие долгого мышления, и холодно, и зверски исполненного — ужасно.

Каков он был к сестре, к сыну и вообще ко всей своей семье, таков он был и к большой семье русской... Он, как вотчину, точно любил Россию, но не терпел, не выносил и, что еще более, не уважал собственно Русских. Достаточно было вида одних бород, зипуна, а не немецкого кафтана, чтобы приводить его в преобразовательную ярость. Нет, он не только не уважал, но презирал во всю привитую себе немецкую силу все тех же Русских.

Всегда пьяный, всегда буйный, он неизменно стоит тем же Pitter'ом и в совете, и на поле битвы, и на пирушках! Не изменит он себе и останется себе верен до конца; и какой конец! Конец самый позорный, самый поучительный для потомков и разъяснивший будто бы загадочную душу Великого! Здесь, на смертном его одре, мы его слышали, проследили и разгадали великую его ничтожность. Великий отходит, отходит не внезапно, но долго, при больших страданиях, но при

своим, как всегда, уме. Часы торжественные, предсмерть. Здесь человек, как будто сбрасывая свою земную оболочку, облачается в обеленные ризы предстоящего суда (он же и был главой Христовой церкви) и высказывает свое последнее, заветное слово. Слушаем не мы одни, а вся вздрогнувшая Россия, ожидавшая этого царского слова... «Да будет венчан на царство, кто будет более его достоин!» И вот каким неразгаданным, неопределенным словом подарил Великий несчастную, презренную Россию. И это слово было произнесено при ком? При том же неопределенном пока Данилыче и при той же Катише, незадолго перед тем не без умысла коронованной! Слово это выказало Петра во всей его государственной или, лучше сказать, правительственной ничтожности; тут он выказал свое могучее «я» во всем отвратительном, укоризненном смысле. Явление, объясняющее чисто одно эгоистическое чувство: в любви к России. Как человек, обнимавший все отрасли государственного управления, конечно насколько они были доступны для его полуобразования, человек, который силился все вводить и упрочивать (все-таки по своим недозревшим понятиям), и этот самый человек не думал и не хотел думать об установлении и упрочивании монархического после себя престолонаследия. Такое упущение мысли мы объясняем его собственным разворотом и чувством того презрения к Русским, которое, по несча-

стью, без правильной, законной передачи престола, он умел передать и тем, которые случайно завладели на произвол брошенным им престолом.

Разврат его, как ни был он постоянно велик, превзошел все пределы, когда, не уважая ни себя, ни Русских, он взял Катишу в наложницы, а под конец сочетался с ней браком.

Человек, чувствуя за собой способности, как Сатурн, пожирать своих детей, должен был, хотя бы с целью предусмотрительности, взять женщину свежую, целомудренную, с силой производительной, а не развратную чухонку, переходящую из рук в руки его любимцев и не способную к деторождению. Он отходит, и нет ему наследника; наследника зарыли в могилу. Есть наследник прямой, но он мал и не поднять, и не нести ему выпадающего из охладевшей руки тяжелого скипетра. К тому же и обойти Катю, ту самую, которую хотел некогда казнить, но не имел духу и не имел также духу обречь ее на царство.

«Пусть, — сказал он, — венец достанется достойнейшему». И сколько в этих словах все того же прежнего Произвола. Во-первых, он отвергал законное право на престолонаследие в лице внука, Петра II; во-вторых, таким беззаконием он узаконил все происки, все домогательства к захвату престола, предоставленного произвольным случайностям, и, наконец, ввергал Россию во всю пропасть

преследований, ссылок и казней, ознаменующих всякое воцарение. С этой поры началась, как мы видели, постыдная эра женского правления, исполненная безнравственными примерами, столь омерзительными, сколько и пагубными государству. С этой поры начал входить в состав высшего правительственного слоя целый ряд временщиков, получавших свое значение в царских опочивальнях. Число этих вводных лиц возрастало с каждым царствованием и, наконец, образовало поддельный класс той аристократии, богатство которой служит свидетельством, до какой степени допускалось грабительство и расхищение народного достояния. Так чувство презрения Петра к Русским переходило по наследству к каждому преемнику с возрастающей силой, и мы видим, до чего оно доходило в царствование Екатерины, второй по имени, но шестой по своему полу. В жизни народов есть такие явления, которые никак не подходят под какое-нибудь приложение такого или иного исторического начала. Спрашивается, каким образом мог вторгнуться, без всякой естественной причины, этот являющийся вовсе новым небывалый женский элемент в непрелюбимом условии вводимого управления? Уже ли это была варварская случайность, или же обдуманная система государственными людьми того времени? Шесть сряду правительниц царят в течение почти целого века, и каждая из них при особенных обстоятельствах произ-

волью возводится на престол, и при соблюдении условленных приличий будто бы закон заведывает государством! При таких непрерывных случайностях, при таком отсутствии всякого законного права на престол можно спросить себя (конечно, не их): нет ли тут навевания польского духа и престол Русский не обратился ли в престол избирательный? И проследя этот жалкий факт в шести позорных картинах, не вправе ли каждый отчасти мыслитель прийти к этому заключению? Избирательный престол (положим, хотя бы и входило это начало своекорыстных временщиков, вельмож того времени), — но где же те условия, которые освящают избрание? Петр вымолвил — достойнейшего после себя: но кто же будет определять это достоинство и кому передал он это право? Ужели все тот же всеильный грабитель Данилыч, человек, которого он дважды судил, засуживал, за все прощая, ужели, говорю я, он, Меншиков, будет один решать, кому быть? И кому же и не быть, как не той же опять Екатерине! Вот на чем остановилась, конечно, предсмертная мысль Петра. Его презрение к Русским не пошатнулось в нем и в последний, торжественный час его жизни. Он знал Русских, знал в этот момент и себя! Не имея ни воли, ни духа гражданского, он сложил с себя гласную ответственность перед потомством и дело порешил на смертном одре. Тут Питер, Катиша и Данилыч в этом навсегда позорном триумви-

рате (это таинственное число имеет всегда поверхностный и временный успех) условились, чему быть и кому быть, и тихо, и быстро! И бедная Россия, с введением начала ничем не узаконенного избирательного престола, подверглась испытанию тех нравственных потрясений, которые так тяжко, так безотчетно отзывались на ее общественный быт. И разве Петр не мог отвратить этого зла? Разве не было у него внука, и если он находил его малолетним, то не мог ли он назначить ему соправителей? Если он и тут затруднялся, разве не было у него Синода и Сената и достаточно государственных чинов, на которых он должен был возложить обязанности такого назначения, или же назначить временного, до совершеннолетия внука, соправителя? Нет, не стало, как говорится, Петра на такое дело, и Русские, истинно Русские, давно заклеямили должными порицаниями — между прочим и действиями — и действие, по счастью, последнее в его жизни. Петр был уже невыносим для России; он слишком был своеобразен, ломок, а, пожалуй, говоря односторонне, и велик. Велик! Но не в меру и не под стать; он с Россией расходился во всем; он выражал движение, другая же — застой. За ним была сила, не им открытая и созданная, а подготовленная, и он ее умел усилить к окончательному порабощению. Преобразования его не есть творчество вдохновительной силы, которая истекала бы из него самого. Нет, он не

творитель, а подражатель и, конечно, могучий; но как подражатель полуобразованный и вместе полновластный, введенные им преобразования отзываются узким, ложным воззрением скороспелого государственного человека! Впечатлительный, восприимчивый, и нося в себе, неоспоримо, все зачатки самобытного призвания, он не мог, при азиатской своей натуре, постигнуть истинно великое и ринулся, увлекая за собою и Россию, в тот коловорот, из которого и поднесь не находится спасения! Так глубоко запали и проросли корни надменной иноземщины. Способность его подражательности изумительна. Настойчивость его воли придавала ему силу исполнения, и мы видим, как все приемы его были и решительны, и объемны; но вместе с сим мы чувствуем, насколько его нововведения были и насильственны, и не современные, и не народны. Не восстают ли теперь так гласно, так ожесточенно против так называемой немецкой интеллигенции, подавляющей русскую вконец? А кто же выдумал немцев, как не тот же Петр? Не он ли сказал: «Придите и княжите, онемечьте Россию, и да будет вам благо!» И подлинно, на первых же порах за княжил Остерман (вполне острый ман) и давай играть русским престолом и судьбами России! Тут же вскоре и Бирон, но этот уже не за княжил, а за царствовал и давай Русских и гнуть, и ломать, и замораживать целыми волостями, выводя их босыми ногами на мо-

роз русский! Чего вы, мои бедные Русские, не вынесли от этих наглых безродных пришельцев! Но пришельцы эти были вызваны, водворены (они все были бездомные) великим преобразователем для затеянного им преобразования. Но что это за звание, или призвание преобразователя? Есть ли это высокое вдохновение, свыше данное собственно лицу, отделившимся от человечества, или же это есть обязанность, назначение каждого, отдельно взятого, из царской касты, вступающего на престол? Что касается до меня, то, не вдаваясь ни в какие догадочные умозаключения относительно преобразователей заморских, я, не выходя из пределов наших и основываясь на выводах исторических, чисто русских, скажу, что дух преобразовательный обнимает не одно лицо в силу каких-нибудь предопределений, а каждую и каждого, появляющегося на царство.

Петр — первый заявил себя ломким преобразователем, первый имел эту манию и мания эта же, не с такой силой, конечно, стала занимать, волновать, обуревать всех последовавших ему венценосок и венценосцев! Нет ни одной, ни одного из них, который бы не задумал себя показать и хоть чем-нибудь да прославить себя, конечно, не расширением прав народных, но расширением собственных своих в виде изменения одного другим! Проследите повествования наши, за исключением обычного указа о возвращении сосланных в Сибирь,

о прощении недоимок и о перемене, конечно, не формы правления, а формы мундира, вы усмотрите ряд изменений, назначений, наград, и весь этот деятельный шум и треск, сопровождающий всякое новое царство. Такая магия одинаково будет действовать, в большем или меньшем размере, в увеличивании налогов, а главное — пределов империи. Таким образом, все они, волей или неволей, и преобразователи, и завоеватели. Достойные, право, люди исторической памяти! Но для них не настало время истории.

Итак, Петр заявил себя неуклонным, упорным преобразователем! Но что же вызвало и навело его на такое сложное и трудное поприще? Вопрос естественный и крайне любопытный, но, признаюсь, не входящий в мое исследование. Здесь надобно бы призвать на помощь и самую психологию, она же оставалась для меня всегда какою-то terra incognita [земля неизвестная (*лат.*)]. — *Сост.*], и потому не нахожу надобности зарываться в глубь этого человека. К тому же весь он и дела его налицо! Из таинственных причин, подействовавших на его впечатлительный ум, есть все-таки одна сторона, оставшаяся как бы не выслеженной, а именно: первоначальные, заронившиеся в нем религиозные зачатки. Как человеку исключительно властолюбивому патриарх ему мешал, и он заранее думал и мечтал об уничтожении такого равносильного ему явления. Меня всегда приводило в раздумье, какая

мысль влекла его в Саардам, почему он, слабая с себя императорский сан, превращается вдруг из Романова в Михайлова. Почему этот неуч, не жаждущий науки, взялся за топор, а не за книгу? Ведь он в Голландии, под рукой Гаага, и Лейден, а также Амстердам, средоточие тогдашнего движения умов; там гремели уже учения нового права, там... но он не ищет пера, а ищет секиру, и находит ее. Но что это за пример смирения в этом Михайлове, изучающем плотничье мастерство? Не так ли заявил себя и плотник Назаретский? Нет ли тут искренней, чистой религиозности и не увидим ли мы в нем нового пророка или последователя Христа? Да, он заявит себя пророком, и долго, долго пророчество его будет служить путеводною звездой для его преемников. Да, он предрек падение патриарха и сам своевластно заменил его и силою собственного указа признал себя главою церкви! Таким образом, он подчинил не свободную, а раболепную церковь государству не свободному, а раболепному. Таким образом, русское духовенство утратило навсегда право на приобретение возможности влияния на общество и осталось так же невежественно, как оно было и как сие и требовалось.

Спрашивается, какое же могли иметь влияние пастыри такого рода на паству в отношении нравственного, христианского преуспеяния? Ничтожно, неподвижно и безответно стоит и по сию пору духовенство. И нет его в час

нравственного распада или же невзгоды и общего горя. Но цель достигнута: духовенство не вызывает опасения, двигателей против единодержавия и одним врагом меньше для него. Впрочем, допуская невежество, слитое с суевением и фанатизмом, конечно, такие меры более чем необходимы; но при духовном образовании, освещенном духом истинного христианства, найдется в нем не помощь, а целая сила для поддержания разлагающегося чисто общественного организма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. 14 декабря 1825 года и его истолкователи. — М.: Наука, 1994.
2. *Агафонов О.* Казачьи войска Российской империи. — М.: Эпоха, 1995.
3. *Алексеев Ю. Г.* Государь всея Руси. — Новосибирск: Наука, 1991.
4. *Алексеева Н.* Лаврентий Берия в моей жизни. — М.: Современник, 1996.
5. *Анин Б., Петрович А.* Радиошпионаж. — М.: Международные отношения, 1996.
6. *Анисимов Е.* Анна Иоанновна. — М.: Молодая гвардия, 2002.
7. *Архенгольц И. В. фон.* История Семилетней войны. — М.: АСТ, 2001.
8. *Аствацатурян Э. Г.* Турецкое оружие в собрании Государственного Исторического музея. — СПб.: ООО ТПП «Атлант», 2002.
9. *Баландин Р.* Тайны смутных эпох. — М.: Вече, 2003.
10. *Бантыш-Каменский Дм.* Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. Ч. 1. — М., 1991.
11. *Бегунова А. И.* От кольчуги до мундира. — М.: Просвещение, 1993.
12. *Безвременье и временщики.* — Л.: Худ. лит., 1991.

13. *Беленький М. С.* Биография смеха. — М.: Худ. лит., 1991.
14. *Беловинский Л. В.* Энциклопедический словарь Российской жизни и истории, XVIII — начало XX в. — М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2004.
15. *Бердяев Н. А.* Истоки и смысл русского коммунизма. — М.: Наука, 1990.
16. *Берия С.* Мой отец — Лаврентий Берия. — М.: Современник, 1994.
17. *Берн Ж.* История великих путешествий. Кн. 1. Открытие земли. — М.: Терра-TERRA, 1993.
18. *Бехайм В.* Энциклопедия оружия. — СПб.: Санкт-Петербург оркестр, 1995.
19. Библия. Синодальное издание. — М., 1968.
20. *Блок М.* Апология истории. — М.: Наука, 1986.
21. *Богданович А.* Три последних самодержца. — М.: Новости, 1990.
22. *Бойцов М., Шукуров Р.* История средних веков. — М.: МИРОС, 1995.
23. *Болотов А. Т.* Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим для своих потомков. Тт. 1—3. — М.: Терра-TERRA, 1993.
24. *Боярский П. В.* Седлайте коней! — М.: Дет. лит., 1994.
25. *Брикнер А. Г.* История Екатерины Второй. — М.: АСТ, АСТРЕЛЬ, 2004.
26. *Брикнер А. Г.* История Петра Великого. — М.: АСТ, 2002.
27. *Брюханов В.* Заговор графа Милорадовича. — М.: АСТ; Ермак; АСТРЕЛЬ, 2004.
28. *Буганов В. И., Богданов А. П.* Бунтари и правдоискатели в Русской православной церкви. — М.: Политиздат, 1991.

29. *Бунич И.* Операция «Гроза», или Ошибка в третьем знаке. — Спб.: ЮНА-Облик, 1994.
30. *Бунич И.* Полигон сатаны. — Ростов-на-Дону: Проф-пресс, 1994.
31. *Бунич И.* Пятисотлетняя война в России. — СПб.: Облик, 1996.
32. Бунт декабристов. — Л.: Изд. Былое, 1926.
33. *Бурыйшин П.* Москва купеческая. — М.: Известия, 1990.
34. *Буслаев Ф.* О литературе. Исследования, статьи. — М.: Худ. лит., 1990.
35. В борьбе за власть. Страницы политической истории России XVIII в. — М.: Мысль, 1988.
36. *Валишевский К.* Вокруг трона. — М.: Икпа, 1990.
37. *Валишевский К.* Дочь Петра Великого. — М.: Икпа, 1990.
38. *Валишевский К.* Иван Грозный. — М.: Икпа, 1989.
39. *Валишевский К.* Марысенька, королева Польши. — М.: Икпа, 1989.
40. *Валишевский К.* Первые Романовы. — М.: Икпа, 1989.
41. *Валишевский К.* Сын великой Екатерины. — М.: Икпа, 1990.
42. *Валянский С., Калюжный Д.* Русские горки: возвращение в начало. — М.: АСТ; АСТРЕЛЬ; Транзиткнига, 2004.
43. *Валянский С. И., Калюжный Д. В.* Новая хронология земных цивилизаций. — М.: Олимп, 1996.
44. *Ванчура В.* Картины из истории народа чешского. Тт. 1—2. — М.: Худ. лит., 1991.
45. *Вернадский Г. В.* Киевская Русь. — Тверь—Москва: Леан-Аграф, 1996.

46. *Вернадский Г. В.* Монголы и Русь. — Тверь—Москва: Леан-Аграф, 1996.
47. *Вершинин Л.* Хроники неправильного завтра. — М.: Аргус, 1996.
48. Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. — М.: Тип. В. М. Саблина, 1909 (переизд. М.: Новое время, 1990).
49. *Вигилев А. Н.* История отечественной почты. — М.: Радио и связь, 1990.
50. *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. — Ростов-на-Дону: Феникс, 1995.
51. Военная энциклопедия. Тт. I—XIV. — СПб.: 1910—1914.
52. Всеобщая история, обработанная «Сатириконом». — Л.: Сов. писатель, 1990.
53. *Высочков Л.* Николай I. — М.: Прогресс, 1989.
54. *Галич М.* История доколумбовых цивилизаций. — М.: Мысль, 1990.
55. *Герберштейн С.* Записки о Московии. — М.: Изд-во МГУ, 1988.
56. Герои и битвы. — М.: Современник, 1995.
57. *Гессен А.* Во глубине сибирских руд... — М.: Детская литература, 1965.
58. *Гидаш А.* Шандор Петефи: 1823—1849, изд. ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1951.
59. *Гоголицын Ю. М.* Величайшие подделки, грабежи и хищения произведений искусства. — СПб.: Брайт Лайт, 1997.
60. *Горбовский А., Семенов Ю.* Без единого выстрела. Из истории российской военной разведки. — М.: «Молодая гвардия», 1984.
61. *Гордин Я.* События и люди 14 декабря. — М.: Советская Россия, 1985.

62. *Горяйнов С. Г., Егоров А. А.* История России IX–XVIII вв. — Ростов-на-Дону: Феникс, 1996.
63. *Греч Н. И.* Записки о моей жизни. — М.: Книга, 1990.
64. *Гумилев Л. Н.* В поисках вымышленного царства. — СПб., 1994.
65. *Гумилев Л. Н.* От Руси к России. — М.: Экспрос, 1993.
66. *Гумилев Л. Н.* Хунну. — СПб.: ТАЙМ-АУТ, 1993.
67. *Гумилев Л. Н.* Хунны в Китае. — СПб., 1994.
68. *Гусляров Е.* Екатерина II в жизни. — М.: «ОЛМА-ПРЕСС. Звездный мир», 2004.
69. *Гюго В.* Отверженные. Кн. 2. — М.: Правда, 1979.
70. *Даллес А.* Искусство разведки. — М.: Междунар. отношения-Улисс, 1992.
71. *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. — М.: Книга, 1991.
72. *Дашкова Е.* Записки 1743—1780. — М.: Наука, 1985.
73. *Дворецкий И. Х.* Латинско-русский словарь. — М.: Русский язык, 1986.
74. *Дегтярев А.* Трудный век Российского царства. — Л.: Дет. лит., 1989.
75. *Делюмо Ж.* Ужасы на Западе. — М: Голос, 1994.
76. *Деникин А. И.* Путь русского офицера. — М.: Прометей, 1990.
77. *Джеймс П., Мартин Дж.* Все возможные миры. История географических идей. — М.: Прогресс, 1988.
78. *Джером Горсей.* Записки о России. XVI — начало XVII в. — М.: Изд. Московского университета, 1990.

79. *Диккенс Ч.* Посмертные записки Пиквикского клуба. — Петрозаводск: Госиздат, 1957.
80. *Дитмар А. Б.* От Птолемея до Колумба. — М.: Мысль, 1989.
81. *Доронин А.* Руси волшебная палитра. — М.: «Молодая гвардия», 1992.
82. *Дубов Н.* Колесо Фортуны. — М.: Дет. лит., 1978.
83. *Дукером К.* Джером. Избранное. Т. 1. — ГИХЛ. М., 1957.
84. *Евдокимов Д.* За давностью лет. — Л.: Лениздат, 1988.
85. *Елизаветин Г.* Деньги. — М.: Детгиз, 1960.
86. *Жаботинский В.* Избранное. — Израиль: Б-ка «Алия», 1984.
87. *Жук А. Б.* Революеры и пистолеты. — М.: Воениздат, 1990.
88. *Забелин И.* История города Москвы. — М.: Столица, 1990.
89. *Заичкин И. А., Почкаев И. Н.* Русская история. Популярный очерк. — М.: Мысль, 1992.
90. *Замалеев А. Ф., Овчинникова Е. А.* Еретики и ортодоксы. Очерки древнерусской духовности. — Л.: Лениздат, 1991.
91. Записки очевидца. Воспоминания, дневники, письма. — М.: Современник, 1989.
92. *Игнатъев А. А.* Пятьдесят лет в строю. — М.: Воениздат, 1986.
93. Из-под глыб. Сборник статей. — ИМКА-пресс. Париж, 1974.
94. *Иловайский Д.* Начало Руси. — М.: ЧАРЛИ, 1996.
95. *Иловайский Д.* Новая династия. — М.: ЧАРЛИ, 1996.

96. *Иловайский Д.* Отец Петра Великого. — М.: ЧАРЛИ, 1996.
97. *Иловайский Д.* Собиратели Руси. — М.: ЧАРЛИ, 1996.
98. *Иловайский Д.* Становление Руси. — М.: ЧАРЛИ, 1996.
99. *Иловайский Д.* Царская Русь. — М.: ЧАРЛИ, 1996.
100. *Ильин М., Сегал Е.* Как человек стал великаном. — М.: Рипол, 1994.
101. *Иосифова Б.* Декабристы. — М.: Прогресс, 1989.
102. *Ирасек А.* Старинные чешские сказания. — М.: Правда, 1987.
103. *Ирвинг В.* Жизнь Магомета. — М.: Интербук, 1990.
104. История сыска в России. Тт. 1—2. — Минск: Литература, 1996.
105. *Калугин В.* Струны рокотаху... Очерки о русском фольклоре. — М.: Современник, 1989.
106. *Касвинов М. М.* Двадцать три ступени вниз. — М.: Мысль, 1978.
107. *Князьков С.* Очерки из истории Петра Великого и его времени. — Пушкино: Культура, 1990.
108. *Козлов Ю. Ф.* Союз короны и креста. — Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1995.
109. *Коллингвуд Р. Дж.* Идея истории. — М.: Наука, 1980.
110. *Коммин Ф.* Мемуары. — М.: Наука, 1986.
111. *Кони Ф.* Фридрих Великий. — М.: Алгоритм, ЭКСМО, 2003.
112. Коран. Перевод и комментарии И. Ю. Крачковского. — Баку: Язычи, 1990.

113. *Костомаров Н.* Богдан Хмельницкий. — М.: ЧАРЛИ, 1994.
114. *Костомаров Н.* Бунт Стеньки Разина. — М.: ЧАРЛИ, 1994.
115. *Костомаров Н.* Домашняя жизнь и нравы великорусского народа. — М.: Экономика, 1993.
116. *Костомаров Н.* Казаки. — М.: ЧАРЛИ, 1995.
117. *Костомаров Н.* Русская республика. — М.: ЧАРЛИ, 1994.
118. *Костомаров Н.* Русь крещеная. — М.: ЧАРЛИ, 1996.
119. *Костомаров Н.* Смутное время Московского государства. — М.: ЧАРЛИ, 1994.
120. *Костомаров Н.* Старый спор. — М.: ЧАРЛИ, 1994.
121. *Костомаров Н.* Земские соборы. — М.: ЧАРЛИ, 1995.
122. *Красиков В. А.* Победы, которых не было. — СПб.: Нева, 2004.
123. Красноречие Древней Руси (XI—XVII вв.). — М.: Сов. Россия, 1987.
124. *Крутов В. В., Швецова-Крутова Л. В.* Белые пятна красного цвета: Декабристы: В 2 кн. Кн. 1: Новости прошлого. — М.: Терра — книжный клуб, 2001.
125. *Крутов В. В., Швецова-Крутова Л. В.* Белые пятна красного цвета: Декабристы. В 2 кн. Кн. 2: Ах, как славно мы... — М.: Терра — книжный клуб, 2001.
126. *Кузьмин А.* Хазарские страдания // «Молодая гвардия», М., 1993, №№ 5—6.
127. *Кюстин А.* Николаевская Россия. — М.: Политиздат, 1990.

128. *Ларичев В.* Путешествие в страну восточных иноземцев. — Новосибирск: Наука, 1973.
129. Латинские юридические изречения. — М.: Юристъ, 1996.
130. *Ленин В. И.* Детская болезнь левизны в коммунизме. — М.: Книга, 1990.
131. *Леонов О., Ульянов И.* Регулярная пехота 1698—1801. — М.: АСТ, 1995.
132. Лехаим, №№ 50—51. — М., июль 1996.
133. *Лозинский С. Г.* История папства. — М.: Политиздат, 1986.
134. *Лурье Ф.* Полицейские и провокаторы. — СПб.: Час пик, 1992.
135. *Лызлов А.* Скифская история. — М.: Наука, 1990.
136. *Мадариага Исабель де.* Россия в эпоху Екатерины Великой. — М.: Новое литературное обозрение, 2002.
137. *Мадер Ю.* Тайна Хантсвилла. — М.: Политиздат, 1965.
138. *Манфред А. З.* Наполеон Бонапарт. — М.: Мысль, 1986.
139. *Манько А. В.* Августейший двор под сенью Гименя. — М.: Аграф, 2003.
140. *Маркевич В. Е.* Ручное огнестрельное оружие. СПб.: Полигон, 1994.
141. *Марков С.* Земной круг. — М.: Современник, 1976.
142. Махаон. — М., 1996, № 2.
143. *Меженков В.* Русские истоки, психология, судьба. — М.: Русская книга, 2003.
144. *Меир Голда.* Моя жизнь. — Чимкент: Аурика, 1997.

145. Мемуары декабристов. — Изд. Московского университета, 1981.
146. Мемуары декабристов. — М.: Правда, 1988.
147. Мемуары декабристов: Северное общество. — М.: Изд. Московского университета, 1981.
148. Мемуары декабристов: Южное общество. — М.: Изд. Московского университета, 1982.
149. Мир русской истории. Энциклопедический справочник. — М.: Вече, 1997.
150. *Митрополит Вениамин (Федченков)*. На рубеже двух эпох. — М.: Отчий дом, 1994.
151. *Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн*. Битва за Россию. — Саратов, 1993.
152. *Митяев А. В.* Героические страницы истории Родины. — IX—XVIII вв. — М.: Просвещение, 1991.
153. *Михневич В.* Русская женщина XVIII столетия. — Киев, 1895.
154. *Можейко И. В.* 1185 год. — М.: Наука, 1989.
155. *Можейко И. В.* 7 и 37 чудес. — М.: Современник, 1996.
156. *Молчанов Н. Н.* Дипломатия Петра Первого. — М.: Межд. отношения, 1984.
157. Монархи Европы: Судьбы династии. — М.: Терра — TERRA, 1997.
158. *Морозов Н. А.* Повести моей жизни. Тт. 1—2. — М., 1957.
159. *Моруа Л.* Жизнь Дизраэли. — М.: Политиздат, 1991.
160. *Мыльников А.* Пётр III. — М.: «Молодая гвардия», 2002.
161. *Мыльников А. С.* Искушение чудом: русский принц и самозванцы. — Л.: Наука, 1991.

162. *Мыльников А. С.* Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. — СПб., 1996.
163. *Мэсси Р. Николай и Александра.* — М.: Интерпракс, 1990.
164. *Мэсси Р.* Петр Великий. Тт. 1—3. — Смоленск: Русич, 1996.
165. Над пропастью нераскрытых тайн. — М.: Современник, 1996.
166. *Наровчатов С.* Необычное литературоведение. — М.: «Молодая гвардия», 1973.
167. Настольный словарь для справок по всем отраслям знания (справочный энциклопедический лексикон). В 3 тт. Т. 1. — Изд. Правда, 1988.
168. Настольный словарь для справок по всем отраслям знания. В 3 т. Т. 2. Дви — Оорись. — СПб.: Типография и литография И. Паульсона и комп., 1864.
169. Наша слава (на белорусск, яз.). — Минск, № 10, 1990.
170. *Невелев Г. А.* Пушкин об 14 декабря. — СПб.: Технологос, 1998.
171. *Ненахов Ю. Ю.* Войны и кампании Фридриха Великого. — Минск.: Харвест, 2002.
172. *Непомнящий Н.* Экзотическая зоология. — М.: Олимп-АСТ, 1997.
173. *Никитин Н. И.* Освоение Сибири в XVII веке. — М.: Просвещение, 1990.
174. Николай Первый и его время. Т. 1. — М.: «ОЛМА-ПРЕСС», 2000.
175. *Никольский Н. М.* История русской церкви. — Минск: Беларусь, 1990.
176. *Носовский Г. В., Фоменко А. Т.* Империя. — М.: Факториал, 1996.

177. *Оболенский Г.* Император Павел I. — М.: Русское слово, 2001.
178. *Оболенский Г. В.* Император Павел I. — Смоленск: Русич, 1996.
179. *Ольденбург С. С.* Царствование императора Николая II. — М.: Терра-TERRA, 1992.
180. *Оржиховский И. В.* Самодержавие против революционной России. — М.: Мысль, 1982.
181. Оставшіяся творенія Фридриха Второго короля Пруссаго. Т. 7., 1789.
182. *Охлябинин С.* Повседневная жизнь русской армии суворовских войн. — М.: «Молодая гвардия», 2004.
183. *Павленко Н. И.* Петр Первый. — М.: «Молодая гвардия» (ЖЗЛ), 1976.
184. *Павленко Н. И.* Птенцы гнезда Петрова. — М.: Мысль, 1988.
185. *Павлов-Сильванский Н. П.* Феодализм в России. — М.: Наука, 1988.
186. *Палеолог М.* Царская Россия накануне революции. — М.: Политиздат, 1991.
187. Памяти декабристов. — Л., 1926.
188. *Панова В. Ф., Бахтин Ю. Б.* Жизнь Мухаммеда. — М.: Политиздат, 1991.
189. *Паркинсон С.* Закон Паркинсона. — М.: Прогресс, 1989.
190. *Паршев А.* Почему Америка наступает. — М.: АСТ; Астрель, 2002.
191. *Пересветов Р.* Тайны выцветших строк. — М.: Детгиз, 1963.
192. *Перну Р., Клэн М.-В.* Жанна д'Арк. — М.: Прогресс, 1992.

193. *Песков А. М.* Павел I. — М.: «Молодая гвардия», 2000.
194. Петербург военный XVIII—XIX веков. — М.: Военное издательство, 2004.
195. *Пикуль В.* Битва железных канцлеров. — Л.: Лениздат, 1978.
196. *Пикуль В.* Исторические миниатюры. — Рига, 1994.
197. *Пикуль В.* Нечистая сила. — Красноярск: кн. изд-во, 1989.
198. *Пикуль В.* Эхо былого. — Владивосток: Дальневосточное изд., 1987.
199. *Писаренко К.* Повседневная жизнь русского двора в царствование Елизаветы Петровны. — М.: «Молодая гвардия», 2003.
200. *Платонов С. Ф.* Полный курс лекций по русской истории. — Петрозаводск: Фолиум, 1996.
201. *Плотников С. Е.* Сначала был порох. — М.: Просвещение, 1991.
202. По Москве. — М.: Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1917 (переизд. М.: Изобразительное искусство, 1991).
203. *Покровский М.* Русская история. Т. 3. — СПб.: Полигон, 2002.
204. *Покровский М.* Русская история. Т. 1. — СПб.: Полигон, 2002.
205. *Поулсен Дж.* Английские бунтари. — М.: Прогресс, 1987.
206. Православные чудеса в XX веке. — М.: Трам, 1993.
207. Преступники и преступления. — Донецк: Сталкер, 1997.

208. Провокация среди декабристов. — М.: Московский рабочий, 1925.
209. *Протоиерей Лев Лебедев*. Москва патриаршая. — М.: Вече, 1995.
210. *Прочко И. С.* История развития артиллерии. — СПб.: Полигон, 1994.
211. *Пушкарев С. Г.* Обзор русской истории. — М.: Наука, 1991.
212. *Пыляев М. И.* Старый Петербург. — М.: Икпа, 1990.
213. *Радзинский Э.* Сталин. — М.: Вагриус, 1997.
214. *Раззаков Ф.* Век террора. Хроника покушений. — М.: ЭКСМО, 1997.
215. *Рогозин Д.* Русский ответ. — СПб.: Глаголь, 1996.
216. Россия XV—XVII вв. глазами иностранцев. — Л.: Лениздат, 1986.
217. Россия при царевне Софье и Петре I. Записки русских людей. — М.: Современник, 1990.
218. Русские мемуары: Избранные страницы. 1800—1825 гг. — М.: Правда, 1989.
219. *Рыбаков Б. А.* Язычество Древней Руси. — М.: Наука, 1988.
220. *Рябцевич В. Н.* О чем рассказывают монеты. — Минск: Народная асвета, 1977.
221. *Сахаров А. Н.* Дипломатия Святослава. — М.: Межд. отношения, 1991.
222. *Сенека Л. А.* Нравственные письма к Луцилию. — Кемерово, 1986.
223. *Сенкевич Г.* Собр. соч., т. 9. — М.: Худ. лит., 1985.
224. Сердца из крепкого булата. Сборник русских летописей и памятников литературы. — М.: Патриот, 1990.

225. *Сироткин В.* Почему «слиняла» Россия? — М.: Алгоритм, 2004.
226. *Скрынников Р. Г.* Великий государь Иоанн Васильевич Грозный. Тт. 1—2. — Смоленск: Русич, 1996.
227. *Скрынников Р. Г.* На страже московских рубежей. — М.: Московский рабочий, 1986.
228. *Скрынников Р. Г.* Россия в начале XVII в. «Смута». — М.: Мысль, 1988.
229. *Скрынников Р. Г.* Самозванцы в России в начале XVII в. Григорий Отрепьев. — Новосибирск: Наука, 1987.
230. *Скрынников Р. Г.* Святители и власти. — Л.: Лениздат, 1990.
231. *Снисаренко А. Б.* Рыцари удачи. — СПб.: Судостроение, 1991.
232. *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен: 1740—1748. Тт. 21—22. Кн. 9. — М.: Фолио, 2001.
233. *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен: Начало 20-х годов XVIII века — 1725. Тт. 17—18. Кн. 9. — М.: Фолио, 2003.
234. *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен: 1749—1761. Тт. 23—24. Кн. 12. — М.: Фолио, 2003.
235. *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен: 1762—1765. Тт. 25—26. Кн. 13. — М.: Фолио, 2001.
236. *Соловьев С. М.* Иллюстрированная история России. — М.: Русское слово, 1997.
237. *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен: 1725—1740. Тт. 19—20. Кн. X. — М.: Фолио, 2002.

238. *Спиридович А.* Записки жандарма. — М.: Худ. лит., 1991 (репринт. издание 1930).
239. Справочник личных имен народов РСФСР. — М.: Русский язык, 1987.
240. *Стаднюк И.* Исповедь сталиниста. — М.: Патриот, 1993.
241. *Сталин И.* Сочинения. Т. 10. — М.: Госполитиздат, 1949.
242. *Степанова В. Е., Шевеленко А. Я.* История средних веков. — М.: Просвещение, 1981.
243. *Суворов В.* Контроль. — М.: АСТ, 1996.
244. *Суворов В.* Ледокол. День М. — М.: АСТ, 1996.
245. *Суворов В.* Последняя республика. — М.: АСТ, 1996.
246. *Судоплатов П.* Разведка и Кремль. — М.: Гея, 1996.
247. *Талалай С. и Я.* Самые удивительные животные мира. — М.: Армада, 1997.
248. *Тарле Е. В.* Наполеон. — М.: Наука, 1991.
249. *Тойнби А. Дж.* Постижение истории. — М.: Прогресс-Культура, 1996.
250. Три каравеллы на горизонте. — М.: Межд. отношения, 1991.
251. *Троицкий Н. А.* Фельдмаршал Кутузов: мифы и факты. — М.: Центрполиграф, 2003.
252. *Троцкий И.* III отделение при Николае I. — Лениздат, 1990.
253. *Трухановский В.* Судьба адмирала: триумф и трагедия. — М.: «Молодая гвардия», 1984.
254. *Тухачевский М.* Поход за Вислу. *Пилсудский Ю.* Война 1920 года. — М.: Новости, 1992.
255. *Уолкер А.* Одри. — Смоленск: Русич, 1997.

256. *Урланис Б. Ц.* История военных потерь. — СПб.: Полигон, 1994.
257. *Успенский Л.* Слово о словах. Почему не иначе? — Л.: Дет. лит., 1971.
258. *Успенский Л.* Ты и твое имя. Имя дома твоего. — Л.: Дет. лит., 1972.
259. *Уэллс Г.* Собр. соч. Т. 15. — М.: Правда, 1964.
260. *Федоров-Давыдов Г. А.* Искусство кочевников и Золотой Орды. — М.: Искусство, 1976.
261. *Фоли Д.* Энциклопедия знаков и символов. — М.: Вече-АСТ, 1996.
262. *Хьюитт Карен.* Понять Британию. — Пермь: Книжный мир, 1992.
263. Цареубийство 11 марта 1801 г. — СПб.: изд. А. С. Суворина, 1907 (репринт 1990).
264. *Ципко А.* Истоки сталинизма // Наука и жизнь, 1988, № 12.
265. *Челлини Б.* Жизнь Бенвенуто Челлини. — М.: Худ. лит., 1988.
266. *Черепнин А. В.* Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. — М.: Наука, 1969.
267. *Черняк Е. Б.* Вековые конфликты. — М.: Межд. отношения, 1988.
268. *Черняк Е. Б.* Пять столетий тайной войны. — М.: Межд. отношения, 1972.
269. *Черняк Е. Б.* Судебная петля. — М.: Мысль, 1991.
270. *Чивилихин В.* Память. — М.: Современник, 1982.
271. *Шандор Петефи.* Избранное, государственное издательство художественной литературы. — М., 1995.

272. *Шенелев Л. Е.* Титулы, мундиры, ордена. — Л.: Наука, 1991.
273. *Шильдер Н.* Император Павел I. — М.: ЧАР-ЛИ, 1996.
274. *Шульгин В. В.* Дни. 1920. — М.: Современник, 1989.
275. *Эджингтон Г.* Адмирал Нельсон. — М.: Прогресс, 1992.
276. *Эйдельман Н.* Апостол Сергей. — М.: Политиздат, 1988.
277. *Эйдельман Н.* Обреченный отряд. — М.: Советский писатель, 1987.
278. *Эйдельман Н.* Революция сверху в России // Наука и жизнь, 1988, №№ 10—12, 1989, №№ 1—3.
279. *Экономцев И. Н.* Записки провинциального священника. — М.: Вернал, 1993.
280. Энциклопедический словарь / Под ред. М. М. Филиппова. В 3 тт. Т. 2. Заворот — Преображенский. — Прил. к ж. Природа и люди, 1901.
281. Энциклопедический словарь Ф. Павленкова. 5-е изд. со стереотипа 4-го изд. — СПб.: Тип. Сиб. Т-ва Печ. и Изд. дела «Трудь», 1913.
282. Энциклопедический словарь Ф. Павленкова. 5-е изд. со стереотипа 4-го изд. С.-Петербургъ. Тип. Сиб. Т-ва Печ. и Изд. дела «Трудь», 1913.
283. Энциклопедический словарь. Тт. 1—2. — М.: Сов. энциклопедия, 1964.
284. Энциклопедический словарь/ Под ред. М. М. Филиппова, редактора журнала «Научное обозрение». В 3 тт. Том I. Ааргау — Заволочье. Бесплатное приложение к ж. «Природа и люди» за 1901 г.

285. *Эскин А.* Гуд бай, Америка! / Возвращение, 1992, №№ 6—7. — Израиль: Иерусалим.
286. *Юрганов А. Л., Кацва Л. А.* История России XVI—XVIII вв. — М.: МИРОС, 1994.
287. *Яковлев В. В.* История крепостей. — СПб.: Полигон, 1995.
288. *Ян В.* Батый. — М.: ГИХЛ, 1960.
289. *Beck J.* Ostatni raport. — PIW: Warszawa, 1987.
290. *Bidwell G.* Cudza krewia. — Slask: Katowice, 1979.
291. *Cydzik G.* Ulani, ulani... — WMON: Warszawa, 1983.
292. *Czuma M.* Nad Wisla, nad Niemnem, nad Dnieprem. — «Przekroj»: Warszawa, 1989.
293. Encyklopedia popularna. — PAN: Warszawa, 1982.
294. *Fiodorow J.* Proces Aleksego. — WL. Lodz, 1987.
295. *Herlinger J. J.* Niezwykłe peripetie odkryc i wynalazkow.—NK. Warszawa, 1985.
296. *Kosidowski Z.* Krolewstwo zlotych lez. — J.-S. Warszawa—Sofia, 1986.
297. *Kroulik J., Ruzicka B.* Vojenske rakety. — NV. Praha, 1985.
298. *Kwasniewicz.* 1000 slow o dawnej broni palnej. — WMON. Warszawa, 1987.
299. *Lent S.* Filozofia przypadku. T. 1. — WL. Krakow, 1988.
300. *Lesny J.* Sprawy o nemocech mocnych. — Horizont. Praha, 1989.
301. *Müller H., Kolling H.* Europäische hieb-und stichwaffen. — Berlin, 1981.
302. *Müller H.* Gewehre. Pistole. Revolver.—Leipzig, 1985.

303. *Nowicki J., Ziecina K.* Samoloty kosmiczne. — WNT. Warszawa, 1987.
304. *Polska wkalejdoskopie.* — Interpress. Warszawa, 1977.
305. *Ryniewicz Z.* Bitwy swiata. — WP. Warszawa, 1995.
306. *Serczyk W.* Katarzyna II—Ossolineum, 1989.
307. *Sidotski O.* «Panie Kochanku». — Slask. Katowice, 1987.
308. *Sielicki F.* Podroz Borysa Szeremietiewa. — PAN. Wroclaw, 1975.
309. *Snoch B.* Synowie Krzywoustego. — WSP. Warszawa, 1987.
310. *Spierski Z.* 500 zagadek o dawnym wojsku polskim.—WP. Warszawa, 1972.
311. *Spiwakowski A.* Samuraje. — PJW. Warszawa, 1989.
312. *Subotkin W.* Z kart historii polskiego lotnictwa. — KAW. Szczecin, 1985.
313. *Szubanski R.* Polska bron pancerna 1939. — WMON. Warszawa, 1982.
314. *Vzacne zbrane a zbroj.* — NV. Praha, 1986.
315. *Widacki J.* Detektywi na tropach zagadek historii. — Slask. Katowice, 1988.

СОДЕРЖАНИЕ

Историческое отступление: «новое войско»	3
Наследие Петра Великого, невеликое собою	17
Зима! Рейхсмаршал, торжествуя... ..	35
«Запрягайте сани, хочу ехать к сестре...»	43
«Виват, Анна Великая!»	51
Железный Дровосек и другие	64
Веселая царица была Елисавет... ..	74
Смерть идеалиста	91
Слишком все очевидно?	91
Сплетни и анекдоты	121
Дела	126
Вольность дворянская	131
Сарынь на кичку!	137
Господин капитан	142
Сто восемьдесят седьмой день	148
Мать Отечества	162
Некто Емельян	172
Вместо эпилога к «бабьему царству»	183
Последний рыцарь	186
Пугало огородное	218
Конституция и картечь	227
Люди на площади	227
Цари на каждом бранном поле... ..	233
Очаровательные франты минувших лет	235
«Мечтательные крайности»	239

...Вы брали сердце и скалу	245
Черный полковник	253
Накануне	273
День Фирса	275
Южный нарыв	287
Слезы капали	292
Тени за сценой	298
Люди с другой стороны	310
Хранители гордого терпенья	324
Вместо эпилога: бешеная карусель	359
Вместо эпилога	371
Приложение	374
Список литературы	389

Официальный сайт А. Бушкова
<http://www.shantarsk.ru>

Литературно-художественное издание

Александр Бушков

**РОССИЯ, КОТОРОЙ НЕ БЫЛО-4.
Блеск и кровь гвардейского столетия**

Ответственный за выпуск *Д. Хвостова*
Редактор *И. Лобановская*
Художественный редактор *А. Гладышев*
Технический редактор *Л. Бирюкова*
Компьютерная верстка *О. Тарвид*
Корректор *Л. Корнилова*

Подписано в печать 18.10.04.
Формат 84×108^{1/32} Гарнитура «Ньютон».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,84.
Тираж 55 000 экз.
Изд. № 04-6938. Заказ № 3479.

Издательство «ОЛМА-ПРЕСС»
129075, Москва, Звездный бульвар, 23А, стр. 10

ОАО ПФ «Красный пролетарий»
127473, Москва, Краснопролетарская, 16
входят в группу компаний
ЗАО «ОЛМА МЕДИА ГРУПП»

Отпечатано с готовых диапозитивов
в полиграфической фирме «КРАСНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ»
127473, Москва, Краснопролетарская, 16

Сокровища Сергея Алексеева

В серии собраны самые ЛУЧШИЕ РОМАНЫ большого мастера русской остросюжетной прозы Сергея Алексеева. Некоторые из них не издавались с 1998 года. Писатель охватил разные темы, будоражащие воображение читателей.

- «Аз Бога ведаю»
- «Возвращение Каина»
- «Волчья хватка»
- «Долина смерти»
- «Когда боги спят»
- «Крамола»
- «Покаяние пророков»
- «Рой»
- «Скорбящая вдова»
- «Слово»
- «Удар «Молнии»
- «Утоли моя печали»

Новый роман С. Алексеева

«Скорбящая вдова»

Цикл романов

“Сокровища Валькирии” уже много лет остается одним из самых читаемых на книжном рынке.

- «Сокровища Валькирии. Стоящий у солнца»
- «Сокровища Валькирии. Страга Севера»
- «Сокровища Валькирии. Земля Сияющей Власти»
- «Сокровища Валькирии. Звездные раны»
- «Сокровища Валькирии. Хранитель силы»

Что есть Грех? Что есть Смертный Грех? Никогда ранее не разбирались Грехи с такой скрупулезной тщательностью.

Антон Ульрих, самый загадочный писатель нашего времени, возвел Смертный Грех в абсолют и анатомировал его скальпелем литературы. Человеческие драмы, кошмары реальности, страсть и порок — все это можно найти в книгах о грехах.

"Я бы не стал давать своим детям читать эти книги", — говорит автор о собственных произведениях.

Что такое "Семь Смертных Грехов" Антона Ульриха?

Возьмите притчи Пауло Козльо, добавьте интеллектуальную насыщенность Артуро Перес-Реверте, смешайте с мудростью Умберто Эко и разбавьте страстностью Юкио Мисима.

"Гурман"

"Потрошитель. История страсти"

"Джентльмен"

"Инквизитор. Акт веры"

"Садист"

"Сана. Психология мести"

"Сочинитель. Роман с тайной"

Серия «БРИГАДА»

В чем секрет популярности сериала "Бригада"?

"Важно не то, какую дорогу ты выбираешь, а то, что внутри тебя заставляет выбрать эту дорогу". Эти слова, сказанные когда-то давно писателем О'Генри, как нельзя лучше передают внутренний подтекст первой русской гангстерской саги "Бригада": эта книга — о том, что мы сами принимаем решения, которые в будущем кто-то назовет нашей судьбой. Это книга о сильных характерах, конфликте интересов, любви и ревности, зависти и ненависти, верности и предательстве...

Это история борьбы личности и подавляющей ее Системы, независимо от того, идет ли речь о государстве или преступной группировке...

А. Белов	"Бригада. Бои без правил"	А. Белов	"Бригада. Бешеные деньги"
А. Белов	"Бригада. Битва за масть"	А. Белов	"Бригада. Молодые волки"
А. Белов	"Бригада. Преданный враг"	А. Белов	"Бригада. Грязные игры"
А. Белов	"Бригада. Последний выстрел"	А. Белов	"Бригада. Потерянные души"
-

ЧТО ПРОИЗОШЛО ПОСЛЕ ВЫСТРЕЛА В АЭРОПОРТУ ШЕРВМЕТЬЕВО?

В 2004 ГОДУ — ПРОДОЛЖЕНИЕ ТЕЛЕСЕРИАЛА "БРИГАДА"
В ЛИТЕРАТУРНОЙ ВЕРСИИ НАШЕГО ИЗДАТЕЛЬСТВА!

А. Белов	"Бригада. Жизнь после смерти"
А. Белов	"Бригада. От суммы до тюрьмы"
А. Белов	"Бригада. Металл и воля"
А. Белов	"Бригада. Штурм вулкана"
-

Книги издаются в твердом и мягком переплетах.

кино в формате книги

До конца 2004 года
в издательстве «ОЛМА» в рамках проекта
«Русский сериал» выйдут литературные
версии культовых блокбастеров!

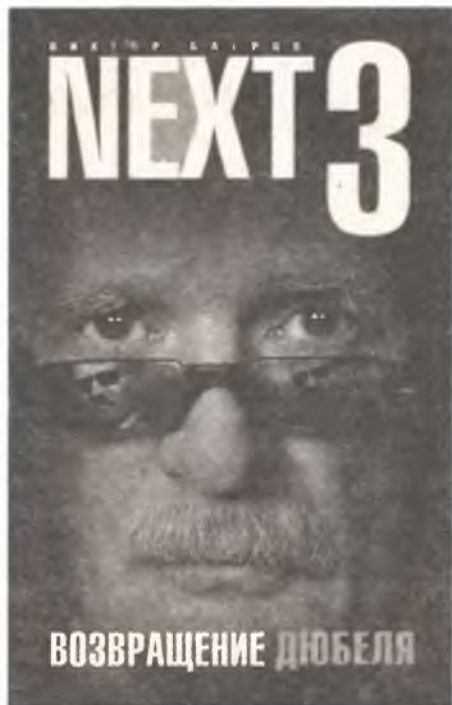
«Бумер», в 2-х книгах.

История одного предательства. Психологический триллер.

«Звездочет», в 3-х книгах. Обаятельный мошенник в роли русского Джеймса Бонда. Шпионский боевик.

«Бедная Настя», в 4-х книгах. История любви с первого взгляда. Историческая мелодрама.

NEXT 3

Есть мушкетеры и в нашу эпоху криминального капитализма! Не перевелись еще на Руси отечественные Дон Кихоты и Робин Гуды, Прекрасные дамы, преданные мамки-няньки и многообещающие Мальчики-с-Пальчики с финансовым образованием... Да и маньякам есть где развернуться на российской почве. Об этом – книжная версия полюбившегося россиянам рейтингового телесериала «NEXT-3».

В 2004 году выйдут четыре книги сериала:

«Next-3. Возвращение Дюбеля»

«Next-3. Маски сброшены»

«Next-3. Окимовские разборки»

«Next-3. Венок для Лавра»

История для Александра Бушкова не есть нечто застывшее, окостеневшее. Автор с присущей ему дерзкой фантазией продолжает разгадывать исторические загадки.

Есть период в истории России — 1725—1825 годы, который с полным правом можно назвать Гвардейское Столетие. Потому что от гвардии в те годы зависело очень многое — в том числе, остаться очередному самодержцу на троне или пасть, быть ему живым, или...

Государи и государыни восседали на тронах, думая, что они правят. Но совсем рядом все эти сто лет была другая сила, не имевшая прав и полномочий вмешиваться в государственные дела. Однако эта сила по имени Гвардия решала судьбу трона.

- Наследие Петра Великого, невеликое собою
- «Виват, Анна Великая!»
- Веселая царица была Елисавет...
- Смерть идеалиста
- Сарынь на кичку!
- Господин капитан
- Матерь Отечества
- Некто Емельян
- Конституция и карточь

ИЗДАТЕЛЬСТВО
**ОЛМА
ПРЕСС**

ISBN 5-224-04891-5

9 785224 048915